

АДЕЛИЯ РОЗЕНБЛЮМ

@adelia_blum

**НА ДРУГОЙ
СТОРОНЕ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

16+

Аделия Розенблюм

На другой стороне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64019991

SelfPub; 2021

Аннотация

В 22 веке космическая Содружество отправляет команду своих лучших людей, чтобы исследовать космическое пространство за пределами Солнечной системы.

Главная героиня, лейтенант Лида Хорошева, становится старшим пилотом в экспедиции. Преисполненная предвкушением будущих свершений, она готова к покорению новых пределов и раскрытию тайн Вселенной.

Корабль отправляется в путь, но с первых дней полёта капитан корабля будто помешался от предоставленной ему власти. Он отстраняет Лиду от службы и отдаёт приказы, смысл которых утаивает от своей команды. Корабль сходит с курса, и миссия оказывается под угрозой срыва.

Лида Хорошева бросает вызов капитану. Она старается восстановить порядок и спасти жизни пассажиров корабля.

И когда Лиде кажется, что она уже со всем справилась, оказывается, что капитан не сошёл с ума, а цель экспедиции заключается совершенно в другом.

Сможет ли Лида Хорошева спасти корабль и привести экипаж к цели?

Содержание

Глава первая, начало конца	5
Глава вторая, не естественный отбор	12
Глава третья, «Факел Прометея»	20
Глава четвёртая, смена	32
Глава пятая, прощание с домом	40
Глава шестая, звездолёт с роковым названием	52
Глава седьмая, решения капитана не оспариваются	69
Глава восьмая, сто дней	82
Глава девятая, смена маршрута	93
Глава десятая, извинение или отстранение	109
Глава одиннадцатая, ссылка	116
Глава двенадцатая, короткое замыкание	128
Глава тринадцатая, возвращение	137
Глава четырнадцатая, исполняющий обязанности	147
Глава пятнадцатая, пыль в окне	155
Глава шестнадцатая, переполох	165
Глава семнадцатая, абсолютный мрак	172
Глава восемнадцатая, голубая звезда	180
Глава девятнадцатая, три-два-один	191
Глава двадцатая, манёвр	200
Глава двадцать первая, Капитан Мертвец	210
Глава двадцать вторая, эвакуация	221

Аделия Розенблюм

На другой стороне

Глава первая, начало конца

Осколки взорванного астероида продолжали наступать звездолёт. Они уже повредили один из двигателей и пробили обшивку центрального корпуса корабля. Сработала сирена, и громкий металлический голос компьютера оповестил о разгерметизации.

Лейтенант Лида Хорошева стояла перед панелью управления, замерев в нерешительности. Её сковывал ужас и одолевало нестерпимое желание повернуть время вспять, чтобы предотвратить катастрофу. «В конечном итоге, всё всегда заканчивается трагически» обреченно подумала она.

Повреждённый корабль сохранял целеустремлённость, направляясь к цели. Но утратив равновесие и потеряв тягу в двигателях, он раскручивался вокруг своей оси и становился неуправляемой машиной смерти.

Лида оглянулась на капитана Смирнова. Этот человек – бездарный руководитель, сексист и гомофоб, отдал самый бездарный приказ, какой только мог прийти ему в голову, – сидел в своем кресле, притаившись, и опустив глаза. Возможно, стыд грыз ему душу, а страх смерти затмевал ясность

мышления и лишал его сил, но Смирнов впервые за всё время экспедиции не пытался препятствовать Лиде.

Лейтенант очнулась от забвения, включила микрофон и приказала всем пассажирам направиться к двум сохранившимся после взрыва спасательным шаттлам.

– Младший лейтенант Белооков и сержант Курник, – обратилась Лида к своим подчиненным. – Отправляйтесь на посадку, вы будете пилотировать шаттлы.

Сержант и младший лейтенант согласились с Лидой и заторопились к выходу, на дрожащих от волнения ногах. Застыв на секунду, Белооков подбежал к Лиде и крепко обнял её.

– Извини, что не поддержал тебя, когда это было нужно и правильно. Мне очень стыдно теперь.

Лида улыбнулась уголками губ, потрепала друга по волосам и попросила его торопиться.

Асмия, уже одетая в скафандр, подошла к Лиде.

– Что мы сможем на этих шаттлах? Дрейфовать пока, за нами не придёт помощь? – спросила она, наклонившись к уху подруги.

– А что я ещё могу сделать? – растерянно оглянулась Лида. – Корабль мертв. Остаться здесь – это самоубийство.

Асмия обняла подругу. Несмотря на дискомфорт от скафандра, она дотянулась и поцеловала Лиду.

– Ты всё равно молодец, – прошептала девушка.

Она помогла Лиде надеть её старый и потрёпанный ска-

фандр. Сжатый кислород заполнил пространство внутри и немного опьянил сознание. Лида расслабилась, отбросив бессмысленные переживания и страхи, и ощутила прилив сил и уверенности.

Она вернулась к пульту и связалась с пилотами шаттлов. Мужчины отрапортовали о количестве пассажиров на каждом шаттле, об исправности всех и систем и о готовности отстыковки.

– Ждём только вас, лейтенант Хорошева! – сообщил сержант Курник.

Лида тяжело вздохнула. Вылет шаттлов невозможен, пока массивный звездолёт не снизит обороты инерционного вращения.

Но она должна их спасти! Обязана!

Она села за пульт. Навигация у подбитого корабля работала неточно. Лида как смогла, нацелила остававшиеся заряды ядерных ракет вглубь космоса и произвела залп. Две ракеты, нагнетая давление, покинули оружейный модуль с левого борта. Этой мощи хватило, чтобы создать противодействие неуправляемому вращению и снизить обороты.

Лида запустила ещё одну пару ракет, чтобы добиться максимального замедления. Внезапно сработала сирена, а на экране пульта управления принялась пульсировать красная табличка. Лида коснулась её, и компьютер, включив свой металлический голос, сообщил о неисправности снаряда.

– Что это значит? – затаив дыхание, спросила Асмия.

На экране появился обратный отсчет.

– Это значит, что ракета застряла в пусковой шахте и скоро взорвётся, – прошептала Лида.

Она в ужасе глядела на быстро утекающие секунды, отсчитывавшие приближение конца.

– Беги ко второму выходу. Немедленно! – скомандовала Лида.

По радиосвязи она дала команду пилотам шаттлов улетать.

– Беги, – вновь повторила Лида, стараясь, чтобы голос её не дрожал. – Они дождутся тебя, и вы спасетесь! Беги!

– Нет! – Асмия старалась сдерживать слезы и быть убедительной. – Нет, что это значит? Мы пойдем вместе или я останусь здесь, с тобой.

Девушка казалась непреклонной, но её голос все же дрогнул, когда она говорила эти слова.

Лида смотрела в любимые глаза подруги и ощущала обжигающую боль в сердце. Это была тоска от осознания, что это их последние мгновения.

– Возьми с собой Смирнова, – сказала Лида. – Этот человек должен понести наказание за то, что сделал.

– Нет, – всё ещё пыталась сопротивляться Асмия. – Нет, – повторила она.

Слёзы текли по её щекам.

– Не обязательно всё должно закончиться так, – протянула Асмия, но она уже понимала, что это конец, они расстаются

и иначе быть не может.

Лида подбежала к Смирнову и потянула за ремешок наручников.

– Держи, – скомандовала она подруге.

Доктор Сандовал безвольно поддалась поручению Лиды, обмотала ремень вокруг своего запястья и потащила за собой капитана Смирнова, который всё ещё не отошел от шока.

Лида убедилась, что Асмия и капитан добрались до шаттла. Она рассчитала момент, когда крутящий момент корабля придаст шаттлам дополнительную инерцию и инициировала программу запуска.

Маленькими точками на экране навигации шаттлы направились прочь, в неизвестность. А на опустевшем, разгромленном корабле металлический голос закончил обратный отсчет и в следующую секунду, мощный взрыв разнес звездолёт вдребезги.

Лида ухватилась за что-то увесистое и держалась всеми силами. Чем-то увесистым оказалось капитанское кресло.

Кислород беззвучно вытекал из поврежденного скафандра. Где-то на плече был крохотный порез, пропускавший драгоценный воздух. Но так ли это важно сейчас?

Лида удивленно вглядывалась в своё окружение, прислушивалась к своим эмоциям. Ей не было страшно. Она не испытывала тоску, и сожаления не снесли её. Ей было... скучно.

Как странно!

Вот она одна, беспомощная, в пустоте безжалостного космоса... И ей скучно. Кислорода хватит ещё на четверть часа. И все эти пятнадцать минут она будет испытывать не радость, огорчение, гнев или любовь... Нет, она будет испытывать гнетущее чувство скуки.

Вселенная жестока. Вселенная безжалостна. Этот суровый мир совершенно не предназначен для жизни в нём. Человечество чудным образом зародилось в своей крохотной колыбели, за пределами которой его поджидает смерть. И, казалось бы, человек не должен желать выпасть за пределы своей родной планеты. Но он тянется, страхась и преодолевая леденящий ужас, устремляется к бескрайней пропасти, таящей в себе ничего кроме гибели, чтобы попытаться разгадать тайны мироздания.

Лида попыталась себя развлечь мыслями о том, что её возлюбленная спаслась. Мыслями о том, как глупого капитана Смирнова будут судить. Но эти мысли не нашли никакого отклика в душе.

Она стала спрашивать себя, всё ли правильно сделала сама? Что ж, вероятно, нет, раз именно она теперь бороздит просторы Вселенной в дырявом скафандре и с глупым капитанским креслом в охапку.

Лида отпустила кресло и продолжила свой полёт теперь уже совсем в одиночку.

Уровень кислорода достиг критического. Таймер на экране планшета, вшитого в левый рукав скафандра, настойчиво

отсчитывал оставшиеся две минуты.

Стать космонавтом. Это была её конечная цель. И в этом оказался просчет. Видимо, формулировать свои желания и устремления нужно более точно, максимально подробно расписывая детали. Лиде следовало думать так:

«Стать космонавтом и открыть новую обитаемую планету»

Или:

«Стать космонавтом и изучать новые миры, чтобы по возвращении написать научный труд».

Может, спрашивала себя теперь Лида, тогда бы она не оказалась в этой нелепой и скучной ситуации?!

Таймер истошно завопил, сигнализируя о том, что запасы кислорода иссякли. Лида выключила надоедливый звук и продолжила наслаждаться тишиной бессмертного космоса.

Совсем скоро жизнь покинет её. Тело окоченеет, и будет плыть до тех пор, пока гравитация ближайшей планеты не притянет Лиду к себе. И тогда она станет частью многовекового кольца из астероидов.

Лида ещё пыталась рассуждать о своей жизни, но её сознание постепенно затухало, погружаясь с бесконечный сон бесславной смерти.

Глава вторая, не естественный отбор

В просторной университетской зале для проведения экзаменов за длинным столом деловито восседала лётная комиссия из четырёх человек. Их каменные лица внимательно следили за каждым движением опрашиваемых кандидатов, недоверчивые глаза искоса поглядывали в анкеты, а в руках их нервно подрагивали карандаши, готовые вывести аккуратным подчерком жестокое «отказ» или милосердное «принят».

– Вы много лет служите пилотом на «Факеле Прометея», водите большегрузы, – перебирал глава комиссии строчки из анкеты Лиды. – Расскажите об этом, лейтенант Хорошева, – мужчина поднял глаза на Лиду.

– Я доставляю грузы на орбитальную станцию.

– Какие грузы? – уточнил мужчина.

– Я не могу с вами об этом говорить, – мягко улыбнувшись, ответила Лида.

Она знала, что этот вопрос – проверка. Сотрудники режимного объекта подписывают соглашение о неразглашении деталей своей работы.

Мужчина приподнял бровь и сделал какую-то отметку на лежащем перед ним листке.

– Вы окончили неплохой вуз, но без золотой медали, – продолжался опрос. – У вас хорошая мед-карта и отличная физическая подготовка. Помимо всего прочего, как выявили многочисленные тесты, что вы проходили прежде, у вас хорошие организаторские навыки. Опрос ваших коллег показал, что все они считают вас своим лидером. Но ответьте вы, лейтенант Хорошева, почему вы считаете, что справитесь с должностью капитана долгосрочной экспедиции за границу гелиосферы? Условия, в которых вы и ваша команда может оказаться далеки от тех, в которых вы привыкли работать.

Лида нахмурилась от всколыхнувшегося в груди возмущения. Что же, думала она, раз миссия «Циолковского-3» сопряжена с высокой степенью рисков, то тогда не стоит за неё браться?

Немного подумав, она повторила свой вопрос вслух.

– Это ответственное и тяжелое задание, – продолжала Лида, – на которое готовы пойти только самые смелые из людей, из космонавтов. Я отлично осознаю, что курсировать на проверенной годами ракете от поверхности Земли до сортировочной платформы на её орбите куда более безопасно, чем отправляется в неизведанные края. Быть первопроходцем это всегда высокий риск для жизни, и лишь малый шанс на успех. Но ради этого шанса мы должны быть смелыми и храбрыми.

– Это замечательная речь, которая хорошо характеризует вас, как человека умного и высоконравственного, – заметил

второй экзаменатор, снял тяжелые очки и потёр переносицу. – Но нам важно понимать, что вы в состоянии соизмерять ваши силы и возможности с той работой, которой вам, как капитану, придётся заниматься на корабле. И что ваша попытка оказаться в команде экспедиции это не способ вашей самореализации.

Лида поморщилась от слов застарелого профессора, который никогда не покидает своего университетского кабинета, не говоря уж о планете. Однако он ловко сумел спрятать за красивыми оборотами слов бытующее среди мужчин мнение, что женщине не место в космосе.

– Я предельно тщательно проанализировала весь свой многолетний опыт учёбы и работы, и пришла к выводу, что я достойный кандидат на должность капитана экспедиции. Позволю себе заметить, что легко вхожу в контакт с людьми, я уважаю своих коллег, и они отвечают мне тем же. А в стрессовых ситуациях я умею не терять контроль и быстро принимать нужные решения.

– Говоря иными словами, вы именно тот человек, который нам нужен, – усмехнулся глава комиссии.

Он наклонился по очереди к своим коллегам и указал на что-то в Лидиной анкете. Мужчины едва коснулись глазами текста, как вдруг согласно закивали.

Глава комиссии поднялся и протянул Лиде ладонь.

– Что ж, лейтенант Хорошева, поздравляю вас с успешно пройденным собеседованием. Я пока не могу дать вам от-

вет, но могу лишь заметить, что у вас действительно есть все шансы занять эту важную и ответственную должность.

Лида пожала руку главе, а затем всем по очереди членам комиссии.

– Господин Караваев, – воскликнул секретарь комиссии, обращаясь к главе. – Не стоит преждевременно обнадеживать кандидата, у вас на это нет прав. И, кроме того, нам нужно прослушать сегодня ещё одного претендента. Утром звонили из министерства и настоятельно просили об этом.

Секретарь выпучил глаза, сиюсь таким образом что-то объяснить главе комиссии.

Лида попрощалась с членами комиссии и вышла. В высоких дверях главного корпуса старинного Московского университета она столкнулась со своим начальником. Это был мужчина в годах, с проседью на висках и незначительной проплешиной на затылке. Капитан Смирнов, – именно так звали начальника, – разрядился в белоснежную парадную военно-космическую униформу, вывесив на груди своего кителя с десятков всевозможных наград и медалей.

– Лейтенант! – воскликнул капитан Смирнов, улыбнувшись ртом, при этом глаза и морщинки вокруг них остались не подвижными. – Не знал, что вы сегодня проходите собеседование. Как ваши успехи? – с ехидством в глазах спросил Смирнов.

– Лучше всех, капитан, – так же неестественно улыбнулась Лида. – А вы здесь по какому поводу?

– Решил попытать удачу! Авось, примут в экспедицию!

Лида на секунду растерялась от неожиданности, но быстро взяла себя в руки и пожалала капитану удачи.

– Удача для тех, кому больше не на что рассчитывать, – заметил Смирнов. – И кстати, у вас, лейтенант Хорошева, смена через час с четвертью. Вы собираетесь опаздывать?

– Не стоит беспокоиться, капитан, я буду вовремя.

Они попрощались, капитан нырнул в высокую дверь, а Лида осталась стоять на крыльце, украшенном старинными бетонными перилами со сложными узорами. Перед мысленным взором Лиды мелькали фрагменты собеседования, прошедшего только что. Её разум прокручивал в своем воображении слова, услышанные от экзаменаторов, её ответы, её собственные мысли и догадки в эти трудные тридцать минут собеседования. Как итог этих размышлений Лиду пронзила яркая и острая мысль, расставившая всё по своим местам.

Значит, сказала себе Лида, капитан Смирнов и есть тот человек, за которого просил звонивший из министерства.

Лида Хорошева почти пять лет работает со Смирновым, и всякий раз она удивляется, как такой недальновидный, если не сказать глупый человек, смог дослужиться до должности капитана и возглавлять навигационный отдел Центрального Космопорта Содружества? Значит, всё это время кто-то стоял за его спиной и продвигал по службе?!

Эрик Смирнов уже был не молод, что, впрочем, для работы в офисе администрации космопорта значения не име-

ло. Чуть более двадцати лет назад он, будучи ещё курсантом, поступил на службу в должности помощника капитана на военно-исследовательское судно. С командой первопроходцев он участвовал в высадке личного состава на поверхности Европы и Каллисто, спутников Юпитера, которые колонизировало Содружество, опередив тем самым Североамериканский Альянс. Именно их экспедиция открыла такую редкую и ставшую важной частью современной цивилизации руду на Каллисто. Полученный из этой породы металл назвали каллистиний и стали широко и успешно применять в кораблестроении и не только. Это тот самый ресурс, продажи которого лидирующему большинству стран способствовали экономическому процветанию Содружества, что в свою очередь позволило СРГ занять значимое место на мировой арене среди космических супердержав.

По возвращении на Землю, команда экспедиции была приставлена к награде. Но не обошлось и без скандала. Вскоре после награждения стало известно, что капитан, находка которого прославила Содружество на весь свет, оказался шпионом, завербованным Североамериканским Альянсом. Всю свою службу он, предав доверие родины, доносил государственным тайны самому заклятому врагу государства. Капитан пал бесславной смертью, будучи казненным в одном из бессчётного множества лагерей, а бдительному курсанту Смирнову, вовремя обнаружившему предателя, вручили знак почета, досрочно повысили до лейтенанта и назначали

на службу на военное судно, секретного регулярного рейса.

Несколько лет спустя разразилась серьёзная драма, когда на капитана военного корабля поступило донесение о предательстве родины. Долгое расследование и изматывающие судебные заседания всё же оправдали доброе имя капитана, а юного лейтенанта Смирнова заставили публично принести извинения. Его сняли со службы и назначили преподавателем идеологии в лучший государственный университет просвещать умы юных космонавтов.

Не обошлось без скандала и в университете. За предательство родины был сослан на пожизненные исправительные работы на крайний Север профессор медицины, изучавший влияние невесомости и космической радиации на течение беременности.

После очередного раскрытия врага народа Смирнова отметили очередной медалью за отличную службу отечеству, он получил звание капитана и выбил себе место в администрации космопорта. Несколько лет он перемещался из кабинета в кабинет, пока не закрепился в должности командующего диспетчерской службой центрального космопорта.

Как строится работа планировщиков и диспетчеров командующий Смирнов знал поверхностно, но считал своим долгом заставлять подчиненных выполнять свои приказы, даже если они были в корне не верны. Спорить с ним никто не брался, потому что объяснить или доказать что-либо было делом заведомо проигрышным. Ошибок своих команду-

ющий Смирнов не признавал, а всякое научное обоснование своей неправоты парировал важностью своей должности и обвинением в несоблюдении субординации.

Всё это продвижение по карьерной лестнице такого бездарного и высокомерного человека, как капитан Эрик Смирнов, было бы не возможно без помощи кого-то влиятельного, кого-то из министерства. А значит, именно его назначат возглавить третью экспедицию за пределы солнечной системы.

Приёмная комиссия применяет жесткий отбор, отсекая всех кандидатов, которые не проходят хотя бы по одному пункту из списка требований; члены комиссии скептически относятся к женщинам на руководящих должностях, ища уловки, чтобы отказать, потому что только лучшие могут попасть в экипаж экспедиции. Но при этом они с охотой одобряют человека, у которого нет никаких знаний и умений, но есть «кто-то» в министерстве.

– Это просто немыслимо! – в сердцах воскликнула Лида.

Глава третья, «Факел Прометея»

Летний зной гудел в воздухе. Дороги, здания и редкие прохожие плавались под жаркими лучами родного светила. Лида прогулялась по университетским аллеям, наслаждаясь ароматом цветущих яблонь, на парковке села в свой электрокар, вырулила по городским улочкам на скоростное шоссе и направилась в космопорт.

Яркое солнце озаряло высокое блестящее здание космопорта. В Содружестве их было четыре, но самый главный расположился на юго-восточной окраине Московской области. Роскошное и очень дорогое строение носило гордое название «Факел Прометея». Пять башен, каждая из которых изгибалась волной, опускались изящным каскадом на шестиэтажное основание приятной овальной формы. Все башни были отделаны зеркальным стеклом с включением оранжевого красителя невысокой плотности, чтобы при естественном солнечном освещении казалось, будто здание полыхает огнём. В пасмурные дни и ночью включается мерцающая иллюминация, создающая эффект пламени.

В здании главного космопорта расположилась администрация, таможня, отдел рекламы, отдел медицинских справок, отдел хознужд, гостиница, спорткомплекс и ещё многое другое лишь косвенным образом относящееся к работе космопорта. Отряд многочисленных чиновников, ничего не

смыслящих в подготовке космонавтов, планировании, расчётах и полётах в космос, дни на пролёт протирали дорогие брюки на своих насиженных местах, изобретая формуляры для подачи заявления на вступление в должность и определяя новые порядки прохождения медицинской пердполётной комиссии, устанавливая новые цели и выдумывая обязательные для посещения собрания и лекции по трудовой этике и дисциплине. Но своей самой главной работой важные и придирчивые сотрудники администрации считали составление отчётности, с которой директор космопорта раз в год выступал на ежегодном съезде министерства космонавтики. Поэтому служащие в «Факеле Прометея» чиновники требовали от сотрудников космопорта своевременных отчётов о поставленной задаче на предстоящие полётные сутки, о сроках её исполнения, о ходе выполнения работ, о членах-участниках, задействованных в разрешении поставленной задачи и о результате, достигнутом или не достигнутом назначенной командой. При этом каждый пилот и каждый диспетчер должен был отчитаться о затраченных ресурсах и объяснить, почему на отрыв одной ракеты с пункта запуска ушло указанное пилотом количество топлива? Или, к примеру, диспетчеру нужно было развернуто объяснить, по какой причине в дождливую погоду производится не более двух запусков в сутки, когда в плане указывалось количество в двое-трое превышающее фактическое. По завершении отчётного периода, глава администрации собственноручно вывешивал

в главном холле результаты кропотливого и зачастую связанного с риском для жизни труда. Сами по себе эти статистические сведения не вызывали никаких эмоций у сотрудников космопорта. Разве только усталый смешок по причине того, что каждая цифра, каждый результат, уровень подготовленности транспортного средства, степень износа оборудования или всё тот же объём затраченного топлива имеют сравнение с цифрой, взятой из «аналогичного периода прошлого года». Для наглядности трудолюбивые чиновники, восседая в уютных кабинетах за высокими столами и составляя дотошные отчёты, отмечали положительную динамику нежным салатным цветом, а то, что им казалось неприемлемым, прописывали заглавными буквами и жирно подчеркивали красным цветом, чтобы у безалаберных, с точки зрения администрации, пилотов и диспетчеров создавалось впечатление, будто статистические данные орут на них.

Но всё это было скрыто от посторонних глаз в глубине высоких и неприступных башен.

Сердцем «Факела Прометея» считалась шестиэтажная основа здания, являвшаяся зоной ожидания. Здесь для скопления пассажиров раскинулись бессчётные множества маленьких магазинчиков с сувенирами и прочей мелочью, кофейни, рестораны, капсулы для быстрого сна, зона для родителей с детьми и даже аквапарк.

«Факел Прометея» был космопортом международного значения и сюда, в своих попытках отыскать счастье, любовь

или хотя бы хорошо оплачиваемую работу за пределами родной планеты, съезжались многочисленные граждане Содружества, северные нации континента, жители территорий с высокой сейсмической активностью и граждане союзных государств с низкой экономической эффективностью. «Факел Прометея» был задуман, спроектирован и создан так, чтобы шокировать абсолютное большинство своих гостей и сотрудников, и со своей задачей справлялся безукоризненно.

Лида объехала по шоссе величественное здание и продолжила путь, проезжая мимо раскинувшегося церковно-паркового ансамбля. Высокий собор со сверкающими куполами величественно возвышался в центре аккуратно подстриженных деревьев и кустов на манер библейских мотивов. Религия и богослужение в эпоху наивысшего развития науки и технического прогресса многим, кто страшился ошеломляющих темпов всё время изменяющегося мира, казались приятным времяпровождением, остановкой, родным домом, в котором никогда ничего не меняется и старые добрые легенды из уст ряженых проповедников приятно ласкают слух. Все граждане Содружества стремятся посещать церкви и соборы хотя бы раз в месяц. В конце концов, это изысканная архитектура и неординарные интерьеры с золоченым убранством, это напоминание о традициях прошлого, это одухотворяет и наставляет на путь истинный и, в конце концов, это прописано в конституции Содружества. Церковь является обязательным атрибутом всякого государственного учре-

ждения и посещение её чертог обязательно для всех без исключения госслужащих.

Полированные купола собора сияли в лучах июньского солнца и отражали свет, разбрасывая повсюду ослепляющих солнечных зайчиков. Лида поморщилась и включила тонировку лобового стекла. Она с неприязнью поглядела на символ устаревшего мировоззрения, вспомнив тоскливые школьные экскурсии по церквям, раскинувшимся по городам Содружества. Её острый ум любознательного, увлеченного наукой человека отказывался мириться с навязанной традицией, корнями уходящей в глухое невежество пугливых людей. Пожалуй, Лида была одной из тех редких единиц, кто после совершеннолетия не посещала церковь. Она гордилась этим фактом, хотя ни с кем никогда не делилась своей тайной. И всё же ей пришлось соврать в своей анкете и указать, что она старается посещать церковь как можно чаще и даже процитировала заученный псалом из Ветхого Завета, смысл которого остался Лиде не понятен. Скорее всего, члены комиссии изумились и восхитились именно этим фактом из Лидинового резюме. Вряд ли они заострили своё внимание на том, что Лида после окончания университета получила докторскую степень по астрофизике.

Лида шумно вздохнула, стараясь разогнать волнительные воспоминания о собеседовании, и направила электрокар в сторону неприметного, а местами даже местами проржавевшего ангара, укрывшегося в гуще ёлок и берёз в стороне от

«Факела Прометея» и кафедрального собора. Эта неприметная, скрытая от зорких взглядов заокеанских шпионов, постройка являла собой замаскированный вход в секретную часть космопорта, расположенного глубоко под землёй.

Министр космонавтики, придумавший так ловко спрятать стратегически значимый объект, получил в дар от Президента именную медаль и торжественно обозначил одну из периферийных улиц в Москве именем себя на память благодарным, но забывчивым потомкам.

Лида припарковала электрокар под ржавеющей крышей, прошла в дальний угол ангара и на пыльной панели ввела номер своего лейтенантского жетона. В сплошной стене распахнулись изящно замаскированные двери кабины лифта. Специальный сканер считал рисунок радужной оболочки, подтвердил личность сотрудника, после чего включился мотор, и лифт мигом доставил девушку в Центр Управления Полётами. Она переделалась в рабочую униформу пилота первого класса и зашла в диспетчерскую.

Милая девушка-студентка, проходившая летнюю практику, сидела за пультом и под чутким руководством младшего лейтенанта Кирилл Белоокова пилотировала прибывающую пассажирскую ракету. Марина, именно так звали студентку, широко улыбнулась Лиде и помахала рукой. Лида вынула из кармана плитку шоколада и положила на стол перед девушкой. Белооков неодобрительно помотал головой, но его губы

задрожали и разъехались в глупой улыбке.

В соседней комнате навигационная группа ЦУПа производила расчеты для запусков ракет, сверяли маршруты с другими космопортами и оценивали время, необходимое для переподготовки пусковой площадки. Мягкий гул рабочей атмосферы успокоил Лиду. Ей нравилась эта атмосфера жужжащего роя, где каждый, выполняя свою работу, привносит вклад в общее дело. Лиде нравилось, что и она тоже является не маловажной частью большого «организма», коим являлся «Факел Прометея».

Младший лейтенант Кирилл Белооков, успешно посадив ракету, подошёл к Лиде.

– У тебя сегодня запланировано два рейса на платформу, – сказал он. – Но если погода к вечеру не измениться, то сможем сделать ещё один запуск.

– Отлично! – стараясь скрыть волнение, улыбнулась Лида. – Буду только рада поработать.

Кирилл окинул взглядом хорошо знакомое, открытое лицо девушки и спросил:

– Что сказала комиссия?

Лида взволнованно опустила глаза, её лицо на мгновение потемнело. Она не хотела говорить об этом, тревожившем её вопросе. Это было личное, болезненное, волнующее. И ещё тяжелее было от понимания того, что самого Кирилла назначили на должность навигатора и помощника пилота. Его кандидатуру утвердили почти сразу после собеседования.

Лида не хотела говорить о том, что тревожило её, не хотела делиться с другом своими, почти интимными, переживаниями.

– Твоя жена уже свыклась с мыслью, что вы расстанётесь почти на четыре года? – спросила Лида, чтобы сменить тему.

Белооков часто заморгал и на секунду-другую отвёл взгляд.

– Мы... переживаем... не лёгкие дни, – ответил он и тяжело вздохнул.

– А ты сам готов оставить её и детей? Когда ты вернёшься твой сын уже перейдёт в старшие классы.

– Я должен, ради семьи и их будущего, – ответил Кирилл и улыбнулся кривой дрожащей улыбкой, силясь скрыть душевную боль.

Лида потрепала друга по плечу.

– Я не хотела беречь твои раны, – прошептала она. – И знаешь, если меня не возьмут в миссию, то я с радостью пригляжу за твоей семьёй. Так тебе будет спокойней, а я смогу быть полезной.

– Ты получишь это место, – улыбнулся Белооков. – В этом я не сомневаюсь. Ты лучший пилот! До вылета «Циолковского-3» ещё почти год, и у тебя будет возможность проявить себя, так что тебя не задумываясь возьмут в экспедицию!

Лида улыбнулась и посмотрела на Кирилла с теплой благодарностью в глазах

– Вот в чём я не уверен, – рассмеялся Белооков, – так это

в том, что ты смогла бы вытерпеть шум и гам, создаваемый тремя непоседливыми детьми.

Друзья рассмеялись. Кирилл хотел рассказать увлекательную историю о необыкновенной и восхищающей смекалке маленьких детей, его прервал голос вернувшегося из Москвы капитана Смирнова:

– Доброго дня, друзья! – произнес капитан, гордо выпячивая грудь в своём парадном кителе, увешанном множеством медалями, в котором Лида видела его утром.

Смирнов обвёл надменным взглядом всех присутствующих и, убедившись, что обратил на себя полное внимание своих подчиненных, продолжил:

– Сегодня просто отличный день, чтобы хорошенько поработать, не так ли?

Диспетчеры разрозненным хором ответили «да, товарищ капитан, так и есть».

– К двум часам по полудни мне нужны все планы полётов на сегодня и прогноз на неделю, – продолжая улыбаться, говорил Смирнов. – И вот что важно. Хотя вам это знать не обязательно, но сегодня из Москвы приедет проверяющая комиссия, так что всё должно быть идеально!

– Комиссия? – удивился кто-то. – В пятый раз уже за этот месяц.

– Не стоит забивать себе этим голову, друзья, – Смирнов надменно оглядел подчиненных, ища и не находя того, кто позволил себе такое глупое замечание. – Это дела ваших на-

чальников, людей вышестоящих и ответственных. Однако я могу раскрыть вам один из важных секретов, и я надеюсь на ваше понимание. Я ведь могу доверить секрет своим подчиненным? – спросил Смирнов.

Сотрудники диспетчерской станции вяло поддержали руководителя.

Смирнов улыбнулся ещё шире, щелки его бледных глаз полыхали восторгом и высокомерием.

– Некоторое время назад я подал заявление на участие в третьей научной экспедиции и мою кандидатуру сегодня утром утвердили. Меня назначили капитаном на корабль «Циолковский-3». Здорово, правда?

Повисла короткая пауза, после чего команда диспетчеров принялась вяло аплодировать и поздравлять своего начальника. Для всех это осталось тайной, каким образом уже немолодой чиновник с узким мышлением и незначительным набором знаний получил назначение на самую ответственную и важную должность в грядущей долгосрочной экспедиции. Однако большинство подчиненных командующего Смирнова в душе просияли от радости, предвкушая, что, наконец, избавятся от глупого начальника.

Лида ощутила, как что-то оборвалось в её сердце. Один звонок из министерства, и это несуразное, лебезящее перед начальством существо получило возможность возглавить самую важную экспедицию двадцать второго столетия.

В груди вспыхнуло волнение, Лида почувствовала горечь

разочарования, её голова закружилась, и она поспешила опереться руками на стол, чтобы не упасть.

– И есть ещё одна новость, тоже секретная, – продолжал Смирнов игриво подмигивая подчиненным. – Потому снова повторюсь, что я рассчитываю на вас и ваше понимание.

Диспетчеры охотно закивали, заверив начальника, что не одним словом не обмолвятся о том, что он им собирается рассказать.

– Так вот, – продолжал Смирнов, – внешняя разведка доложила о том, что какая-то частная компания из Королевства Британии и Ирландии запустила исследовательский корабль. Они направляются за границу солнечной системы. Вся эта ситуация может негативно сказаться на авторитете нашей державы. Поэтому запуск «Циолковского-3» значительно перенесен. Вылет через два месяца. Так что, дорогие друзья, скоро мы с вами попрощаемся.

Команда диспетчеров затаила дыхание, не веря своим ушам. Смирнов воспринял подобную реакцию как комплимент своему административному таланту и поспешил рассыпаться в благодарности.

– Как приятно, друзья, что вы не готовы расстаться со мной. Но, как говорится, Родина-Мать зовёт, и я должен отдать ей свой долг. Смею вас заверить, дорогие мои, на замену мне пришлют хорошего руководителя, ничуть не хуже меня.

Лида наклонилась к Белоокову и прошептала:

– Конечно, хуже просто не бывает в природе.

Кирилл дёрнул плечом, отгоняя злую шутку подруги. Он очень не любил, когда кто-то плохо высказывается о руководстве, да ещё и в непосредственной близости.

Смирнов снова поблагодарил подчиненных за внимание и приказал всем возвращаться к работе. Уходя из диспетчерской, он подошёл к Лиде.

– Лейтенант Хорошева, – обратился он к подчиненной, – комиссия уже дала вам ответ?

Лида учтиво улыбнулась и качнула головой.

– Вы хороший пилот, Лида. Но это ответственная миссия, и здесь требуются только лучшие! Вам следует попытаться в командовании исследовательским судном третьей степени важности, чтобы наловчиться. Не переживайте, если вас не возьмут. У вас вся жизнь впереди, и таких экспедиций будет ещё не одна.

– Спасибо за добрые слова, капитан, – ответила Лида.

Она глядела в спину удаляющегося капитана и удивлялась степени его самомнения. Смирнов и раньше считал себя выше и значительнее своих подчиненных, многие из которых носили звания докторов науки в области физике и математике. Но теперь, угодив в экипаж экспедиции, он воспринимает себя лучшим из лучших. Как же так выходит, что образованный человек всякое своё умозаключение, всякое мнение о себе подвергает сомнению, а глупец полон абсолютной убежденности в своей правоте, важности и чувства превосходства?

Глава четвёртая, смена

Лида зашла в комнату отдыха выпить чая и подкрепится перед работой. В пустой комнате работал экран новостного вещания. Молодая особа с выкрашенными в идеальный блонд волосами рассказывала об ежегодном посещении Президентом ведущих производств Содружества. Девушка вытягивала алые губы, артикулируя сложноподчиненные предложения, и горящим взором взираала на своих зрителей сквозь объектив студийной камеры.

Размешивая сладкий чай, Лида внимательно изучала лицо диктора новостей. Она поймала себя на мысли, что завидует яркой особе с экрана, восторгавшейся поступками Президента и цитировавшей его слова. Эта девушка не знала о том, что готовится грандиозная научная экспедиция, в которую Лида так хотела попасть. Скорее всего этой милостивой представительнице экранной журналистики даже не интересно ничего, что связано с космосом. Она делает карьеру, обожает, когда сотни тысяч пар глаз разглядывают её симметричное привлекательное лицо, а после эфира она идёт домой, или в гости к друзьям, или занимается чем-то увлекательным. Она явно счастлива и довольна своей жизнью. Во всяком случае, Лида была убеждена в этом.

Но ведь у Лиды тоже хорошая работа, и она тоже может встречаться с друзьями. Но ей этого мало. Её тянет ввысь,

вдаль, за пределы изведанного, на поиски неизвестного. И всегда тянуло.

Около полугода назад Лида узнала о готовящейся экспедиции. Она подала заявление, и долгие месяцы проходила безжалостный отбор, преодолевая испытания. Собеседование этим утром было финальным экзаменом, который должен был принести Лиде победу, должность капитана корабля и долгожданное осуществление мечты.

Сегодня утро она максимально приблизилась к тому, чтобы оказаться в том будущем, какого всегда добивалась кропотливым и усердным трудом. Но вот оказалось, что её место отдали другому. Человеку с хорошими связями в министерстве, но без единой стоящей нейронной связи в мозгу.

Что-то неприятное и болезненное всколыхнулось в груди, и Лиду обдало жаром. Она постояла ещё секунду, прислушиваясь к своим эмоциям. Это было чувство, от сознания того, что с ней поступили несправедливо. Её обошёл человек, которого Лида не уважала и едва выносила его высокомерное отношение к себе.

Лида разнервничалась. Разум ослепляли вспышки нарастающей ярости. На мгновение Лида утратила самоконтроль, и вся злость, весь гнев и негодование овладели её телом. Лида закричала и со всей силы бросила чашку с чаем в стену. Спустя полминуты ей стало стыдно, и она поспешила скрыть следы своего ребяческого поступка.

Ракета стояла на взлётной платформе, двигатели уже разо-

грелись, а трюм загрузили под завязку оборудованием, которое нужно было доставить на платформу, с которой его затем доставят скорыми шаттлами на орбиту Европы и Каллисто.

Лида ловко и без посторонней помощи впрыгнула в свой персональный скафандр. Поношенный, местами потёртый, он служил лучше, чем новый. Это был космический костюм производства многопрофильной компании «Тесла М.», и его уже носил какой-то счастливчик из Североамериканского Альянса. Лиде удалось выкупить подержанный скафандр за огромные деньги у перекупщиков, которые каким-то чудесным образом удаётся выезжать за границу Содружества.

«Тесла М.» производит высокотехнологичное обмундирование для астронавтов по всему миру и пользуется высоким спросом, потому что изготавливает защитные костюмы, которые не сковывают движений, имеют возможность установки запасной капсулы с сжатым кислородом, оснащены встроенным «доктором», следящим за здоровьем и самочувствием космонавта, обладают высоким качеством связи, подключаются к сети по «вайфай» и имеет «блютуз» для ускоренной передачи данных между участниками групповой вылазки в открытый космос.

Перекупщик быстро смекнул, что может подзаработать на Лиде и её стремлении к комфорту ещё немного и предложил ей приобрести пару ортопедических ботинок на электромагнитной подошве в комплект к костюму. Подержанной обуви для астронавтов предприимчивый торговец най-

ти не сумел, но удивил Лиду тем, что заказал у производителя напрямую ботинки специально для неё и даже не попросил надбавки «за беспокойство». Свою обновку Лида ждала почти три месяца, и даже объяснительные записки в кабинете службы безопасности, которые ей пришлось писать, и их двухнедельное расследование приобретения заграничной продукции, не омрачили Лидиной радости.

Отечественные скафандры тоже хороши. В них есть баллон с кислородом и они прочные. На этом их плюсы заканчиваются.

– Диспетчер один, – позвала Лида девушку на пульте по внутренней связи, – проверка связи. Приём!

Динамик в скафандре ожил и защебетал приятным девичьим голосом, прожевывающим шоколад.

– Слышу тебя, Карго-один, – девушка зашуршала оберткой, после чего всё смолкло. – Связь в норме. Пять минут и на старт.

– Принято, диспетчер-один, – улыбаясь, отвечала Лида. – Пять минут и старт.

По завершению всех проверочных работ, двигатели ракеты взревели и огромная конструкция из сверхлегкого и сверхпрочного каллистиния, взмыла в небо, изящно пересекая его купол.

Лида обожала эти мгновения перегрузки и предвкушения. Разрывая ткань воздушного пространства, преодолевая сопротивление земного притяжения, ракета взмывает ввысь,

проходит разряженную стратосферу и словно выныривает на поверхность, освобождаясь от оков. Перегрузка отступает, и тело подхватывает мягкая и пьянящая невесомость.

Лиде нравились взлёты, потому что всякий раз она воображала, будто, наконец, отправляется в настоящее путешествие, в котором она будет открывать и изучать неведомые миры. За последние несколько месяцев, проходя экзаменационные испытания, жажда отправиться в неизведанные уголки Вселенной стала особенно сильной.

Но горделивое признание капитана Смирнова разрушило эту хрупкую иллюзию, убило возможность оказаться за пределами Земной орбиты. Оставшись вдали от любопытных глаз и участливых друзей, Лида отпустила внутренний стопор и позволила горьким чувствам досады, обиды, разочарования и отчаянья разлиться в груди наподобие морского шторма. Сердце тяжело и гулко содрогалось, отзываясь громким эхом в ушах, а на глаза выступила пелена горячих слёз.

Конечно, уговаривала себя Лида, лётная комиссия ещё не дала никакого ответа. Но раз должность, на которую претендовала Лида, отдана другому, к чему ждать ответа из комиссии?

– Вижу ваши показания на мониторе, Карго-один, – взволновано зашуршали динамики в скафандре Лиды. – Повышенное давление и частое сердцебиение. Как себя чувствуете? Приём!

– Диспетчер-один, – мягко и спокойно отвечала Лида. – Подтверждаю показания «доктора», но самочувствие в порядке.

Лида подумала секунду и добавила, широко улыбаясь в микрофон:

– Я просто очень люблю свою работу!

Динамики скафандра развеяли залиvistый хохот практикантки.

– Приём! – вторгся в беседу мужской голос. Это был Кирилл. – Карго-один, вы приближаетесь к платформе, сбавьте скорость. Ворота номер одиннадцать ждут.

– Принято, – с готовностью отозвалась Лида. – Ворота номер одиннадцать. Скорость ноль точка один фотона. Снижаю.

– Ты будто была расстроена, – заговорил полушепотом Кирилл, обращаясь к Лиде не по уставу, – когда узнала, что Смирнова взяли в экспедицию.

– Расстроена? – отвечала Лида вдумчиво. – Что ты, расстроена я была, когда мне с первого раза не одобрили кредит на электрокар. А сейчас я в ужасе. Но всё в порядке. Это ответственная и сложная миссия, которая под силу только лучшим из нас. А я явно проигрываю Смирнову в его подхалимстве и неумении руководить.

– Это не справедливо, я считаю, – ответил Кирилл. – Это должность должна была достаться тебе.

Лида тяжело вздохнула.

– Белооков, ты хороший друг, но твои слова делают только больнее. Диспетчер-один, стыковка через минуту, – сообщила она, перейдя на формальный язык.

– Я уверен, – не сдавался Кирилл, – что ещё не всё кончено. Просто не сдавайся раньше времени.

Один час ушел на разгрузку грузового отсека, оператор платформы дал отмашку, и Лида направила ракету обратно на Землю. Мягкий вход в стратосферу, легкая перегрузка, и привычная сила притяжения завладела телом. Лида перевела управление ракеты на автопилот, чтобы компьютер как можно более мягко и точно посадил гигантский аппарат на посадочное поле.

Здесь проведут диагностику, установят заправленный топливом резервуар, загрузят новую партию груза, и спустя два часа Лида вновь будет пилотировать ракету на орбитальную сортировочную платформу.

Если отбросить в сторону все, что связано с космосом и не принимать во внимание высокую технологичность процесса, то, по сути, Лида занимается грузоперевозками. Она доставщик. Как те, что привозят продукты, одежду или мебель.

А так хотелось сделать что-то значимое, важное, что-то, что останется в учебниках, чем будут восхищаться будущие поколения землян.

После третьего рейса на орбиту и обратно Лида оставила своё транспортное средство техникам, а сама вернулась в диспетчерскую заполнять статистический отчёт о проделан-

ной работе, о часах простоя и их причине, об объёме затраченного топлива и о техническом состоянии гигантской машины, в котором Лида оставляет её после своей смены.

Она сдала отчёт в трёх отпечатанных копиях капитану Смирнову, который с порога искоса и с презрением поглядел на Лиду. Он неохотно говорил с ней, и бросил небрежное «до завтра», хотя обычно предпочитает прощаться более высокопарно и с покровительственным воодушевлением.

И только когда Лида, окончив смену, поднялась на поверхность, она поняла причину кислой мины на лице капитана. На электронную почту ей пришло письмо из комиссии, в котором сообщалось, что Лиду утвердили на должность старшего пилота корабля «Циолковский-3» и назначили заместителем капитана Смирнова.

Глава пятая, прощание с домом

Компания «Тесла М.» известна на Земле, на её орбите и окрестностях планеты не только производством комфортабельных скафандров, но и небесным лифтом, который на сверхзвуковой скорости доставляет на околоземную посадочную платформу до двенадцати человек за раз. Разработка была куплена и освоена национальной североамериканской космической корпорацией, которая теперь только таким образом и доставляет своих космонавтов на орбиту. Позже лидирующие компании пассажирских перевозок построили ещё несколько небесных лифтов, чем снискали себе славу среди пассажиров, часто летающих на Луну или Марс.

Содружество проводило опыты по освоению технологии и разработке прототипа небесного лифта, но строительство зашло в тупик на стадии закладки фундамента. Правительство Содружества решило, что финансирование идей, которые уже где-то кто-то применил невыгодно для бюджета и имиджа космической супердержавы. Президент подписал указ и целый институт специалистов, которые долгих десять лет силились постичь секрет небесного лифта, был распущен за две недели. Ракета так и осталась единственным средством по отправке человека на орбиту Земли.

– Всегда хотелось попробовать, – вздохнул Кирилл Белооков, стоя у высокого окна в зале ожидания космопорта и

разглядывая, казавшуюся отсюда крохотной, ракету, которую готовили ко взлёту.

Лида проследила за взглядом друга. Она почти догадалась о направлении мысли своего друга, но решила уточнить.

– Североамериканский Альянс доставляет людей на орбиту капсулами небесного лифта уже очень много лет, – ответил ей Кирилл. – Всегда хотелось попробовать. Говорят, в них совсем не ощущаешь перегрузки. А меня от неё тошнит, – с грустью выдохнул Кирилл.

Лида хихикнула и сочувственно похлопала друга по плечу. Далеко не всем так легко удаётся переносить отягощение, вызванное стремительным преодолением земного притяжения как самой Лиде.

– Это, конечно же, новаторский метод, – вмешался в их беседы Смирнов, стоявший неподалёку. – Но абсолютно не совершенный.

В его голосе прозвучало негодование. Капитан выглядел оскорблённым, словно его подчиненный, осмелившись восхищенно отзываться о технологиях заклятого врага всего Содружества, задел глубоко патриотические чувства Смирнова.

– Кабина такого лифта, – продолжал капитан Смирнов поучать подчиненного, – небезопасна для жизни. На её обслуживание затрачивается в десятки раз больше средств налогоплательщиков. Кроме того, в кабине может разместиться не более шести человек. Подъём на орбиту всей нашей ко-

манды занял бы не менее суток. Так что это не рационально, младший лейтенант Белооков. И мне стыдно за вас, что вы смеете забивать свою голову подобными вещами.

– Преимущество скорости на нашей стороне, это безусловно, – согласно закивал Кирилл.

Он втянул голову в плечи и даже сделал шаг назад, привычно и больше уже инстинктивно извиняясь перед начальником за свои опрометчивые слова и неуместные желания.

– Но в лифте пассажиры не испытывают перегрузку, – вмешалась Лида в разговор, вставая на защиту друга. – Капсула устроена по принципу клетки Фарадея. Корпус капсулы принимает на себя основную перегрузку, вызванную скоростным преодолением земного притяжения. И, кроме того, орбитальный лифт в десятки раз дешевле нашего метода и не загрязняет атмосферу продуктами сгоревшего топлива. Так что, возможно мы проигрываем.

– Достаточно разговоров, лейтенант Хорошева! – грозно скомандовал капитан. – Не вам судить, проигрываем мы в чем-то или нет. Для этого в нашей огромной стране есть специалисты. Вам бы следовало думать о том, что вы говорите, лейтенант, учитывая, какую ответственность на вас возложило правительство нашей страны.

Смирнов скользнул взглядом по лицу своей заместительницы, отвернулся, расправил плечи и принялся вышагивать туда-сюда, всякий раз скользя взглядом по своему отражению, мелькавшему в высоком витраже. Назначенный капи-

таном третьей и самой важной экспедиции Содружества за пределы Солнечной системы, Смирнов теперь старался казаться выше и важнее, поэтому тянул подбородок вверх и поглядывал на своих подчиненных с высокомерием и презрением. Он возложил на себя обязанность поучать несмышленную молодежь и учить их любить и защищать Родину так, как это умеет и делает он.

Лида и Кирилл отвернулись к окну.

– Вот зачем ты начала это говорить? – зашипел недовольно Кирилл, будто делая подруге выговор. – Клетка Фарадея, перегрузка... Хотя бы дождалась, пока капитан отойдет. Он же теперь будет искать повода придрататься к нам. И особенно к тебе.

– Я поддержала беседу, – ответила Лида, не понимая внезапного испуга в глазах друга.

– Не нужно. Такие беседы могут занести в личное дело в виде выговора. Я не хочу получить отстранение от миссии, когда ещё даже ничего не началось.

Лида пожала плечами. Политическая цензура серьезно сказывается на умах людей. Так теперь любое упоминание слова «лифт» может быть рассмотрено как попытка предательства Родины.

Вдруг за их спинами показался какой-то человек. Лида обернулась на него и увидела смуглое пухлощекое лицо, с большими улыбающимися карими глазами.

– А вы знали, – заговорщицким тоном начал мужчина, –

что наши тоже пытались построить такой лифт?

Лида едва заметно качнула головой, а Кирилл поглядел на незнакомца и тихо ответил:

– Проект был закрыт из-за нерентабельности. Чего тут ещё обсуждать?! – Белооков сложил руки на груди и сделал шаг в сторону от подозрительного человека.

– Это нам так сказали, – ответил мужчина и сверкнул глазами. Он наклонился к Лиде и продолжил полусшепотом. – Но истинная причина в том, что нашим долго не удавалось создать действующую модель. Капсула лифта по какой-то причине взрывалась на старте. После множества попыток было принято решение направить группу шпионов из внешней разведки, чтобы те вывели североамериканский секрет. И им это удалось. Прототип был запущен. Об этом узнало правительство Альянса и прислало группу ученых, вроде как поздравить наших с успехом. Но там кто-то проболтался. Альянс подал иск в международный суд за воровство интеллектуальной собственности и шпионаж. Наши заплатили огромную неустойку и по решению суда Содружеству запрещено заниматься разработкой этой технологии.

Лида оценивающим взглядом поглядела на незнакомца, но прежде чем она успела ему что-либо ответить, мужчина, подмигнув, ушёл быстрым шагом.

– Да нет, – вздохнул Кирилл, – это же бред.

– Команда! – выкрикнул капитан Смирнов своим подчиненным. – Стройся!

Тридцать человек, в числе которых были пилоты и навигаторы, механики и инженеры и прочие члены команды, отвечающей за полёт звездолёта, выстроились в шеренгу. Капитан встал во главе и приветствовал того, кого пришествию которого космонавты ждали больше часа.

Из глубины зала ожидания на моноколесе с электроприводом приближался ряженный в длинную рясу проповедник. За проповедником, едва поспевая, со всех ног бежал худощавый юноша, служка, в таком же нелепом и не удобном одеянии и с увесистой бумажной книгой в охапку.

Проповедник приблизился к шеренге космонавтов, спрыгнул с моноколеса и отставил его в стороне, недовольно оглянувшись на своего помощника. На пухлом округлом животе, в окружении россыпи хлебных крошек, возлежало золоченое распятие, в уголках рта были видны следы шоколада, а в маленьких близоруких глазах читалась усталость с некоторой долей безразличия.

Добежав, юноша принялся устанавливать переносной, на телескопических ножах, пюпитр, и открывать книгу на нужной странице. И всё это под звуки своего свистящего дыхания и недовольного бурчания проповедника.

– Ты взял флягу? – донеслось до слуха космонавтов.

Юноша испуганно взглянул проповеднику в лицо. Он стал беспорядочно копошиться в небольшом рюкзаке, бледнея от ужаса. Наконец, он выудил пол литровую бутылку с прозрачной жидкостью.

– Это святая вода, остолоп ты этакий!

Служка, едва не выронив бутылку из рук, продолжил тщетные поиски загадочной фляги.

– Какой же ты бестолковый! – бормотал проповедник. – На тебя никогда нельзя рассчитывать!

Почти утратив надежду, юноша принялся похлопывать себя, ища, вероятно, драгоценную флягу, в карманах рясы. Наконец, его поиски увенчались успехом. Служка просиял лицом, с облегчением выдохнул и протянул найденную флягу служителю культа.

Проповедник вырвал фляжку из рук служки, с жадностью припал к сокровенному содержимому и сделал несколько глотков.

– Братья и сестры! – огласил проповедник и попытался добродушно улыбнуться. – Мы все долго ждали этот поистине священный день! День, – проповедник неслышно икнул, кашлянул в кулак и продолжил. – Этот самый день, когда отряд из бравых рабов божиих отважился покинуть родной дом. И мы поём вам во славу...

Проповедник снова отхлебнул из фляги. Его лицо немного покраснелось, а губы растеклись в глупой бессознательной улыбке.

– Всякому, кто отправляется в неизведанные пути, надлежит помнить, что господь уготовил вам испытания, но он так же преподнесёт вам благословение и подарки за терпение ваше, веру и трудолюбие.

Проповедник замолчал и угрюмо поглядел на своего помощника. Юноша с любопытством разглядывал высокий купол пустынного зала ожидания, красочные картины звёзд и галактик, нарисованные современными художниками, так что совершенно позабыл о своих обязанностях.

– И трудолюбие! – повысив голос, повторил проповедник.

Служка растерянно обернулся на своего настоятеля, перевёл взгляд на талмуд, после чего, спохватившись, поспешил перевернуть шелестящую бумажную страницу.

– С начала времён путникам разного рода благоволил святой Николай, который защищал и оберегал скитальцев, направляя их по безопасному пути. По этой причине мы приготовили для вашей команды самый лучший подарок, какой только может сделать один верующий и одухотворённый человек другому не менее верующему и одухотворённому человеку.

Проповедник подал сигнал помощнику и тот вынул из рюкзака картину с изображением святого Николая, обрамлённую массивной деревянной рамой.

Капитан Смирнов подбежал к проповеднику, принял икону из его рук, раскланялся и даже поцеловал проповеднику руку, увешанную золочеными перстнями.

– Берегите Николая, и тогда он укажет вам путь обратно, – заключил проповедник.

Он перекрестил рукой воздух, стараясь охватить размахом рук всю шеренгу скучающих космонавтов, сделал ещё

несколько глотков из своей фляги и, прочитав стандартные молитвы «отец наш Бог, Вселенная – мать наша» и «Славься бескрайний простор животворящий», вскочил на своё моноколесо.

– Что ж, – вздохнула, зевая, Лида, – во всяком случае, это было быстро.

Вскоре прозвучал сигнал, призвавший космонавтов приготовиться, и, по истечении ещё получаса, пассажирская ракета с рёвом взмыла в воздух. Вырвавшись за пределы земного притяжения, шаттл с пассажирами отсоединился от ракеты и направился на орбитальную платформу. Здесь команда экспедиции совершила быструю пересадку на скоростной межпланетный челнок, направившийся на судостроительные верфи, в поясе астероидов между Землёй и Марсом.

Лида замерла у окошка иллюминатора, разглядывая, как привычный для неё мир становится едва различимой точкой на ткани космического пространства. Сперва пересадочная платформа, освещенная сотнями ярких прожекторов, затерялась во мраке. Затем челнок плавно проходил сквозь сферу рукотворных спутников, раздающих бесплатный Интернет на весь земной шар. Лида с восхищением изучала стройные ряды спутников, подмигивающих контрольными лампами. Доставляя грузы на орбитальную платформу в течение многих лет, она изредка видела фрагменты сферы изнутри. Теперь же Лида оказалась за её пределами и смогла увидеть молчаливое могущество и торжество изобретения, призван-

ного помогать людям связываться друг с другом, невзирая на расстояния, разделяющие их. Сфера спутников сети бесплатного Интернет была самым смелым изобретением, талантливо исполненным гениальным человеком и его последователями в двадцать первом веке.

Но даже не это впечатляло Лиду, а то, что сфера символизировала.

Бесплатное и безграничное подключение к мировой сети было недоступно для граждан Содружества. Правящая партия лишила их этой привилегии особым указом. А к моменту открытия всемирной бесплатной сети, по всей территории Содружества выросли уродливые вышки, блокирующие сигнал спутников. Лида, как и все многочисленные её сограждане, ежемесячно оплачивала доступ к «Национальной сети Интернета», услуги которого предоставлял единственный провайдер в государстве. Качество и скорость подключения были крайне низкими, в сравнении с ценой на услуги связи. Информационные потоки в отечественном интернете были строго регламентированы и пропитаны пропагандой. А за обмен информацией пользователей зорко следили компьютеры службы внутренней безопасности, которые оправдывали слежку скоординированной работой по предотвращению террористических атак, разоблачению шпионов и предателей горячо любимой Родины.

Челнок прорезал бессмертную ночь космоса, стремительно удаляясь от Земли. Сфера спутников затерялась на об-

щем фоне космического полотна, а планета стала размером не больше колеса от внедорожника. Чуть голубоватая атмосфера сияла в лучах Солнца, но с такого расстояния различить очертания материков на планете уже не представлялось возможным.

Ещё ни разу в жизни Лида не видела свой дом таким далеким и крошечным. Ей вдруг почудилось, что она больше никогда не вернется в это чудесное убежище, в этот райский уголок, породивший любознательное человечество. Расставание с домом отозвалось болезненным эхом в груди. Почти неведомая Лиде тоска сжала её сердце тяжелой ледяной рукой. Девушка тяжело и часто задышала и прикрыла глаза, чтобы скрыть навернувшиеся блестящей пеленой слёзы.

Челнок вышел на орбиту Луны. Здесь он должен совершить один полный оборот, чтобы набрать дополнительную скорость и совершить скачок к астероидной верфи.

Луна с давних пор принадлежала Североамериканскому Альянсу. Их колонисты высадились на поверхность спутника в середине двадцать первого века, и за последующее столетие естественный спутник Земли превратился из безжизненного булыжника в масштабный центр научных исследований. Здесь разработали и впервые применили технологию тераформирования, с помощью которой теперь Альянс совместно с Королевством Британии и Ирландии осваивает Марс.

На темной стороне Луны организован первый крупней-

ший завод по переработке горючих, токсичных, опасных для человека и природы Земли отходов. Всё, что невозможно применить по второму циклу привозят на тёмную сторону Луны и сжигают в огромных печах. Вырабатываемое при этом тепло служит для отопления жилых колоний спутника.

В ясные ночи, когда воздух на Земле становится абсолютно прозрачным и кажется, будто до звёзд можно дотянуться рукой, Лида частенько наблюдала в домашний телескоп за строительством новых корпусов на поверхности Луны, за передвижением луноходов, за прогулками людей в скафандрах. А теперь вся эта жизнь развернулась у неё под ногами, и она с любопытством наблюдала за неспешно текущей жизнью на поверхности Луны.

Челнок покинул орбиту спутника Земли и устремился к верфи. Там Лиду и ещё несколько десятков космонавтов ждёт роскошный корабль, который на четыре года станет их домом.

Глава шестая, звездолёт с роковым названием

Человечество вырвалось в космос в двадцать первом веке и принялось осваивать планеты солнечной системы одну за другой.

Содружество полностью овладело самыми крупными спутниками Юпитера, определив их в основном под военные нужды. На бесплодных землях Ио проводят испытания лётных прототипов, измеряют прочность новейших плазменных двигателей и вычисляют их коэффициент полезного действия. Полюса планеты отведены под испытание ядерного оружия, продажа которого оплачивает научные изыскания в области создания нового, уникального и максимально смертоносного оружия, продажа которого принесёт ещё большую выгоду. Пацифисты в своё время штурмовали стены министерства военной промышленности и обороны в Москве, призывая их остановиться, ведь создание оружия означает гибель людей, против которых оно будет применяться. Двухнедельные митинги были прекращены выступлением министра. Он начал с того, что попытался в красках описать реальное положение дел, которое заключалось в том, что за многие столетия своего существования спутник Ио бомбардировался собственной сейсмической актив-

ностью бесчисленное количество раз. Множество вулканов регулярно выбрасывают на поверхность вещества из недр спутника, повышая, таким образом, уровень углекислоты, метана, серы, тяжелых металлов и радиации, что в количественном соотношении превышает в десятки тысяч раз выбросы, которые производят испытания оружия и лётной техники. Дальше министр поведал о том, что лучшая команда экологов, занимающаяся терраформированием, изучила естественную среду на Ио и заключила, что продолжение испытаний приведет к созданию сложного парникового эффекта, что в конечном итоге создаст на планете условия, пригодные для жизни.

– Отсюда следует, дамы и господа, – широко улыбаясь, заключил министр, – что министерство военной промышленности, создавая оружие и изучая его влияние, участвует в важной миссии терраформирования безжизненных планет и спутников и освоения космоса.

Вскоре после заявления министра военной промышленности был составлен акт о предстоящих работах по созданию благоприятных условий на Юпитерианском спутнике Ио, расписанный на столетия вперёд. Фактически акт позволял на законных основаниях взрывать на поверхности планеты всевозможное оружие, красноречиво называя это «развитием технологии терраформирования». И теперь, если кто-то осмеливался называть создание оружия тратой бюджетных средств или назвать министерство вооружения «несу-

щим смерть всему живому», этого человека легко можно было обвинить в призывах к открытому противостоянию власти и в террористической деятельности против будущего граждан Содружества. За подобное нарушение уголовный кодекс Содружества предписывал лишение свободы сроком на пятнадцать лет с последующим тщательным контролем за неблагонадёжным гражданином.

Недра спутника Каллисто, так же принадлежащего Содружеству, ежечасно потрошили гигантские буровые машины, добывая бесчисленное количество драгоценной руды. Её обрабатывают специальным образом и получают сверхпрочный и необычно легкий металл, которому дали не сложное название – каллистиний. Уникальные свойства нового материала расширили возможности человечества в каждой отрасли его деятельности, а единоличное обладание запасами каллистинианской руды сделало Содружество монополистом в продаже сырья и готовой продукции.

Поверхностью спутника Европа полностью овладела тяжёлая промышленность Содружества. На развёрнутых здесь заводах, помимо всего прочего, создали каркас корабля «Циолковский-3», плазменный двигатель и материал для внешней и внутренней обшивки. Все фрагменты были аккуратно упакованы и транспортированы на кораблестроительные верфи в поясе астероидов.

Первую экспедицию за край Солнечной системы и сам корабль, было решено назвать «Циолковский» общим народ-

ным голосованием, в память об основателе отечественной космонавтики Циолковском Константине Эдуардовиче. Однако корабль не долетел даже до Урана и взорвался в пути из-за несовершенства конструкции. Тяжелый корпус и экспериментальный плазменный двигатель позволили первому «Циолковскому» преодолеть за семь лет лишь малую часть пути. Долгий бесперспективный полет негативно сказался на команде и на корабле произошел бунт, подробности которого в срочном порядке засекретили. Выжившие члены экипажа по возвращении получили звание Героя Содружества, но были изолированы в психоневрологическом диспансере из-за нестабильности психики.

«Циолковский-2» начал и закончил своё существование на орбите Ганимеда. Когда строительство корабля близилось к завершению, на подходе к строительной платформе взорвалась баржа, перевозившая баллоны со сжиженными газами, предназначенными для сварки металлических конструкций в условиях стабильного вакуума. Осколки баржи поначалу разлетелись в разные стороны, но затем, под силой притяжения Ганимеда и противодействующей ей силой притяжения Юпитера, они стали стягиваться в плотное облако острых разноразмерных смертельно опасных снарядов. Плотное облако фрагментов баржи сделало несколько оборотов вокруг Ганимеда на низкой орбите и на достаточном расстоянии от строительной верфи. Но когда туча осколков стала набирать массу и приобретать свой собственный центр тяже-

сти, радиус её орбиты стал увеличиваться. И на очередном круге массивная волна обломков и наполненных газом баллонов врезалась в площадку и разнесла на куски недостроенный «Циолковский-2». Теперь вся эта масса металлического мусора вращается по своей орбите вокруг Ганимеда, из-за чего луна Юпитера приобрела отдаленное сходство с Сатурном.

Прошло более десяти лет после катастрофы со вторым «Циолковским», прежде чем правительство осмелилось запустить новый проект под гордым названием «Циолковский-3». На эту тему длительное время происходили споры между инженерами-проектировщиками и суеверными чиновниками из министерства идеологии. Последние связывали прежний неудачный опыт с именем, под которым затевалась научная экспедиция и совершенно не хотели понимать объяснения касательно технологического скачка в области легкосплавной металлургии и плазменных гиперскоростных двигателей. В конечном итоге инженеры отстаивали своё право назвать третью попытку покинуть Солнечную систему именем смелого мечтателя, мудрого учёного и человека, радевшего за идею покорения космических пространств человеком.

По истечению двенадцати суток пути челнок снизил скорость и плавно подлетел к стыковочному шлюзу на верфи, расположившейся между крупными астероидами в поясе между Марсом и Юпитером. Компьютер заполнил шлю-

зовую камеру воздухом и выровнял давление, прежде чем открыть двери перед космонавтами.

Лида взволнованно переминалась с ноги на ногу. Сердце переполняли восторг и непреодолимое желание поскорее достичь глубин космоса. И даже тот факт, что званием капитана корабля удостоили другого, совершенно не омрачал радости Лиды. Она с нетерпением ожидала, когда ей позволят занять место старшего пилота, чтобы отправиться в путь, на встречу невероятным и захватывающим приключениям.

Под потолком зажглась яркая зелёная лампа, и двери шлюза с мягким и протяжным вздохом – «шшуух», – расступились перед отважными космонавтами. Капитан Смирнов прошел в шлюз, но затем остановился перед дверью, ведущей на корабль «Циолковский-3» и обернулся лицом к экипажу.

– Друзья мои! – провозгласил капитан, высоко задирая голову и вглядываясь в лица подчиненных из-под низко опущенных век. – Коллеги! – голос Смирнова звучал взволновано с нотками торжественного пафоса. – Этот чудесный корабль станет нашим домом. Мы станем здесь семьёй. На нас возложена важная и ответственная миссия – открытие нового мира. А перед нами лежит чудесная и ещё неизведанная Вселенная. Так давайте же проявим наши лучшие человеческие качества и шагнём в эту пропасть без тени сомнения и страха, но с ответственностью и чувством долга!

Смирнов замолчал, и несколько людей с задних рядов не

смело закричали «Ура!».

– Ура, товарищи! – с воодушевлением поддержал капитан крикунов и жестом повёл за собой на корабль.

На корабле царила суматоха и хаос. Люди в униформе монтажников бегали с инструментами в руках. Из глубины корабля доносился шум циркулярной пилы и нескольких шуруповёртов.

Команду экипажа встретила девушка в униформе с нашивкой символа кислородной фермы и аграрной лаборатории. Увидев капитана Смирнова, она подбежала к нему и принялась выражать своё недовольство обстановкой.

– Вы понимаете, что мы не можем лететь? – кричала девушка, – Ничего не готово! Совсем ничего не готово! В лабораториях по микробиологии невозможно работать! Там не налажена вентиляция. Боксы для работы с биоопасными материалами даже не построены, хотя по проекту должны быть. А мой сад... ему требуется как минимум три месяца, чтобы начать снабжать корабль кислородом. А чем же мы будем дышать до этого?

Капитан терпеливо выслушивал разгневанную девушку, снисходительно улыбаясь ей и глядя поверх её головы. Женатый почти сорок лет мужчин, он умел игнорировать женские истерики. К чему пытаться, думал Смирнов, говорить и слушать женщину, если нужно просто дать ей накричаться вдоволь?! С его покорной супругой это всегда срабатывало. Пять минут буйной истерики и одно короткое обещание с

его стороны, и вот разгневанная женщина уже снова шелковая, покладистая и делает всё так, как ей скажут. «Любому человеку нужно порой спустить пар, что уж говорить о женщине?!» любил повторять Смирнов.

Когда девушка из кислородной фермы закончила перечислять недоработки корабля, она вопросительно посмотрела на молчаливого капитана. Она недоумевала, почему он не отвечает на её вопросы и даже не пытается что-либо объяснить.

– Капитан Смирнов, вы слышали, что я вам сейчас говорила? – обессиленно вздохнув, спросила девушка.

Смирнов надменно натянул губы, опустил взгляд на нашивку с именем, улыбнулся ещё шире и произнёс:

– Доктор Сандовал, когда у меня возникнет вопрос о том, как нужно выращивать помидоры или как часто поливать кактус, я спрошу у вас что делать. Но здесь, – Смирнов обвёл глазами помещение, насколько хватало взгляда, – я капитан, и я говорю, что мы будем делать. Этот корабль покинет вервь через восемь часов и не минутой позже. Вследствие этого я вынужден просить вас, дорогуша, заняться своим делом, в чём бы оно ни заключалось.

Доктор Сандовал поджала губы и, ничего не говоря, ушла прочь.

– У кого-то ещё есть возражения? – спросил капитан и, не услышав ответа либо каких бы то ни было возражений, приказал всем занять свои рабочие места согласно должности.

Для Лиды и экипажа была организована торопливая экскурсия. По долгим унылым коридорам их провели в жилой бокс, где показали каждому свою персональную каюту, затем отвели в спортзал, в котором тренажеры и оборудование для работы с большим весом лежало не распакованным в ящиках.

Торопливый экскурсовод, поглядывая на часы, протащил прибывших астронавтов мимо столовой, откуда доносились грозные крики и обещания жестокой расправы. Шеф-повар поносил рабочих, которые до сих пор не установили кухонное оборудование и не подключили фризер, в котором должны храниться тонны замороженных продуктов.

– Похоже, – заметил Кирилл, – быстрорастворимая еда это то, что нас ждет.

Лида согласно кинула, с неудовольствием представляя неаппетитный ужин.

Экскурсовод повел своих подопечных через лаборатории, о которых говорила разъяренная некомпетентностью рабочих монтажников доктор Сандовал. Здесь уставшая бригада искала ошибку в монтаже вентиляции, пытаясь заставить систему вытяжных шкафов для проведения экспериментов откачивать воздух, а не нагнетать его. Экскурсия промчалась через ботанический сад, который больше походил на несколько грядок с едва проросшими ростками плодово-ягодных культур. Здесь доктор Сандовал руководила процессом пересадки саженцев из привезенных с Земли

горшков в специально подготовленную почву.

– Это кошмар! – воскликнула доктор, увидев команду экипажа. – Мы ничего не успеваем, а этот мужлан хочет, чтобы мы отправились через восемь часов. Как вы себе это представляете? – задала доктор риторический вопрос.

Из группы экскурсантов вышел пухлощёкий мужчина с искренней белозубой улыбкой. Это был тот самый человек, который ещё на Земле донимал Лиду и Белоокова конспирологическими теориями, в которых, впрочем, прослеживалось нечто разумное.

– У меня есть вопрос, док, – спросил человек, не стирая улыбки со своего лица, – как вообще планировалось на корабле устраивать действующую кислородную ферму?

Доктор Сандовал взмахнула руками, подразумевая тем самым, что вопрос задан верный. Она глубоко и тяжело вздохнула и неожиданно спокойным и тихим голосом отвечала:

– По проекту я должна была высадить саженцы ещё полгода назад. Ко дню окончания строительства, здесь бушевал бы уже целый сад. Окрепшие растения начали давать кислород, а некоторые из них – плодоносить.

– Я чувствую, что где-то здесь притаилось «но», – продолжая улыбаться, сказал любитель-конспиролог.

– Разумеется! – доктор Сандовал всплеснула руками. – Полгода назад, когда по проекту я должна была приступить к работе, меня отказывались пускать на корабль. Всё потому что строительство корабля неприлично запаздывало, и

буквально ещё полгода назад на месте моего сада ничего не было! Растения, которые я вырастила к установленному по проекту сроку, погибли, не дождавшись пересадки в грунт. Я ходила по кабинетам этих белых воротничков и пыталась выяснить истинные сроки отправления. Все как один твердили, что отправление запланировано на февраль будущего года. Они заверяли меня, что корабль и отдельные его части не безопасны и пропустить меня в мою же лабораторию нельзя. И вот, на дворе только июль, а мне сообщают, что я должна немедленно явиться на корабль и создать рабочую ферму к отправке в сентябре. Я хотела было пойти по очередному кругу белых воротничков, но у меня совершенно не осталось сил, чтобы продолжать с ними бессмысленную беседу. Кроме всего прочего, я и так знаю, что они мне скажут. Эти люди ловко избегают собственной ответственности и перекладывают вину на плечи любого, кто подвернётся под руку. Пожмут плечами и выставят меня виноватой. Так что я поспешила упаковывать то, что можно хоть как-то приспособить здесь. Взгляните на этих крошек!

Доктор Сандовал указала на ряды ящиков, в которых небольшими стайками застенчиво ютился растительный молодняк.

– Это всё, что мне удалось вырастить в теплицах на Земле за этот короткий срок. Никто не стал слушать меня. Все только и делают, что отмахиваются от моих вопросов или попыток разъяснить ситуацию. К чему вообще брать ботаника

на борт корабля, если его мнение не важно?!

– Капитан Смирнов считается только со своим отражением в зеркале, – ответила Лида доктору. – Не стоит принимать его слова на свой счет.

Доктор Сандовал обернулась на Лиду и вдруг просияла лучезарной улыбкой.

– Как вы это верно подметили! С этим человеком невозможно говорить. Он просто не слышит собеседника. А ведь впереди четыре года экспедиции... – улыбка слетела с губ девушки. – Как же с ним работать?!

Все присутствующие, опустили тяжелый и вдумчивый взгляд в пол. Многих, кто был знаком с капитаном, терзал точно такой же вопрос.

– Просто постарайтесь не контактировать с ним, – ответила Лида, нарушив молчание. – А уж он вряд ли станет искать встречу с вами. Капитан предпочитает не общаться с людьми умнее его.

Лида широко улыбнулась и с готовностью смотрела на доктора Сандовал, предвкушая волнительные мгновения, когда их взгляды встретятся. Однако Лиду постигло разочарование. Доктор Сандовал, глубоко задумавшись о чём-то, удостоила Лиду беглым взглядом поверх головы и учтивым кивком головы.

Экскурсовод, вспомнив про время, принялся недовольно бурчать и подгонять группу космонавтов. После кислородной фермы экипажу продемонстрировали машинный зал,

в котором происходит управление четырьмя плазменными двигателями. Затем бегло показали хранилище с боевыми ракетами и блок управления орудиями ближнего и дальнего боя. В отличие от всего остального корабля, этот сегмент оказался единственным полностью доработанным и готовым не только к экскурсии, но и к работе.

– Вероятно, всё дело в нашем менталитете, – задумчиво протянула Лида, наклонившись к Кириллу.

– Что именно? – озадаченно спросил тот.

– Об этом, – Лида ткнула пальцем в дверь, за которой расположен блок управлениями оружием корабля. – Мы умеем строить оружие, потому что всегда готовимся либо к атаке врага либо к тому, чтобы напасть самим.

– Ну, – задумчиво протянул Кирилл. – Это наша безопасность. Нельзя предусмотреть всё, но мы должны быть готовы настолько, насколько это возможно.

– Да, но я имела в виду другое. Большая часть наших налогов уходит на изобретение всё новых и новых способов убивать. Так что мы вовсе не думаем о том, а как же нам жить? Вот тебе наглядный пример. Руководство озадачилось постройкой целого отделения «смерти», которое возможно нам и не пригодится. Скорее всего, не пригодится. Но совершенно проигнорировало вопрос жизненно важный для всех членов команды корабля.

– Ты про сад? – уточнил Кирилл несколько отстраненно. – Действительно, здесь наше руководство поступило опромет-

чиво.

– Это всё, что ты можешь сказать? – изумилась Лида.

– А что ты от меня хочешь? – возмутился Белооков. – Чтобы я сказал, что мы живем в опасном, настроенном враждебно, военизированном государстве? Мы все это и так знаем. Но какой смысл говорить об этом? Этого не исправить. Ученными управляют глупые и ограниченные вояки. И мы ничего не можем с этим поделать. Пока мы «снизу» – мы вынуждены подчиняться.

Лиду захлестнули возмущение и негодование, так что на пару секунд она остановилась, с недоумением в глазах глядя в спину своего друга.

– Как ты можешь так говорить? – спросила она, догнав Белоокова. – Этими словами ты ставишь их работу по управлению выше той, что делаем мы.

– Вообще-то, так и есть, – убежденный в своей правоте, отвечал Кирилл.

Шокированная во второй раз, Лида захлебнулась в своём возмущении.

– Но разве ты не понимаешь, что не делай мы свою работу, им будет не на что жить и нечем управлять?

– Вот именно, мы единый организм. Просто с разными полюсами, – сказал Кирилл, удивленный возмущением подруги.

– Да, и видимо, полюса эти друг с другом никак не связаны, – обессилев, воскликнула Лида.

– Ну что ты начинаешь?! – словно заразившись Лидиным возмущением, громко спросил Кирилл. – Мы уже больше сотни лет живём при такой системе. Всех всё устраивает. Изменить что-либо мы не можем, а раз так, то зачем об этом говорить и думать?

– Да всё мы можем! – раздался улыбчивый голос за спиной Лиды и Кирилла. – Мы всё можем! Хотя бы даже просто говорить о том, что нас не устраивает и что бы мы хотели изменить.

Лида оглянулась. Её догонял всё тот же пухлощёкий мужчина с изумительно белозубой улыбкой. Рядом с ним шествовал угрюмый и худощавый компаньон, приветственно, но при этом как-то без удовольствия и несколько обреченно помахавший Лиде рукой.

– Ах, это снова вы, – усмехнулась Лида. – Человек, который разоблачил государственные тайны!

– Можно просто Шамиль, – рассмеялся мужчина. – Я старший программист. Отвечаю за программное обеспечение. Проще сказать, я пишу программы, с помощью которых ты, – Шамиль ткнул в Лиду пальцем, – будешь управлять этой громадиной. Здорово, правда! – мужчина снова рассмеялся. – А этой мой давний друг, Карлсон, главный инженер и механик машинного отдела. На самом деле его зовут Карл Сомович, но мне можно называться его Карлсоном.

– Нет нельзя, – мрачно заметил худощавый.

– Нет, можно! Но только мне. Мы давно знакомы. А впро-

чем, вы зовите его как хотите.

– Спасибо, это очень гостеприимно, – улыбнулась Лида и пожала руки новым знакомым.

Они продолжили следовать за экскурсоводом, который безжизненным голосом зачитывал текст с листа. Энергичный и неугомонный Шамиль, идя чуть позади Лиды, не прекращая улыбаться, какое-то время шёл молча, но затем снова обратился к Лиде.

– На самом деле, есть простой ответ на тот немой вопрос, что кружиться сейчас в воздухе, – с довольной белозубой улыбкой сказал Шамиль, хотя к нему никто не обращался.

– Это какой же вопрос? – спросила Лида, обернувшись на программиста.

– Частные исследовательские рейсы! – провозгласил Шамиль, ожидая, по-видимому, что слушателям всё станет понятно.

Реакции не последовало, и программист решил уточнить:

– Неужели вы ничего не слышали?

Лида и Кирилл пожали плечами.

– Какая-то малоизвестная частная компания из Королевства Британии и Ирландии отправила небольшой крейсер за пределы Солнечной системы. Это крах для нашего авторитета на просторах космоса. Если до этого Содружество проигрывало в этом вопросе только Альянсу, то теперь нам утёр нос какой-то миллиардер и группа отчаянных искателей приключений. Сроки отправки корабля были пересмотр-

рены в экстренном порядке и сдвинуты, чтобы не давать фору конкурентам. Именно поэтому многое здесь не готово к полёту.

Лида недоверчиво глядела на Шамиля, но потом удовлетворённо кивнула.

– А я даже не удивлена, что так всё вышло.

– Надеюсь, – встревоженно протянул Кирилл, – мы не разобьемся из-за этой спешки и гонки кабинетных крыс.

Поднявшись на мостик, Лида, Кирилл, программист Шамиль и ещё несколько членов команды пилотирования, заняли свои места и принялись настраивать и готовить корабль «Циолковский-3» к отправке.

Глава седьмая, решения капитана не оспариваются

Генераторы в машинном отделении нагнетали ионно-плазменную энергию. Огромные витые трубки конденсировали в своих недрах эту энергию, которая, дрожа и переливаясь спектром света от белого до обжигающе ярко-белого, готовилась к тому, чтобы быть извергнутой в цилиндры четырёх мощных двигателей межзвездного корабля.

Лида сидела за главным компьютером на мостике и, переключаясь по радио-связи с механиками машинного отделения, подготавливала корабль миссии «Циолковский-3» к отлёту. По правую руку от неё за навигационным компьютером сидел младший лейтенант Белооков, который вносил координаты полёта в программу автопилота. Данные были просчитаны множество раз специалистами из Центра Управления Полётами на Земле. Группа координаторов миссии из ЦУП присылали Кириллу фрагменты вычисления и чёткие инструкции по их вводу. И хотя Белооков сам много лет работал навигатором и диспетчером космических полётов и умел производить расчеты не хуже команды ЦУПа на Земле, он пребывал в состоянии гипнотического волнения, отчего его разум словно побледнел и поглупел и был не в состоянии понимать значения цифр и уравнений, которые ему прихо-

дилось набирать на клавиатуре компьютера.

– Вниманию миссионеров, – ожил динамик на мостике, – до старта осталось менее одного часа. Платформа верфи отстыковалась от вас и ушла на безопасное расстояние.

Лида включила микрофон и ответила, что все системы приведены в готовность.

– Какой волнительный момент, не правда ли? – спросил капитан Смирнов у своей команды пилотов и навигаторов.

Члены экипажа на мгновение отвлеклись, промычали своё согласие с капитаном «очевидность» и вернулись к работе.

– Автопилот настроен, – отрапортовал младший лейтенант Белооков. – Две четверти пути внесены в программу. Приближаясь к поясу Койпера, нужно будет внести оставшиеся части маршрута, чтобы достичь точки назначения.

– И это нужно будет сделать спустя... – протянула Лида.

– Двести сорок семь суток полёта, – ответил Кирилл улыбаясь.

– Отлично! Поставлю будильник, – пошутила Лида, и вся команда дружным смехом поддержала её.

Смирнов с досадой и обидой оглянулся на веселившихся подчиненных. Он чувствовал разницу в отношении команды к Лиде и к себе. Все эти ученые простофили, которым дали звания сержанта или младшего лейтенанта просто потому, что того требует устав военно-научной экспедиции, раздражали капитана, который всей душой верил и чтит кодекс

военного. Смирнов бережно относился к своему званию капитана, и хотя для его получения, объективно говоря, он не сделал ничего выдающегося, всё же Смирнов считал, что заслуживает столь высокого ранга и что все вокруг обязаны его уважать.

И всё же, какую-то там девчонку, в звании всего лишь лейтенанта, команда пилотирования ценила и уважала больше их назначенного капитана.

– Отставить шуточки и веселье! – прикрикнул на команду разозлившийся капитан Смирнов. – У нас много работы до отправки. Так будьте любезны выполнять свои обязанности.

Разгневанным взглядом Смирнов обвёл членов команды. Убедившись, что те притихли и занялись делом, щелкнул каблуками магнитных ботинок, – привычка служивого человека, которая, при этом, привела к деактивации механизм магнитов, – расправив плечи, повернулся кругом, и, гулко отчеканивая шагом, удалился с мостика в свою каюту.

– Это будут долгие четыре года, – выдохнул кто-то шепотом.

Ещё спустя шестьдесят минут, после напутственной и вдохновляющей речи главы Содружества, капитан Смирнов скомандовал полную готовность. Лида включила микрофон внутренней связи и повторила команду капитана для пассажиров миссии.

Начался обратный отсчет. Огромные цифры, сменяющие друг друга на экране, озвучивал мягкий компьютерный го-

лос.

– ... Три, два, один... – отсчитывал компьютер. – На старт!

– И поехали! – закричал взволнованный капитан, пристегнувшись к своему креслу, возвышавшемуся в центре мостика.

Лида ввела в компьютер команду, и система отпустила тормоз, удерживающий каждый из четырёх двигателей. По всему кораблю прошла лёгкая, но не приятная вибрация. Двигатели вспыхнули сторающей энергией, реактивная струя которой оттолкнула корабль от пояса астероидов. Внешние датчики зафиксировали движение, приборы на экране штурмана, сержанта Курника, стали отображать скорость корабля, значение которой возрастало в геометрической прогрессии.

– Мы достигнем нашей максимальной скорости через сорок два часа, – заключил сержант Курник взволнованным юношеским голосом.

– Все системы работают исправно, – доложил инженер машинного отделения Карл Сомович.

– Что ж друзья, – Смирнов отстегнул ремень безопасности и поднялся, чтобы с высоты своего роста произнести памятную и торжественную речь.

– Капитан, – перебила его Лида, – не стоит сейчас покидать своего кресла.

Смирнов мягко улыбнулся и надменным взглядом, какой бывает у родителей, чьи дети высказали очаровательную

нелепицу, поглядел на своего заместителя.

– Отчего же, лейтенант?! Я капитан этого космического судна, и я свободен в своих словах и поступках.

Лида на мгновение прикрыла глаза, перебарывая желание саркастически посмеяться над начальником.

– Я этого несколько не отрицаю, – произнесла Лида. – Однако я позволю себе разъяснить вам, капитан, что мы только развиваем свою скорость, в процессе чего гравитационный индуктор может сбоить. К тому же, наращивание скорости на высоких уровнях может происходить скачкообразно, от чего корабль может потряхивать. А это небезопасно для пассажиров. Потому я рекомендую вам вернуться в кресло и пристегнуть ремень безопасности.

Смирнов натянул свою надменную улыбку ещё шире, и хотя в его глазах полыхало раздражение от обилия умных слов, сказанных его подчиненной, а в глубине души он подозревал, что всё выше перечисленное Лидой может быть правдой, он, тем не менее, пренебрег предостережением, громко рассмеялся и направился к выходу с мостика. Его одолевало желание прогуляться по всему его кораблю. Смирнову нестерпимо хотелось оглядеть все вверенные в его власть владения и пообщаться со своими подчиненными, наблюдая в их лицах благоговение перед его званием и благодарность судьбе, что позволила оказаться в миссии вместе с ним.

Капитан успел сделать шагов пять-шесть, как случилось то, о чём его предупреждали. Двигатели перешли на новую

ступень работы, увеличивая мощность реактивного потока. Корабль на мгновение словно сжался, завибрировал и рванул вперёд, подбросив капитана Смирнова сперва вверх, а после ударив о стену.

Смирнов с грохотом ударился об пол, и беззвучно обмяк, потеряв сознание.

– Нужно, наверное, ему помочь, – заметил программист Шамиль со своего места.

– Я бы не стала, – отозвалась Лида. – Наш капитан очень самостоятельная личность, и он сам решает, что и когда ему делать. И никакие законы физики не посмеют его остановить.

Команда задорно рассмеялась над словами своего лейтенанта и вернулась к работе. Смирнов оставался лежать неподвижно, сраженный спонтанно возросшей гравитацией. Спустя несколько минут, он гулко простонал и заёрзал на полу.

– Вот теперь можно попробовать помочь, – заметила Лида.

Тогда младший лейтенант Белооков вынул из ящика своего стола аптечку, аккуратно отстегнул ремень, включил магнитные ботинки и короткой перебежкой добрался до распластанного капитана. Кирилл протёр лицо капитана от пятен крови и наклеил на ссадины гепариновые пластыри.

– Что произошло? – спросил капитан, оглядываясь кругом.

– Скачок энергии, – коротко ответил Белооков. – Ваши

ботинки были выключены, капитан, поэтому вы упали.

Смирнов, ощущая себя униженным, шипящим голосом приказал младшему лейтенанту помочь подняться и добраться до своей каюты.

Долгие четыре десятка часов ожидания, когда двигатели прогреются и достигнут своей максимальной мощности, а массивный звездолёт наберёт свою максимальную рабочую скорость, наконец, окончились. Вымотанные долгим бодрствованием и уставшие от тяжелой и однообразной работы пилоты разбрелись по своим каютам отсыпаться, вверив контроль за скоростью и соблюдением траектории полёта программе автопилота.

Когда третьи сутки полёта были на исходе, капитан Смирнов вышел на мостик, приветствовал пилотов и попросил минуту внимания. Гепариновые пластыри сработали отлично, и теперь на лице капитана не осталось следов, напоминавших о его фееричном падении.

– Вы все славно потрудились, – начал Смирнов, – это были тяжелые пара дней, вы все устали. Вдобавок, все эти новые ощущения, к которым нам ещё предстоит привыкнуть. И вот что мне пришло в голову, – выдерживая паузу, капитан обвёл взглядом своих подчиненных. – Команде следует разделиться!

Экипаж в недоумении уставился на своего капитана.

– Мы и так работаем посменно, – заметил младший лейтенант Белооков. – То есть, фактически, мы разделены.

– Да, но я имел ввиду несколько другое.

Смирнов сложил руки за спиной в замок и стал прогуливаться взад-вперёд по площадке мостика, регулярно поглядывая на индикатор своих ботинок, чтобы убедиться, что магнит включён.

– Необходимо сократить количество бодрствующих сотрудников в каждой смене. У нас есть камеры торпора. Прямо сейчас наш главный врач, невролог, или как я его называю, «Доктор Сладких Снов», – капитан остановился и вдоволь посмеялся над собственной шуткой. – Так вот, наш главный врач готовит капсулы торпора для некоторых из пассажиров, чья работа начнётся не ранее чем через восемь месяцев. Я дал распоряжение ему, чтобы он оставил две-три камеры для членов экипажа. Сейчас предстоит решить, кто отправиться первым потоком в страну «Доктора Сладких Снов»?

Смирнов снова не удержался и хохотнул в ответ на собственную придумку. Тем временем его подопечные силились понять смысл идеи, посетившей голову их капитана.

– Ну, что скажете? Кто пойдёт спать первым? – не унимался капитан.

– Разрешите обратиться, капитан, – начала Лида.

Смирнов стиснул зубы и натянуто улыбнулся.

– Конечно, лейтенант, – выдавил он из себя.

– В уставе нашей миссии нет ни слова о том, что экипаж команды пилотирования обязан или может прибегать к ис-

пользованию камер анабиотического сна. Напротив, составители устава настоятельно запрещают нам это делать. И хотя работа механизмов корабля, а так же навигация, производится компьютером, всё же присутствие всех членов экипажа необходимо на мостике. Отправлять часть из нас в капсулы торпора не безопасно для миссии и для пассажиров.

Капитан Смирнов нахмурился и задумчиво почесал подбородок.

– Я знал, что встречу сопротивление, – он неторопливо подошёл к Лиде и с насмешливым призрением поглядел девушке в глаза. – Однако, как вы, лейтенант, верно выразились, вся работа здесь производится компьютером – бездушной системой, которой не требуется ни сон, ни перерыв на обед и которая не может ошибиться. Отсюда следует, что на мостике слишком многолюдно. И к тому же, чтить и исполнять предписания устава это моя прямая обязанность, как капитана корабля. Я гарантирую, что всё, что там прописано, будет исполняться. Однако, повторюсь, являясь капитаном корабля и вашим, лейтенант Хорошева, прямым начальником, я вправе вносить правки, если посчитаю это необходимым.

– Да, если только правки имеют обоснование и не навредят экипажу, пассажирам и миссии в целом.

– Так и есть. Я всё обдумал и моё распоряжение никоим образом не создаст негативных последствий.

Лида оставила свои попытки возразить капитану, хотя и

не была с ним согласна. Она с сожалением подумала о той украденной у неё возможности быть сейчас на месте самоуверенного вояки, не терпящего здоровой критики и учёных людей в принципе.

– Отлично, – обрадовался Смирнов, и снова принялся расхаживать взад-вперёд, оживлённо артикулируя. – Раз возражений больше нет, считаю необходимым преступить к формированию графика.

Не вдаваясь в подробности обязанностей каждого члена экипажа, Смирнов наугад ткнул пальцем в нескольких человек, коими оказались молодой сержанта Курник, программист Шамиль и лейтенант Хорошева.

– И я тоже? – удивилась Лида.

– Разумеется! – воскликнул капитан, с хищной кровожадностью оглянувшись на неуютную ему соперницу. – Я, как истинный джентльмен, пропускаю даму вперёд. А по вашему возвращению, лейтенант, я передам вам управление и сам с удовольствием окунусь в мир сладких снов.

Со здоровой долей скептицизма в глазах Лида поглядела на капитана, ища подвох в его словах и ложь в его грубых чертах лица. Она была против и была готова отстаивать своё мнение, но оглянувшись на покорных сержанта и программиста, склонила голову.

– Что ж, – процедила сквозь сжатые зубы Лида. – Пусть будет так.

– Отличный настрой, лейтенант! – воскликнул обрадован-

но Смирнов и зачем-то принялся потирать ладони. – Хочу так же заметить, что вы подаёте признаки истинного лидера. Я отмечу это в вашем личном деле! Как истинный вождь, вы становитесь примером для своих людей. Это заслуживает уважения.

Лида натянуто улыбнулась словам капитана, от которых сквозило фальшью, но нашла в себе силы поблагодарить его.

В медотсеке её уже ждал невролог, доктор Тамаш. Он оценил физиологическое состояние Лиды как полностью удовлетворительное и, подключив датчики мониторинга, поставил ей капельницу с наркотическим коктейлем. Обмякшее тело Лиды разместили в уютной капсуле, а в горло вставили дыхательную трубку. Показатели жизнедеятельности заметно снизились, после чего капсулу запечатали и заполнили бесцветной плазмой.

Доктор Томаш заполнял медицинскую карту, когда его личный коммутатор вдруг ожил.

– Говорит капитан корабля Смирнов, – представилось изображение, сверкнув суровым взглядом.

– Да, капитан, я и так узнал вас, – отвечал доктор исключительно бесчувственным голосом.

– Вы погрузили моего заместителя в сон?

Доктор ответил утвердительно.

– Что ж, это хорошо, хорошо, – капитан задумался на мгновение, и в его глазах забрезжил свет, свойственный человеку, получив, наконец, желаемое.

– Это всё? – спросил доктор Томаш. – У меня ещё много пациентов...

– Да, простите, док, я не отниму у вас и минуты. Только хотел выдать вам устное распоряжение.

– Я вас слушаю, говорите, – отвечал доктор, не скрывая возникшее раздражение.

Он, как человек науки, ценил своё время и не любил, когда потаронние занимают его безынтесной болтавнёй.

– Да, как я уже сказал, – бубнел Смирнов в динамике, – у меня есть важное поручение к вам. Очень важно, чтобы срок пребывания моего заместителя в капсуле торпора был продлён.

– Не представляется возможным, – отвечал доктор Томаш. – Прежде всего потому, что камер у нас не так много, а у меня уже сформирован список желающих на пол года вперёд. К тому же, нахождение в длительном сне чревато различными последствиями для пациента, потому больше шести недель держать нельзя.

– Док, но вы же учёный! Взгляните на моё предложение, как на возможность провести опыт, результат которого, возможно, послужит темой для ваших научных изысканий.

Доктор Томаш всерьёз задумался, после чего пообещал капитану сделать всё возможное. Возможность изучить человека, пребывавшего в капсуле торпора длительный срок, заинтриговала ум учёного человека. И потом, мало ли что там рекомендует медицинская комиссия по вопросам анаби-

отического сна. Доктор Томаш участвует в миссии пионеров. Он и сам должен стать пионером и новатором.

Перед прощанием капитан Смирнов взял с доктора слово о том, что их разговор останется в тайне.

Смирнов отключился и снова потёр ладони. Проблема, которая не давала ему покоя, была решена.

Глава восьмая, сто дней

Свет то включался, то выключался. Когда он рассеивался, поглощённый мраком, понятие жизни, как таковой, переставало существовать. Потом вдруг абсолютно непроглядную пустоту разрезал пучок фотонов, и сознание рождалось из бесконечной энергии Вселенной. Энергии и света становилось много, они закручивались в упругие сферы с огромным давлением так, что в какой-то момент взрывались. Их остаточное свечение рассеивалось, и тогда снова наступало тьма, ничто. И так множество раз, то свет, то мрак, до тех пор, пока Лида не открыла глаза и не увидела нахмуренное лицо медсестры. Девушка спохватилась, принялась разглядывать показания на мониторе, щупать пульс и даже что-то говорила. Из её лёгких вырывался воздух, – теплое дыхание девушки Лида ощущала на своём лице, – проходивший сквозь мембраны искривляющихся голосовых связок, и вот слова срывались с губ медсестры, выстраиваясь в приятную мелодичную последовательность. Но Лида ничего не могла разобрать. Впрочем, она даже не понимала, кто она сама, и что с ней происходит. Её глаза наблюдали за суетой вбежавшего доктора, уши слушали его голос, шуршание униформы, кожа ощущала прикосновения датчиков, холодных пальцев рук, уколы игл. Но что всё это должно значить?

Лида разволновалась, её охватила паника. Она ощутила прилив болезненных пульсаций, вызвавших чувство страха и паники. Где-то внутри неё, – Лида не могла понять, где находится это «внутри», – нечто тяжело затрепыхалось, часто выстукивая какой-то загадочный ритм.

Люди, что смотрели на неё своими удивленными глазами, говорили её что-то своими непонятными ртами, эти люди начали Лиду пугать. Она знала, что должна убежать, но не знала как. Тогда она начала биться в истерики, закатывая глаза. Она услышала странный звук, сопровождавшийся дрожанием у неё в горле. Странным звуком был её собственный голос. Что ж, подумала Лида, у меня тоже, как и у других, есть голос. И тогда Лида принялась истошно кричать, искажая звучание различных гласных звуков положением своих губ.

Попытки пациентки высвободиться привели доктора и медсестру в замешательство. Они силились успокоить пациентку, прикасаясь ладонями то к её голове, то к рукам. Ощущая пугающие прикосновения, Лида стала брыкаться. Она не понимала, откуда приходят эти тактильные ощущения. Ведь она – это вспыхивающий свет и непроглядная тьма, она – это бесконечная энергия. Ничто не может прикоснуться к ней.

Где-то внизу, – Лида не понимала определение направления, но ощущала его, – нечто сильно ударяло по кровати, разнося вибрации. Страх овладевал Лидой, наваливаясь горячими волнами адреналина и кортизола.

Лида опустила глаза и перед её взором, помимо обеспокоенных лиц доктора и медсестры, возникли странные предметы – две длинные трубки, или что-то вроде того, с пятью тонкими и короткими отростками на конце каждой. Эти трубки взмывали вверх и исчезали из поля зрения, а та, что была слева, в какой-то момент больно ударила Лиду по лицу. Лида ощутила щекой обжигающий удар, но в то же время она испытала прикосновение к коже руки.

«Это мои руки», подумала Лида и на мгновение притихла. Она разглядывала ладони, шевелила пальцами. «Десять на руках и десять на ногах» – подумалось ей. «На ногах». А что это значит?

Лида стала ворочаться. Ниже пояса она ощущала неприятную, покалывающую тяжесть. Ей хотелось заглянуть туда – за край поля зрения. Она снова начала брыкаться, но уже не в приступе страха, но в исступлении любопытства.

Доктор и медсестра помогли Лиде приподняться на кровати и даже откинули тяжелое и теплое одеяло. Лида увидела свои ноги и, задумавшись, притихла. «Десять на ногах. Десять пальцев на ногах. Вот что это значит!» Она хотела пошевелить пальцами, но движения получались неловкие и вызывали острую колющую боль.

Доктор хотел уложить Лиду обратно на кровать, но та запротестовала. Тогда медсестра приподняла изголовье кровати, чтобы Лида могла сидеть. Лиде этот жест показался милым и заботливым, и она попыталась передать вспыхнувшее

где-то внутри себя чувство благодарности – её губы вытянулись в улыбку, а из гортани вылетел сиплый звук.

– Не за что, дорогая, – улыбнулась медсестра в ответ.

Лида удивленно посмотрела на девушку. Мелодичные звуки, соскользнувшие с приветливых губ улыбчивой медсестры, неожиданным образом приняли форму понятных слов и значений.

Лида улыбнулась ещё шире и схватила девушку за руку.

– Доктор, – неуверенно протянула медсестра. – Кажется, она возвращается.

Прошло более пяти суток тяжелого восстановительного процесса, в результате которого Лида вернула себе базовые навыки и вспомнила все свои эмпирические знания и умения. Доктор Томаш с интересом провёл ряд исследований и после каждого успешно пройденного Лидой теста, восхищался ею и радовался, как ребёнок, увидевший гору подарков под новогодней ёлкой.

Доктор написал отчёт и поспешил к капитану корабля с докладом. Он долго и витиевато разъяснял природу человеческого мозга и технологию анабиотического сна, рассказал о своём собственном методе, который – какая неожиданность! – сработал.

Капитан Смирнов, туго сжимая челюсти, слушал главного врача и боролся с собственными эмоциями. В глубине души он надеялся, что этот день просто не наступит.

– Я понял вас, – Смирнов грубо прервал бурную речь

увлѣкшегося доктора и махнул рукой. – Эксперимент удался. Возвращайтесь к себе и займитесь чем-то ещё.

Прошла ещё одна неделя восстановительной терапии, после которой Доктор Томаш допустил Лиду к работе.

Взволнованным шагом лейтенант Лида Хорошева поднялась на мостик.

– Лейтенант Хорошева! – с наигранным восторгом воскликнул Смирнов, обернувшись на шум раздвижных дверей. – Я надеюсь, вы выпалились и готовы приступить к своей работе?

Капитан рассмеялся, но его никто не поддержал. Занервничав, он подошёл к Лиде, пожал ей руку, поздравил с выходом на смену и торопливым шагом покинул мостик.

Экипаж радостно приветствовали своего лейтенанта, выражая свои оправдавшиеся надежды обилием эмоциональных восклицаний.

Лида в замешательстве переводила взгляд с одного улыбающегося, покрытого щетиной лица, на другое.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кирилл, обеспокоенно.

– Две недели док повторял этот вопрос бесчисленное множество раз, – усмехнулась Лида. – Пока что ответ не менялся. Я в порядке. Но если меня спросят ещё раз, я начну очень сильно злиться. А теперь, расскажите мне, что было увлекательного за этот месяц, пока меня не было?

Члены экипажа озадачено переглянулись, после чего во-

просительно и с легкой степенью обеспокоенности посмотрели на Лиду.

– Сколько, ты думаешь, – вышел вперед Шамиль и зачем-то положил руку Лиде на плечо, – прошло времени?

Лида одернула плечо, сжала зубы и недоверчиво оглянулась на экипаж. Вероятно, сказала она себе, ребята хотят разыграть её.

– Шесть недель, как и все, – отвечала Лида. – Больше времени нельзя проводить в капсуле торпора, все это знают. Плюс ещё десять дней на восстановление. Кстати, пробуждение прошло просто ужасно. Интересно, у кого-нибудь ещё было что-то подобное?

– Прошло около сотни суток, – произнёс Кирилл, подойдя ближе к подруге.

Лида опешила на мгновение, но после громко рассмеялась.

– Этого не может быть. Вы всех так встречаете, кто возвращается из медотсека?

Мужчины молчали. На их лицах ещё более явственно проступало беспокойство.

– Что здесь происходит? – спросила Лида, уперев руки в бока.

Белооков предложил всем занять свои места, усадил Лиду в кресло старшего пилота и сел рядом. Программист Шамиль остался стоять по левую руку от Лиды.

– Ты долго не просыпалась, – начал объяснения Кирилл. –

По истечении срока тебя извлекли из капсулы, но ты не приходила в себя. И так продолжалось ещё два месяца. Капитан запретил другим членам экипажа погружаться в торпор, чтобы обезопасить миссию. Неизвестно, с кем ещё могло произойти подобное.

– Это, конечно, правда, – заметил Шамиль, – но далеко не вся.

– Не вздумай забивать ей голову своей конспирологической чушью, – разозлившись, прикрикнул Белооков на программиста.

– Она должна знать! – закричал в ответ Шамиль.

– Может быть, но решать это не тебе. Капитан расскажет, если сочтёт это нужным.

– Опять ты прикрываешься капитаном, когда нужно действовать решительно, – возмущенно и с нескрываемым презрением отвечал Шамиль.

– Прекратите немедленно! – вступила Лида.

Она поднялась с места, встала так, чтобы видеть всех членов экипажа и спокойным голосом попросила своих подчиненных рассказать ей обо всем, что, как им кажется, произошло.

– Мы думаем, что ты отреагировала нетипично на препараты, поэтому так долго не приходила в себя, – начал Белооков. – Мы даже боялись, что ты уже никогда не очнёшься.

– Но вот я здесь, – подытожила Лида. – И это чушь, – добавила она. – Я проходила множество тестов. Среди них

и контролируемое погружение в торпор. Врачи на Земле не обнаружили никакой нетипичной реакции. Это есть в моей медкарте.

Кирилл пожал плечами.

– Мы не медики, – отвечал он. – Мы лишь говорим тебе то, что нам объяснил доктор Томаш.

Шамиль надменно рассмеялся над словами Белоокова.

– Серьёзно? И тебя не удивляет, что док даже ей самой ничего не сказал?

– А почему тебя это удивляет? – раздраженным голосом спросил Кирилл.

– Да потому что, парень, в отличие от тебя, лейтенант раскусила бы его ложь в мгновение ока.

– И в чем, – спросила Лида у программиста, – по-твоему, док вам солгал?

– Ни в чём, Лида, не слушай его, – взмолился Кирилл. – Он же мнительный психопат, во всем подозревающий заговор!

– Я сейчас говорю не с тобой, – Лида выставил вперёд ладонь, заставив Белоокова замолчать.

– Что ж, я начну с начала, – Шамиль потёр ладони и с явным удовольствием пустился в объяснения. – Ты помнишь, почему капитан отправил тебя в капсулу торпора?

Лида нахмурила брови. По её ощущениям события того дня происходили будто вчера, но при этом воспоминания казались расплывчатыми и словно норовили ускользнуть.

– Я думаю, – ответила Лида, – что тут дело в том, что капитан наш в принципе не знает, что и зачем он делает. Я являюсь его прямым конкурентом, так что совершенно логично, что он попытался от меня избавиться.

Шамиль восторженно захлопал в ладоши, а Белооков скривил недовольную мину.

– Мне жаль, что ты такого мнения, – протянул он. – Капитан не настолько мелочный человек, чтобы пытаться избавиться от важного члена экипажа.

– Да нет, – хохотнул Шамиль, – он именно настолько мелочен. Более того, я склонен полагать, – доказать мне этого не удалось, но я не сдамся, – что док нам солгал. А именно в том, – Шамиль выдержал паузу, набрал воздуха в грудь и произнес скороговоркой, – что по истечении срока в шесть недель он даже не пытался тебя разбудить. Когда по графику ты должна была заступить на свою смену, капитан сообщил, что пробуждение пошло не по плану, и что лейтенанта перевели в палату интенсивной терапии и подключили к аппарату поддержания жизнедеятельности. При этом никого из нас к тебе, лейтенант, не пускали, так что это ставит под сомнение слова доктора и капитана. Я считаю, что капитан отдал приказ удерживать тебя в капсуле торпора сколько это будет возможным.

Лида обдумывала слова программиста, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Слова Шамиля звучали невероятно глупо, но при этом отлично вписывались в ситуацию.

– Кроме того, – и это, я считаю, вишенка на торте, – капитан не доложил на Землю о своём решении. Он понимает, что ему сделают выговор за нарушение устава, а может, даже отстранят от миссии. Капитан аккуратно дал нам понять, что мы должны лгать ЦУПу, прикрывая его. Его весомым аргументом было логичное обоснование того, что мы, как разумные члены экипажа, хорошо знающие устав, должны были помешать капитану в самом начале, когда он только выразил своё желание отправить несколько членов экипажа в анабиоз.

– И это правда, – заметила Лида. – Никто из вас даже не попытался поддержать меня в моих тщетных попытках вздумать капитана.

– И мне очень стыдно за свой трусливый поступок, – ответил Шамиль. – И ситуацию усугубляет тот факт, что нас с сержантом Смирнов отозвал от погружения в капсулы. Мы всё это время были здесь.

– Допустим, что всё это так, – задумчиво протянула Лида. Она испытывала множество не поддающихся анализу эмоций. Ей было горько от мысли, что она могла умереть и что её пробуждение это медицинская загадка, простая случайность с крайне малой вероятностью. Но Лида так же была горда собой за то, что вызывает в другом человеке такие сильные эмоции, которые толкнули этого человека на преступление.

– Я не могу поверить, – возмущался Белооков. – Неужели ты веришь ему? – спросил он у Лиды.

– Мне не трудно, поскольку он привёл разумные доводы, – Лида пожала плечами. – Но вот, что меня удивляет, – Лида поглядела другу в глаза, – почему ты отказываешься признать тот факт, что от меня пытались избавиться?!

Кирилл ничего не ответил, а лишь поджал губы и развернулся к своему компьютеру.

– Я придумал ещё одно доказательство моей правоты! – воскликнул Шамиль. – Если спустя какое-то время наш капитан не попытается избавиться от лейтенанта вновь, то я признаю, что мои суждения были ошибочны.

Лида поблагодарила экипаж за поддержку, предложила закрыть эту тему и попросила ввести её в курс происходящих событий, чтобы наверстать упущенные три месяца полёта.

Глава девятая, смена маршрута

– Как-то не так я себе представляла исследование глубокого космоса, – вздохнула Лида, лениво просматривая однообразные цифры и графики на мониторе.

– Мы до него ещё не добрались, – рассмеялся Кирилл. – На следующей неделе нам только предстоит достичь орбиты Нептуна. Пройдём вблизи гиганта, сделаем маневр, доберем немного скорости и махнём во все тяжкие!

– Ты имеешь в виду, преступим к пересечению внешнего пояса астероидов.

– Это «хард рок» детка, – засмеялся Белооков.

– Да уж, камней там и в самом деле предостаточно, – тяжело выдохнула Лида.

Она закрыла глаза, чтобы перебороть то ли головокружение, то ли тошноту, то ли разочарование. Много лет она мечтала отправиться в исследовательскую миссию, потому что считала её захватывающим приключением. Но вот, прошло около двухсот суток, из которых первые девяносто Лида провела в анабиотическом сне, а вторую сотню дней занималась наблюдениями и регулярными проверочными вычислениями координат для отслеживания местоположения корабля. Однообразие дежурных смен скрашивали редкие сеансы связи с Землёй, в течение которых Лида рапортовала о том, что полёт проходит без изменений, а люди на Земле повто-

ряли, как они гордятся смелыми и отверженными пионерами далёкого космоса. И ничего, совершенно ничего необычного или неординарного. Только скучное однообразие обязательных работ.

Лида погрузилась в воспоминания о своей прошлой жизни. И зачем она так стремилась попасть в миссию, если её жизнь на Земле была красочна и разнообразна? Ежедневно на работе Лида преодолевала земное притяжение, направляла ракету, весившую сотни тон, на разгрузочную платформу, после чего возвращалась обратно в космопорт. А в свои выходные Лида могла поехать встречать рассвет на море, или прогуляться в ароматном еловом лесу, или сходить в центр города на премьеру очередного отечественного кино о бессмертных героях.

Лида удивилась своим мыслям. Она и представить не могла, что когда-либо будет скучать по своему прошлому.

– ...И мы находимся с тобой, – говорил Кирилл, – в самом невероятном месте во всей Вселенной! Это рукотворное чудо – наш корабль!

Лида удивленно оглянулась на младшего лейтенанта. Оказывается, всё это время, пока она рефлексировала, Белооков нёс какую-то околесицу, призванную приободрить подругу.

– Мы несемся с невероятной для человека скоростью, – продолжал Белооков. – Скоро мы приблизимся к орбите Нептуна. Мы так далеко от дома, как ещё никогда не были. Разве тебя это не восхищает?

Лида пожала плечами.

– Твои слова имеют смысл. Но это только одна сторона, – заметила Лида. – На самом деле мы сидим в наглухо запечатанной консервной банке и понятия не имеем, что творится снаружи. Ты говоришь, что мы скоро достигнем орбиты Нептуна, но мы знаем об этом исходя из математических расчётов. А что насчет того, чтобы своими глазами взглянуть на него?

Белооков испуганно оглянулся на панорамное окно, запечатанное снаружи плотным металлическим листом.

– Щиты нельзя поднимать! – воскликнул он.

– Да, но, кажется, у этой махины есть другие «органы чувств», – усмехнулась Лида.

Она подключилась к электронному телескопу и направила линзы в сторону предполагаемого нахождения планеты. Спустя несколько минут на самый главный экран было выведено изображение сине-голубого газового гиганта. Во мраке космоса, гордый и безмолвный, Нептун парил в невесомости, подчиненный гравитации Солнца.

– Вот, – вздохнула Лида, – это уже хоть что-то. Жаль, я не сообразила раньше. Могли бы полюбоваться на Сатурн.

Ночная смена подходила к концу. Кирилл, негромко похрапывая, спал, удобно расположившись в своем кресле. Лида, любопытства ради, вращала линзы телескопа, чтобы рассмотреть спутники Нептуна, когда на мостик поднялся капитан Смирнов.

– Лейтенант Хорошева, рад видеть вас в полном здравии, – протянул капитан, сквозь натянутую улыбку.

– С последней нашей встречи ничего не изменилось, – отвечала Лида. – Или вы, капитан, думаете, что я впаду в анабиотический сон внезапным образом, не отходя от рабочего стола?

Лида бросила на капитана пристальный многозначительный взгляд, от которого Смирнов побледнел и стал заметно нервничать.

– Никто так не думает, лейтенант. Это простая вежливость, без которой, впрочем, я могу и обойтись. А чем вы здесь занимаетесь? – спросил капитан, увидев на мониторе планету.

– Хочу убедиться, что когда мы будем совершать маневр вокруг Нептуна, у нас на пути не встанет какой-нибудь малозаметный спутник.

Смирнов озадаченно переводил взгляд с монитора на Лиду и обратно.

– Что ж, хорошо, – заключил капитан, после чего обратил своё внимание на спящего младшего лейтенанта. – А что же ваш коллега?

Лида толкнула Белоокова в бок, и тот, подскочив, сонными глазами уставился на капитана.

– Отлично! Раз вы оба готовы слушать, я начну.

Лида оставила работу над настройкой телескопа и озадаченно посмотрела на Смирнова.

– Скажите, друзья, что вам известно о пылевом облаке? – спросил Смирнов.

– То же, что и всем, капитан, – ответил Белооков. – Это большая и малоизученная область в поясе Койпера.

– Наш маршрут проходит по орбите облака, – сказала Лида. – По программе ЦУПа мы должны запустить несколько беспилотных станций, чтобы они собрали для нас образцы. Собственно, если у нас получится, мы будем первыми, кто получит хоть какие-то сведения об этой зоне. Зонды, запущенные с Земли за последние пятьдесят лет, пропадали с радаров. Возможно, пыль заглушает сигнал, а возможно, что за её завесой скрывается объект, формирование которого началось в конце двадцать первого столетия и вызвало образование густой пылевой завесы.

– Я думаю, вы заблуждаетесь, лейтенант, – небрежно бросил Смирнов. – Что же, по-вашему, там образуется новое Солнце? – капитан рассмеялся. – Бросьте, это всё бабушкины сказки. Однако, вот что интересно! Прохождение по так называемой безопасной орбите облака увеличивает время в пути почти на восемьдесят суток.

– К чему вы клоните, капитан? – насторожившись, спросила Лида.

– Я говорю прямо, лейтенант. Если мы пересечём облако насквозь, то сэкономим прилично времени. Думаю, мы все окажемся в выигрыше после такого маневра.

– Но этого нельзя делать, капитан, – возразила Лида и под-

нялась, чтобы говорить со Смирновым наравне. – Пылевое облако только так называется. Это предположение ученых, изучавших его в телескопы много лет. На деле это пятно, не отражающее свет. Пустить огромный корабль с сотней людей на борту сквозь неизученный объект не оправдано глупо и равносильно убийству.

– То есть, лейтенант, вы считаете меня глупцом? – Смирнов сощурил глаза и с вызовом поглядел на своего заместителя.

– Нет, капитан, – отвечала Лида, очень стараясь, чтобы её голос звучал спокойно и вежливо. – Я лишь пытаюсь предупредить вас, чтобы вы не совершили ошибки.

– Хотя здесь капитан я, и лишь я один могу предупредить и оберегать наш коллектив от совершения ошибок, тем не менее, я безмерно благодарен вашему чутью, лейтенант, – Смирнов растянул губы в любезной улыбке, но глаза его затянуло пеленой гнева и ненависти. – Сейчас я покажу вам на примере, что я пытаюсь вам объяснить, и все вопросы отпадут сами собой.

Капитан подошёл к навигационному экрану, запустил симуляцию трёхмерной карты Солнечной системы и затем прочертил яркую красную линию.

– Это наш намеченный курс, – принялся объяснять Смирнов. – Он утверждён свыше. Его расчётом занималась многочисленная группа профессионалов. И я не стал бы с ними спорить, находишь я сейчас на Земле. Но здесь, в космосе,

я, своего рода, последняя инстанция, – капитан поглядел на Лиду многозначительным взглядом, как бы стараясь укорить подчиненную за её попытки подставить под сомнение авторитет и знания капитана. – И если я понимаю, что я могу приложить усилия и достичь лучшего ради всеобщего блага, то мой долг поступить именно так.

Лида терпеливо глядела на капитана, подавляя в себе негодование и омерзение. Чрезмерное высокомерие капитана Смирнова, выразившееся в каждом слове, взгляде, жесте и в элементарном обращении с подчиненными, так сильно изводившее Лиду на Земле, никуда не делось и теперь. Сбежать от приступа словоохотливости и самолюбования капитана не было возможности, а потому Лида собирала всю волю в кулак и силилась соблюдать субординацию, которую военные люди ценят выше всего на свете.

– Теперь взгляните сюда, – неторопливо продолжал капитан.

Он прочертил на карте синюю пунктирную линию. Она отклонялась от красной, проходила через неизученную область, небрежно раскинувшуюся на многие тысячи километров в поясе Койпера.

– Если мы отклонимся от намеченного курса и пойдём напрямик через облако, то пересечём границу гелиосферы раньше на сто двадцать суток. Это ли не прекрасно?! Мы сможем приступить к достижению цели нашей миссии раньше на сто двадцать суток! При этом, отправляясь на обрат-

ный курс, мы так же пройдем через облако, что сократит время нашего полета еще на сто дней. А значит, мы вернемся домой раньше обозначенных сроков. Вы люди взрослые и не мне вам рассказывать, как наше государство любит, когда с поставленными задачами мы, простые смертные, справляемся раньше указанных сроков.

– То есть, другими словами, капитан, – Лида усилием воли сдерживала нарастающую в ней ярость, отчего голос заметно вибрировал и звучал ниже, чем обычно, – вы готовы рискнуть миссией, жизнями людей и собственностью государства, стоимостью в сотни миллиардов рублей только ради того, чтобы вас погладили по головке и назвали молодцом?

Капитан Смирнов, обескураженный дерзостью Лиды и прямолинейной подачей фактов, не нашёлся, что ответить и потому стоял, бессмысленно хлопая глазами.

– При всём уважении, капитан, – закончила Лида, – я считаю риск не оправданным.

– А это не ваша работа, лейтенант, оценивать риски, – капитан очнулся от забвения, расправил плечи и сделал шаг вперёд, как бы всем своим телом пытаясь подавить возникшее сопротивление. – Ещё раз повторю, здесь капитан я, как бы вам это не нравилось. А посему, мои приказы не подлежат обсуждению и критике. Я поставил вас в известность, и теперь ваша задача исполнить мои указания.

На мгновение Лида потеряла уверенность в себе. Капитан, будучи мужчиной резким и нетерпящим возражений, напа-

дал на неё, демонстрируя авторитет и власть, пытаясь тем самым убедить Лиду отказаться от своего мнения. Но тут она вспомнила, что прошлое противостояние капитану и её проигрыш окончились тремя месяцами в капсуле торпора, что можно расценивать как неудачную попытку убийства.

И хотя, казалось, что в этот раз Лида должна была испугаться, или, во всяком случае действовать осторожней, она не отступила. Несокрушимая, Лида осталась стоять на том же месте, расправила плечи и подняла на Смирнова открытый спокойный взгляд.

– Позвольте, капитан, я разъясню, что я имею в виду, – произнесла она спокойно, чем обескуражила соперника.

Капитан сделал жест рукой, позволяющий Лиде высказаться.

– Вы предлагаете сократить время в пути и поскорее добраться до гелиопаузы. Но давайте взглянем на ситуацию с другой стороны. В пылевом облаке допустимо присутствие такого явления, как повышенное давление, или аномальный уровень радиации, или искажение гравитации. Любое из этих явлений негативно скажется на приборах навигации. Облако также может быть зоной скопления астероидов, которые притягиваются к массивному объекту, который из-за плотной сферы пыли мы пока не можем разглядеть. Но даже если в туманности ничего нет, и мы пройдем её насквозь, мы понятия не имеем о том, что находится по ту сторону облака. Кроме того, согласно нашего текущего маршрута, при

пересечении гелиопаузы мы должны снизить скорость, чтобы не потерять управление кораблем, когда окажемся в потоке межзвездного ионного ветра. Если мы изменим траекторию полёта, и при условии, что мы благополучно пересечем облако пыли, нам надо будет потратить около тридцати суток на разворот и прохождение гелиопаузы в назначенной ЦУПом точке координат.

– Более того, – продолжала Лида, – для подобного маневра нужно получить разрешение с Земли. Они должны провести расчет и проверить, стоит ли отклоняться от уже утвержденного и много раз проверенного маршрута. Как бы вам не хотелось, капитан, но одно ваше желание «поскорее разделаться с работёнкой», потянет за собой множество последствий. И это только те, которые мы сможем предвидеть.

– Лейтенант Хорошева, – процедил сквозь зубы капитан. – Вы здесь не для того, чтобы оспаривать мои решения!

Лида открыла рот, чтобы парировать, но капитан повысил голос:

– Садитесь за пульт и принимайтесь за дело немедленно! Проведите перерасчет курса и начните выполнять манёвр по развороту судна.

– Давайте сначала просто отправим сообщение на Землю о том, что мы собираемся делать, – продолжала Лида стоять на своём.

– Вы всего лишь, пилот, лейтенант! Прекращайте спорить! Это неуважение к старшему по званию и я буду вынуж-

ден доложить об этом в дисциплинарный комитет.

– Да, конечно, – ответила Лида, растерявшись.

Её уверенность в себе развеялась в миг. Лида вернулась к своему столу, спрашивая у себя, что так напугало её? Громкий голос необразованного военного мужлана или его угроза доноса в комитет?

«Это же просто смешно!» сказала себе Лида и в следующую секунду она круто развернулась и подошла к капитану.

– Мой долг, капитан, и моя работа заключаются в том, чтобы не допустить ошибки в управлении кораблём. И, как мне кажется, отдавая подобный приказ, вы, капитан, совершаете большую ошибку. Поэтому я не позволю вам этого сделать.

Смирнов поджал губы, тяжело дыша, он несколько секунд раздумывал над чем-то, после чего ответил спокойным голосом, слегка изогнув губы в снисходительной улыбке.

– Женщины, – выдохнул Смирнов и натужно рассмеялся. – Вечно у вас всё «нельзя» и всё «опасно». Само по себе нахождение в космосе это опасно и рискованно. Как вы, лейтенант, с вашими опасениями решились покинуть дом на Земле?

– Капитан, это не допустимая форма обращения, – заметила Лида, чувствуя, как в груди что-то закипает и взрывается.

Ярость почти застилала ей глаза, но Лида старательно её подавляла и старалась выглядеть сдержанной.

– Не вам, лейтенант, решать, какую форму обращения в отношении моих подчиненных мне использовать, – капитан раскраснелся и быстро шевелил пересохшими губами. – Ваша обязанность, лейтенант, пилотировать «Циолковский-3». Думать вам совершенно не нужно. Вам это не идёт. Запомните, капитан здесь я, и я решаю, кто и что будет делать. Через сорок восемь часов корабль должен двигаться по новому маршруту в направлении пылевого облака. Любое сомнение или неподчинение равнозначно измене. Лейтенант Хорошева, вы выполните мой приказ или хотите угодить под трибунал?

Лида обернулась на притихшего младшего лейтенанта. Белооков старательно напускал отсутствующий вид на лицо, силясь не замечать конфликта, разворачивавшегося у него под носом.

– Никак нет, капитан, – ответила Лида удрученно.

Она вдруг растерялась, ощутив себя абсолютно одинокой в большом и пустом космосе. Лида ясно осознала, что человек, которого она считала другом, слишком привык пресмыкаться перед вышестоящим начальством и никогда не осмелится поддержать её.

Лида обессилена села в своё кресло и пристегнула ремни. Она ввела координаты в компьютер, который, недолго думая, рассчитал новый маршрут. Оставалось отдать последнюю команду, и тогда компьютер отправит указания в рубку инженера-механика, который отвечает за работу двигателей.

Лида замерла, глядя на пульсирующую надпись на экране. Она действительно сомневалась в правильности решения капитана, или за неё говорило слепое упрямство?

– Не спорь с ним, – услышала Лида справа и обернулась.

Кирилл Белооков обеспокоено глядел на подругу.

– Он самодур, это каждый знает, – продолжал Кирилл шептать, – но за неподчинение и оспаривание своих приказов легко испортит тебе жизнь. Мы участвуем в самой лучшей миссии. Мы – элита! По возвращении домой ты получишь тысячу отличных предложений и сможешь сама диктовать условия. Но сейчас нужно потерпеть.

– Так значит, всё дело лишь в карьере? – спросила Лида.

– А в чём ещё? – удивился Кирилл.

Лида пожала плечами. Она снова испытала чувство одиночества. Все члены экипажа стремились попасть на «Циолковский-3» по каким-то своим причинам. И оказывается, с общей задачей они не имеют ничего общего. Как это странно, думала Лида, вдруг увидеть всё, как оно есть на самом деле, без налёта пропаганды и самообмана.

– Какие-то проблемы? – спросил капитан, возникший за спиной Лиды. – Делайте уже свою чёртову работу, лейтенант!

«А он? – спросила себя Лида. – Что здесь делает Смирнов?»

Мужчина за пятьдесят, достаточного опыта в космических перелётах, никчемный руководитель и абсолютный

ноль в инженерии, пилотировании, астрофизике и космонавтике. Каким образом Смирнов оказался лучшим претендентом на эту работу? И ради чего он согласился? Четыре года в экспедиции. Когда Смирнов вернётся на Землю, ему будет почти шестьдесят. Он получит не малый гонорар за полёт и сможет досрочно уйти на высокооплачиваемую пенсию со всеми почестями и заслугами. Так дело в этом? Принимая решение о смене курса экспедиции, Смирнов руководствовался желанием поскорее выйти на пенсию? Результат миссии и работа учёных его не заботит вовсе?

Лида поднялась и высказала капитану своё предположение, удивляясь тому, что её голос ни разу не дрогнул.

Повисла звенящая тишина. Смирнов оторопел от наглости своего пилота, этой несносной девчонки, которая считает, что может поучать Его, Капитана Корабля! Смирнов покраснел от захлестнувшей его злости и хватал ртом воздух, не зная, что сказать.

Наконец он нашёлся.

– Лейтенант Хорошева! – воскликнул капитан. – Вы отказываетесь выполнять моё поручение?

– Да, капитан, – твёрдо и с уверенностью отвечала Лида.

Она стояла спокойно, расправив плечи и приподняв голову вверх. Она считала себя правой и считала своим долгом отстаивать свою правоту.

– Ваше поручение грозит миссии провалом. Мы не знаем, что нас может ожидать в поле пылевого облака, так как да-

же радиосигналы здесь не проходят. Ни один исследовательский зонд не вернулся.

– Что ж, ещё один повод пустить корабль через облако. Соберём данные и доставим их на Землю, чтоб люди вроде вас перестали бояться неизвестного.

Капитан надменно хихикнул, довольный таким обращением к подчиненной женщине.

– Посылать огромный корабль сквозь неизученный объект – это преступление! Капитан, вы рискуете не только сорвать миссию. Вы подвергаете жизни сотни людей смертельно опасному риску.

Капитан оглянулся на младшего лейтенанта.

– Вы тоже так считаете, юноша? – спросил Смирнов. – Может, вы хотите что-либо добавить к словам этой юной особы?

Смирнов глядел на Белоокова таким пронзительным и пугающим своей яростью взглядом, что Кирилл, вжав голову в плечи, буркнул что-то не разборчивое и отвернулся к монитору.

– Что ж, – самодовольно улыбаясь, протянул капитан. – Никто не считает вас правой, лейтенант. Я даю вам последний шанс...

– Я с вами не согласна, капитан, и не соглашусь, – Лида с гордостью вздернула подбородок и сложила руки на груди.

Лида ощущала себя правой и не сомневалась в себе, а потому она решила стоять на своём до конца.

– Значит, решено. Я отстраняю вас, лейтенант, от управ-

ления. После смены я подам рапорт в ЦУП о вашем разжаловании. А теперь, – Смирнов повернулся к Лиде спиной, подразумевая, что разговор окончен, и обратился к Белоокову, – требуется произвести перерасчет нашего маршрута.

– Моя смена скоро заканчивается, – ответил Кирилл.

– И что же, вы куда-то спешите?

– Нет, капитан, – почти шепотом отвечал Белооков.

– Вот и прекрасно! Усаживайтесь в кресло старшего пилота и начинайте управлять здесь всем. Хватит вам уже сидеть в подчинении у этой взбалмошной барышни. И напомню, у вас сорок восемь часов на то, чтобы развернуть корабль и пустить его по новому маршруту. Это будет весело. Развлекайтесь!

Глава десятая, извинение или отстранение

Лиду заперли в её же собственной каюте, установив охрану к двери. Словно она стала бы сбегать, при условии, что в этом не было ровным счётом никакого смысла. Лида не удивилась подобному жесту со стороны капитана. Она осмелилась возражать старшему по званию, и теперь в его глазах она военный преступник. Лида опасна для капитана, просто потому что у неё есть своё мнение и смелость отстаивать его. В условиях строгой вертикали власти это просто недопустимая вольность.

Несколько часов к ряду Лида ходила в тесной комнатке из угла в угол, справляясь с пылающей яростью в груди. Её разум разрывался в приступе негодования, а сердце дрожало, утопая в чувстве беспомощности и несправедливости. Но Лида понимала, что эмоции скоротечны. Пройдет час-другой, и буря кипящих чувств уляжется, обнажив сверкающую ярким пламенем убежденность в собственной правоте.

Лида замерла где-то посреди своего возмущения и вспомнила о том, какая мертвая тишина царила на мостике, когда она силилась объяснить капитану ошибочность принятого им решения. Единственный друг, с которым Лида была так рада разделить это космическое путешествие, не осме-

лился вмешаться, высказать своё мнение, встать на сторону Лиды. В глазах младшего лейтенанта Белоокова Лида видела в те минуты лишь страх. Это был тот самый инстинктивный страх, который возвращается с детства, страх перед авторитетом директора, капитана, президента, диктатора. Высокотехнологичное общество построено под диктовку неграмотных руководителей, приучающих поколения за поколениями к вымученной беспомощности, неспособности возразить, отстоять своё мнение, попытаться изменить сложившиеся устои. «Вероятно, по этой причине, – размышляла Лида, – мы не сумели построить аналог небесного лифта, а за край солнечной системы летим вторыми и только с третьей попытки».

Через несколько часов пришёл краснеющий юноша, который то и дело стыдливо отводил глаза в сторону, и сопроводил Лиду в каюту капитана, где Смирнов расслабленно восседал за своим столом.

– Вы хороший пилот, лейтенант, – начал издавека капитан.

На его лице растекалось и пульсировало выражение победоносца, глаза блестели нахальством, рот расплзался в самодовольной улыбке. Смирнов подождал, пока Лида поблагодарит его за похвалу и только после этого продолжил.

– В пылу ссоры люди часто говорят или действуют не подумав, – продолжал капитан, откинувшись на спинку своего кресла. – Мы все порой бываем не в силах сдержать эмо-

ций. В конце концов, на конфликт нас может провоцировать обстоятельство длительного пребывания в замкнутом пространстве. Мы все в одной лодке, лейтенант. И все делаем общее дело. И если «голова» говорит, что нужно свернуть с пути, то ноги это делают. Вы понимаете мою мысль? – Смирнов перевёл взгляд на Лиду и вопросительно вскинул брови.

Капитан любил начинать свои речи издали. Он подбирал изощренные словосочетания, использовал клише, и старался вывалить на вынужденного слушателя как можно больше слов. Это притупляло внимание собеседника и в некоторых случаях помогало Смирнову получить желаемое.

Слушая капитана, Лида ощутила легкое раздражение. Она кивнула в ответ на терпеливое молчание Смирнова, в надежде, что тот закончит свой монолог и огласит приговор.

– Нельзя, – продолжил своё словоохотливое излияние Смирнов, – чтобы один проступок перечеркивал все прежние заслуги человека. Каждому требуется второй шанс. И вам, дорогая, в том числе. Я ведь чуткий и понимающий человек. Я знаю, что порой женщины бывают излишне чувствительны, упрямы и ранимы, не отдавая себе в этом отчёт. Мы легко можем списать ваше неподчинение на банальное эмоциональное расстройство, верно?

– Эмоциональное расстройство? – переспросила Лида.

От возмущения она застыла, не найдя слов, чтобы возразить капитану.

– Именно! – Смирнов заулыбался и, поднявшись с места,

подошёл к Лиде. – Вы при всех принесёте извинения, скажете, что недопоняли приказ и поэтому вздумали противоречить. Или что вы всё обдумали, произвели свои собственные расчёты и согласны с моим решением. Не важно, какими словами вы воспользуетесь. Главное, что после этого мы все сможем мирно сосуществовать. И мне не придётся отстранять вас, лейтенант, от ваших прямых обязанностей. Я должен признать, что вы отличный пилот и хороший заместитель. Вы прекрасно знаете своё дело, хоть и подвержены всем этим женским перепадам настроения.

Смирнов замолчал и с нетерпеливым ожиданием в глазах уставился на Лиду. Его лицо переливалось в приступах самолюбования. Смирнов явно гордился собой и произнесённой им речью, нацеленной на унижение собеседника. Мысленно он даже повторял последние предложения, удивляясь и восхищаясь своей сообразительностью и умением выразить оскорбление так тонко.

Тем временем Лида, опешив, глядела на капитана, не зная, что сказать. Слова Смирнова, сказанные с непринужденностью самоуверенного дурака полностью обескуражили её, так что она не могла отыскать верного ответа. Впрочем, такого нет, и не может быть в подобной ситуации, когда человека оскорбляют косвенными намеками и предлагают пойти на компромисс со своими принципами и убеждениями.

– Иными словами, капитан, – пересохшим горлом произнесла Лида, – вы хотите, чтобы я признала, что была не со-

гласна с вашим решением изменить курс корабля? Не согласна проложить маршрут сквозь неизученную и потенциально опасную местность? Не согласна подвергнуть жизни экипажа корабля и почти сотни человек на борту? Подытожим, вы хотите, чтобы я признала ошибочность своего мнения потому, что я женщина?

Лицо Смирнова перекосило возмущением, которое он проглотил и попытался вернуть своему лицу добродушную улыбку, но уголки губ неизменно соскальзывали вниз от нараставшего в груди капитана негодования.

– Если оперировать подобными фразами, то ситуация принимает негативный оттенок.

– Эта ситуация не имеет иных оттенков.

– К чему такая принципиальность? – прыснул Смирнов. – Примите поражение и живите дальше.

– Считайте, капитан, – процедила Лида сквозь зубы, – что всему виной мои «женские перепады настроения».

– Я отстраню вас от службы, лейтенант, если вы не сделаете так, как я сказал! – Смирнов поглядел на своего заместителя тяжелым угрожающим взглядом.

– Как вы потом объясните командованию на Земле своё решение? – парировала Лида. – Скажете, что отстранили меня, потому что я пыталась помешать вам массовому убийству?

Смирнов на секунду задумался, после чего продолжал настаивать на своём:

– Ваше отстранение отразится в личном деле. За этот период вам не будет начислено жалование.

– Но я здесь не из-за выплат или чьего-либо мнения обо мне, – отвечала Лида. – Я отправилась в эту миссию, потому что хочу быть частью команды, которая стоит на пути великих открытий. Хочу изучать миры!

– Бросьте, лейтенант! – Смирнов перебил Лиду и недовольно принялся вышагивать взад-вперёд. – Эти ваши речи, может, и повлияли на решение комиссии по допуску в полёт, но я к ним совершенно безразличен.

Несколько секунд капитан Смирнов расхаживал молча. Его покрасневшее лицо искажали гневные эмоции, коими наполнилась его голова. Затем Смирнов внезапно остановился и просиял.

– Лейтенант Хорошева, я временно отстраняю вас от занимаемой должности сроком на сорок пять суток. К этому времени мы пройдем около половины пылевого облака. А чтобы время не пропадало зря, я решил определить вас в помощь нашему аграрию. Доктор Сандовал как-то говорила, что им нужна какая-то помощь... – Смирнов на секунду задумался. – Вроде, у них что-то не работает. Вот вы, лейтенант, и разберётесь.

– Вы хотите, чтоб высококвалифицированный пилот занимался сельским хозяйством? – удивлённо уточнила Лида.

– Это тяжелый и почти каторжный труд. Вся эта работа с землёй... – капитан поморщился, выражая омерзение к фи-

зическому труду. – Будет вам урок, лейтенант, спорить со старшими по званию.

И убедившись, что Лида найдёт путь на свою «каторгу», капитан отпустил её.

Глава одиннадцатая, ссылка

Кислородная ферма была расположена вблизи одного из двигателей. Излишки тепла от его работы направлялись сюда, чтобы создать для растений условия эквивалентные субтропическим.

Преодолевая себя, Лида неспешно спускалась в аграрные лаборатории. В голове всё ещё звучали оскорбительные слова капитана, а душа разрывалась на части от несправедливости. В своём воображении Лида рисовала картины того, как могло бы протекать это приключение, если бы капитаном экспедиции назначили именно её. О, какое это было бы счастье!..

Сердце в груди тяжело забилося, Лида начала задыхаться, а на глаза навернулись слёзы. Нужно было прекращать раз за разом возвращаться к этим бесплотным фантазиям. Они вступали в резонанс с реальностью, и именно это различие причиняло Лиде неопишемую боль.

Лида вытерла слёзы, глубоко вдохнула и продолжила путь. Безлюдные коридоры ботанического сада дышали свежестью и влагой. Белый свет ослеплял, отовсюду доносилась музыка виолончели. Лида прошла сад насквозь и оказалась в просторной лаборатории, где причудливо разодетые люди, смеясь и с явным удовольствием на лицах, выполняли разного рода работы. Увлеченные своим делом, они поначалу не об-

ратили на Лиду своего внимания. Но постепенно утратившие радость и спокойствие взоры ботаников устремились в сторону незваного гостя.

Лида почувствовала себя чужой и даже, поддавшись инстинкту, сделала шаг назад. Возможно, работники лаборатории видели в Лиде угрозу, или их напугал костюм её униформы, который в сравнении с их льняными халатами казался тяжеловесной бронёй.

– Возвращаемся к работе, друзья! – раздался звонкий голос откуда-то сверху.

Доктор Сандовал спустилась по лестнице с верхнего яруса лаборатории и в два счёта оказалась перед Лидой. Худенькая, не высокого роста и на вид хрупкая, доктор Сандовал некоторое время изучала Лиду зорким взглядом снизу вверх, словно пытаясь дать ей оценку. Лицо девушки блесло от пота, в глазах пульсировала жизнь, на лоб свисала прядь черных волос, выбившаяся из длинной тугой косы.

Доктор Сандовал сняла перчатки, испачканные в земле, убрала непослушную прядь за ухо и широко улыбнулась.

– Меня зовут Асмия, я буду твоим куратором здесь. Не бойся! – хохотнула доктор. – Тебе у нас понравится!

Залюбовавшись, Лида едва вернула себе дар речи. Она улыбнулась Асмие в ответ и робким голосом назвала своё имя.

Доктор Сандовал подхватила Лиду под руку и повела вглубь лаборатории. Она выдала Лиде льняной халат, пер-

чатки и приказала переодеться. Лида сняла защитную униформу пилота и почти ощутила невесомость. В мягкой ткани халата было легко двигаться и даже дышалось теперь как-то по-особому. Впрочем, возможно, всему виной трепетный и манящий образ доктора Сандовал.

Покончив с облачением, Лида вышла к Асмие, которая нетерпеливо постукивала ножкой.

– Поторопись, у нас много работы, – заявила доктор Сандовал и снова подхватила свою подопечную под руку.

– Смена здесь начинается в семь утра и до семи вечера. Твоя задача для начала проста. Будешь поливать рассаду в верхнем ярусе. Это нужно делать дважды в день. Утром вода с витаминами, вечером легкий раствор с минералами. И нужно проверять количество червей. Их не должно быть слишком много, – звонко перечисляя обязанности, доктор Сандовал жестикулировала руками, стремясь, по всей видимости, таким образом добавить больше значения своим словам.

– А разве, – начала Лида, но тут же, заулыбавшись, приоткрыла рот.

Строгий взгляд карих глаз доктора Сандовал в ту же секунду устремился на Лиду. Взгляд выражал нетерпение и недовольство.

Но Лида смутилась не этого взгляда, не красоты доктора Сандовал, и даже не своих чувств, в одно мгновение захлестнувших её сердце. Лида услышала свой собственный

голос, казавшийся теперь каким-то резким и грубым. Она подумала о своей угловатой внешности, лишенной эстетики и женственности, и задалась вопросом, разве сможет столь прекрасное создание, сочетавшее в себе нежную красоту и бойкий характер, полюбить такое нескладное существо, каким казалась себе Лида?

Эта мысль пронзила Лиду и заставила замолчать, пристыженно отводя глаза.

– Ты что-то хотела спросить? – с нетерпением, но некоторой неожиданной мягкостью в голосе, спросила Асмия.

– Да, – всё ещё застенчиво улыбаясь, ответила Лида, – я только хотела спросить, разве не предусмотрена система автоматического полива?

Доктор Сандовал хохотнула, но смешок этот, звонко разлетевшийся по лаборатории, таил в себе тень истерики.

– Предусмотрена. Система была и очень даже хорошая, – Асмия скрестила руки на груди. – Но она сломалась. Месяца два назад. И с тех пор у нас много работы.

– Наверняка можно починить, – заметила Лида. – Вы обращались в ремонтный отдел?

Доктор улыбнулась, но скопившаяся за долгое время обида и досада изогнули её улыбку вниз.

– Каждую неделю я оставляю заявку. Я даже к капитану обращалась.

– И что он?

– А ты ждёшь от этого человека действий? Ха! – восклик-

нула Асмия. – Как бы не так! «У нас на это не предусмотрено ресурсов» ответил он на мою просьбу. «Мы, сказал мне капитан, проводим важную для всего человечества и крайне ответственную миссию, и нам некогда заниматься вашей картошкой или что вы там у себя выращиваете. Разбирайтесь, говорит, сами».

Доктор Сандовал поджала губы. На мгновение её лицо погасло.

– Поэтому я очень удивилась твоему появлению здесь. Я всё спрашиваю у себя, неужели капитан решил выделить мне человека в помощь? Неужели в нём проснулась совесть или просто способность здраво мыслить?

– Всё несколько иначе обстоит, – улыбнулась Лида. – Меня отстранили от службы. И капитан, решив, что таким образом накажет меня, отправил сюда. Вряд ли он руководствовался необходимостью оказать помощь вашему отделу.

Асмия вдруг расхохоталась. Это был чистый искренний смех, который пронёсся по лаборатории, как порывистый летний ветер внезапно пронесится среди деревьев в знойный летний день.

– Ну что ж, баланс во Вселенной не нарушен, – заключила Асмия, утирая проступившую слезу. – Негодяй так и остался негодяем, так что всё в порядке. Ну что, приступим к поливу? – обратилась она к Лиде, ожидая увидеть готовность у своей новой подопечной.

Лида поморщилась.

– Раз уж я здесь, давай я лучше взгляну на систему полива.

Доктор Сандовал удивилась. Ей не понравилось, что новенькая сотрудница в первый же день противоречит словам своего руководителя. Однако, поразмыслив секунду, доктор Сандовал поглядела на Лиду с некоторой долей восхищения. Она показала Лиде, как устроен механизм системы автополива, где проходят все монтажные соединения, и указала на место в миниатюрном подвальчике, в котором были установлены генератор и насосная станция.

Лида с готовностью изучила систему полива, разобрала съёмные её детали, убедившись, что видимой причины неисправности системы нет. Она собрала все механизмы воедино, после чего попросила позволения покинуть лабораторию. Доктор Сандовал поглядела на новую подопечную с холодным недоверием, однако решила не запрещать Лиде действовать, а посмотреть к чему всё приведёт. Лучшие работники, считала доктор Сандовал, те, кто проявляет инициативу.

Лида поднялась в столовую, в надежде застать старого знакомого за тарелкой супа. Шамиль отставил тарелку в сторону и удивленно разглядывал Лиду в её новом необычном наряде.

– Я слышал, – сквозь залиvistый смех проронил он, – что тебя погнали с мостика. Но не думал, что ты падёшь прямоком на «землю».

– И на «земле» нужна наша помощь, – деловито заявила

Лида.

Теперь, когда её сердце разгоралось трепетным, ещё еле осязаемым, но уже таким живым чувством к доктору Сандовал, Лида стала остро ощущать пренебрежительное и насмешливое отношение общества к работникам кислородной фермы. Вероятно, это в них говорило презрение к физическому труду, доставшееся от далёких предков и засевшее теперь глубоко в генах. Потомки белоручек, покинувших деревни, они относились с большим презрением и брезгливостью к работе с землёй, считая эту работу грязной и не благодарной.

Впрочем, Лида солгала бы самой себе, если бы принялась утверждать, что до сегодняшнего дня не считала подобным же образом. Её стремление вырваться к звёздам, расстаться с Землёй, как с планетой, так и с основой под ногами, абсолютно лишало её понимания тех людей, которые с огромным удовольствием погружались в вопросы агрикультуры.

Теперь же Лида стыдилась своих мыслей и взглядов и пылко желала доказать себе и окружающим, что в земледелии нет ничего постыдного.

Лида в двух словах объяснила Шамилю устройство механизмов системы автополива растений.

– Сперва я решила, – говорила она, – что забилась система фильтрации. Автомат среагировал на неисправность и прекратил подачу воды. Но все фильтры в хорошем состоянии.

Шамиль внимательно выслушал подругу, некоторое вре-

мя раздумывал и от усилия морщил лоб.

– А насосную станцию проверяла? – спросил Шамиль.

– Тяга есть. Сам по себе мотор работает. Но когда подключаешь его к системе, ничего не происходит.

– Ага, – воскликнул Шамиль. – И ты пришла ко мне.

Лида кивнула головой.

– Ну, правильно, не к капитану же идти! – в сердцах выплеснул Шамиль, растягивая губы в грустной усмешке.

Они направились в аграрные лаборатории, заскочив по дороге в каюту Шамиля, чтобы он взял свой переносной компьютер.

– Не расскажешь, что стряслось ночью на мостике? – спросил Шамиль.

– А что ты слышал? – в свою очередь спросила Лида.

– Только то, что капитан отстранил тебя. Подробности никому не известны. Белооков молчит, как партизан.

– Вероятно, Смирнов его запугал. Хотя мне казалось, что больше уже некуда.

– Значит, не расскажешь? – вновь попытал удачу Шамиль.

Лида пожала плечами. Углубляться в воспоминания об унижении и оскорблении своего интеллекта, своих знаний и опыта работы пилотом ей не хотелось. А Смирнов не достоин того, чтобы она переживала из-за него. «И, кроме того, – рассудила про себя Лида, – разглашение подробностей конфликта со Смирновым может посеять панику среди членов экипажа и пассажиров. Пусть лучше они остаются в неведе-

нии, насколько это возможно».

Некоторое время шли молча. Шамиль беззвучно шевелил губами, предавшись своим мыслям.

– Да что тут ещё сказать!?! – воскликнул он вдруг. – Я не удивлен, что у твоих аграриев что-то не работает. Как только мы набрали скорость, я получаю заявки на ремонт со всех концов корабля. Даже перестал докладывать Смирнову. Ему не объяснить. «Вас, скала он мне, для того и наняли в экспедицию, чтоб вы следили за исправностью всех механизмов и чинили их, когда в этом будет потребность». А последний раз капитан заявил, что жалеет о том, что не он сам лично набирал команду. Мол, тогда бы всё работало без нареканий.

Шамиль разгорался, и его словесные излияния было уже не остановить.

– Если бы ты знала, – говорил он, – дорогая моя, сколько раз я уже чинил систему охлаждения! По новым технологиям они строили!! – ворчал Шамиль. – Технологии, может, и новые, но руки то «кривые»! За последний месяц меня уже дважды вызывали в исследовательские лаборатории. Срабатывал протокол аварийной ситуации и все двери блокировались, причем в паре случаев вместе с людьми, которые там работали. А аварии никакой нет. Просто системный сбой. Сначала думали, что всё дело в прошивке компьютера, а потом один хороший электрик обнаружил неверно запаянные провода. Тут хотя бы удалось устранить проблему. Но пока её обнаружили, столько сил потратили.

Шамиль махнул рукой.

– Но знаешь, Лида, что самое страшное?! – спросил программист и тут же начал отвечать. – Что ежедневно ломается то одно, то другое. И мы ремонтируем это, исправляем огрехи проектировщиков и строителей. Но материалы рем-комплектов подходят к концу. А мы, я так полагаю, не прошли и половины пути. Нас вообще планировали ждать обратно?

– Есть такое старинное высказывание, – отвечала Лида. – Спасение утопающих дело рук самих утопающих. В экстремальной ситуации человеческий разум работает быстрее и создаёт гениальные решения. Возможно, на это и был расчет.

Шамиль остановился и удивленно поглядел на Лиду.

– Ты себя-то слышишь? – воскликнул он. – Это как если бы министерство здравоохранения обязывало врачей вводить себе инъекции смертельных болезней, чтобы они эффективнее подходили к лечению своих пациентов.

Лида усмехнулась в ответ:

– Говори тише! Твои слова может воспринять всерьез какой-нибудь «недалёкий» чиновник.

Друзья рассмеялись. Их дружный смех разнёсся гулким эхом по длинным металлическим коридорам корабля.

– От нас отмахнулись, Лида, – продолжал Шамиль несколько удрученным голосом. – Жалкие кабинетные крысы! Для них было важно закрыть проект раньше срока, запустить корабль с сотней людей, отчитаться перед главнокомандующим и раструбить по всем СМИ, что мы первое го-

сударство, запустившее исследовательское судно за пределы Солнечной системы. Им не нужны результаты. Им не нужны люди. Им нужна победа в информационной войне. И премии! Нельзя забывать, что они получают нескромные гонорары за свою работу. А чужие жизни их не волнуют. Когда-то аппаратная номенклатура по вопросу развития космоса утопила таксу в прямом эфире, проводя нелепые опыты с камерами анабиоза. Проект потом закрыли из-за его нежизнеспособности. Выделенный бюджет растащили, а по новостям всё представили так, что наши учёные молодцы, а враги и до такого ещё не дошли. А теперь, уже другие люди, но всё так же назначенные «сверху», играют уже человеческими жизнями. Запихнули сотню человек в консервную банку, наклеили ярлыки о передовых технологиях и запустили в космос. Супердержава!

Шамиль шумно вздохнул и в очередной раз махнул рукой, стараясь, по-видимому, отогнать скоп тревоживших его мыслей. Чтобы сменить тему, он в очередной раз спросил у Лиды, как она оказалась в ссылке, да ещё и угодила в самый скучный отдел корабля.

– У нас у всех скудные представления об аграрной лаборатории, – ответила Лида. – Ты сейчас всё увидишь сам.

– Ну да, как скажешь, – засмеялся Шамиль.

Он заметил Лиде, что та снова увिलивает от прямого ответа.

– Вовсе нет, – ответила Лида. – Просто теперь это не име-

ет значения. Я проиграла, а Смирнов... Ну он ведь капитан корабля.

Шамиль понимающе кивнул и не стал больше донимать подругу вопросами.

Глава двенадцатая, короткое замыкание

Программное обеспечение системы автоматического полива упрямо выдавало ошибку, которую Шамиль тщетно силился идентифицировать. Именно эта ошибка блокировала автополив, превращая огромную систему водоснабжения в бессмысленный хлам.

Спустя четыре часа упорной и бесплодной работы, Шамиль отчаялся и вызвал себе в помощь Карлсона. Щуплый с зеленоватой кожей молодой человек с лицом, не выражающим ни одной знакомой человечеству эмоции, внимательно выслушал анамнез и прошёлся по всем ступеням системы, внимательно изучая каждый блок. На одну короткую секунду его лицо просияло, тяжелые мышцы лица растянулись в улыбке, после чего всё вернулось в исходное положение. Инженер вынул из своего сундука какой-то аппарат и стал прикладывать его датчики к стенам и полу. Определив расположение электропроводки, инженер отыскал блок микросхем во внутренней обшивке, в котором и обнаружилась поломка.

– Короткое замыкание, – заключил Карл Сомович и заменил сгоревший предохранитель.

Потерявшие надежду лаборанты принялись восхищенно аплодировать водным потокам, как в засушливых регионах

Земли люди радуются долгожданному проливному дождю.

Доктор Сандовал, сохранив на лице скептическое выражение и явно подавляя радость, поблагодарила инженера и программиста крепким рукопожатием. Мужчины ушли, и Асмия подошла к Лиде.

– Не думай, – строгим голосом сказала доктор, – что теперь мы твои должники.

Лида обескураженно хлопала глазами, глядя в неприступные карие глаза доктора. Асмия обвела строгим взглядом лицо подопечной, после чего звонко расхохоталась.

– Но я бесконечно признательно тебе! – сказала она.

Доктор Сандовал подхватила Лиду под руку и повела за собой в дальний сектор лаборатории.

– Раз вопрос с поливом растений у нас закрыт, то можно преступить к самой важной части нашей работы.

Доктор Асмия отодвинула непрозрачную штору, и в глаза Лиды ударил яркий свет, а кожу обдало влажным теплом. Они вошли в парниковую зону.

– Здесь мы проращиваем зерна. Чтобы появился росток, требуется много тепла и влаги, – поясняла доктор Асмия, стоя у кюветы с молодыми и крепкими ростками.

Она надела перчатки и взяла инструмент похожий на миниатюрную лопатку. Асмия едва коснулась рукой крошечных листочков, тянувшихся к свету, после чего принялась аккуратно, помогая себе лопаткой, извлекать растения из почвы.

– Это хрупкие существа, – полушепотом говорила доктор. В её голосе звучала ласка, материнская забота и любовь.

– Они – это жизнь! Они прекрасны! И с ними нужно обращаться очень бережно. Ни в коем случае нельзя повредить корневую систему.

Доктор Сандовал достала несколько ростков и ровным рядом выложила их на поднос, стоявший рядом на столе. Она взяла поднос и направилась к выходу. Лида поспешила за ней.

Они вернулись в основной зал лаборатории, поднялись по лестнице на второй ярус и прошли по мосту к глубоким ёмкостям с подготовленной почвой. Доктор Сандовал попросила Лиду подержать поднос, а сама, вновь помогая себе лопаткой, ловкими и умелыми движениями сформировала углубления под корневую систему ростков.

– Мы высаживаем их в просторный бак, с питательной средой. Всю следующую неделю мы будем с тобой следить за ними. Растения должны окрепнуть и продолжить своё развитие. На них сформируются цветки, мы им поможем пройти процедуру опыления, после чего завяжутся плоды.

Лида слушала доктора Сандовал, упиваясь певучим звучанием её чувственного голоса. С неожиданным для себя обожанием она разглядывала сосредоточенное лицо увлеченного работой доктора. Лида пропустила мимо ушей все слова доктора Сандовал, с нежным трепетом в груди предвкушая долгие сорок пять суток работы в таинственных и

полных настоящей жизни лабораториях агрикультуры.

– Ау! Ты меня слушаешь? – вдруг донеслось до Лидино-го слуха.

Лида растеряно глядела на доктора Сандовал, а её губы растягивались в глупой улыбке.

– Я понимаю, – говорила Асмия несколько расстроенным голосом. – Я всё понимаю! Мы с моими растениями не сможем соревноваться с твоей страстью управлять гигантскими механизмами. Я даже пытаться не стану. Но раз ты здесь, будь добра подходить к делу с максимальной ответственностью.

Лида пристыженно улыбнулась.

– Нет, я... – начала она оправдываться и осеклась.

Что ей сказать? Что она без памяти влюбилась в своего начальника? Вряд ли такой здравомыслящий и высокоинтеллектуальный человек, как доктор Сандовал, поверит в правдивость подобных слов.

– Я просто задумалась, – нашлась Лида и мягко улыбнулась, глядя в серьёзные карие глаза.

– Мне нужно знать о чём? – доктор Сандовал вопросительно приподняла одну бровь.

Лида отрицательно помотала головой.

– Отлично. Теперь, давай ты. Я посмотрю, на что ты способна.

Часы проносились мимо, складываясь в сутки, которые собирались в неделю. Но Лида не замечала времени. Она ра-

ботала с доктором Сандовал, рука об руку, проращивая новые семена, высаживая молодые побеги растений в грунт, опыляя цветы. Их долгий рабочий день прерывался короткими перекусами под сенью пышных растений в ботаническом саду, и эти минуты Лида особенно любила. В перерывах на обед доктор Сандовал переставала быть строгой начальницей, перевоплощаясь в жизнерадостную всезнайку. Она сыпала занимательными фактами о ботанике и зоологии, с увлечением рассказывала истории студенческих лет и с восхищением представляла встречу с новыми видами живых существ.

Лида старалась внимать словам, произносимым мелодичным голосом доктора Сандовал, но её сознание было словно опьянено. Лимбическая система её мозга из-за повышенной нейронной активности практически тонула в серотонине и дофамине, отчего сердце в груди испытывало приступы эйфории, а в животе нарастало ощущение порхающих бабочек.

– Ты опять меня не слушаешь! – доктор Сандовал недовольно изогнула брови.

Лида извинилась и широко улыбнулась. Изгиб этих упрямых бровей, строгий взгляд карих глаз и морщинка на переносице, которая, будто восклицательный знак, привлекала к себе внимание, все эти черты восхищали Лиду, вынуждая её растроганное сердце биться в груди с новой волной восторга и счастья. Ей всё сложнее было сдерживать свои эмоции, но стыдливая нерешительность останавливала Лиду от призна-

ния.

– Ты будто витаешь где-то, – раздосадовано заметила Асмия. – Считаешь дни до своего возвращения на мостик? Чтобы делать всё то... Кстати, а что ты делаешь на мостике?

Лида вдруг потухла и отвернулась от доктора Сандовал. Ей не хотелось вспоминать или говорить о прошлой жизни, но в следующую секунду Лида начала думать, что будет не вежливо отмахнуться от вопроса, и тогда решилась открыться.

– Я и мои помощники следим за показаниями приборов. Полёт проходит вслепую. Всё что у нас есть это математика. Мы производим расчеты, с учётом отклонения планет, мимо которых пролетаем, с учетом расположения звезд. И хотя с точки зрения человека, объекты в космосе выглядят неподвижно, на самом деле всё находится в движении. Ничто не имеет постоянного местоположения, поскольку Вселенная всё время расширяется. Поэтому, хоть у нас и есть четко расписанный маршрут, мы регулярно проверяем свои координаты относительно намеченного пути, чтобы убедиться, что отклонение сохраняется в пределах допустимой погрешности в расчетах.

Повисло молчание. Доктор Сандовал серьёзно обдумывала услышанные слова.

– Правильно ли я поняла, что ты являешься первым пилотом на корабле и при этом заместителем капитана? – вдруг спросила Асмия.

Лида застенчиво улыбнулась и утвердительно кивнула в ответ. Доктор Сандовал снова погрузилась в какие-то свои размышления.

– Я не спрашивала, – неспешно начала Асмия, – поскольку в этом не было смысла, как мне казалось ранее. Но теперь, когда я вижу, как успешно ты работаешь, в области, в которой ничего не знаешь и только учишься, я могу сделать вывод, что и в своей работе ты очень успешна. Отсюда мой к тебе вопрос. За что капитан на тебя взъелся?

Лида коротко усмехнулась и ответила:

– За неподчинение.

Асмия прищурилась и некоторое время с интересом разглядывала лицо своей подопечной, которое теперь открылось ей будто в новом свете.

– Я бы сказала, что это чушь, – усмехнулась доктор Сандовал. – Но я помню твой первый день в моей лаборатории, и как вместо того, чтобы выполнять поручение руководителя, ты отправилась делать то, что по твоему мнению было правильно.

Лида хотела улыбнуться словам доктора потому, что, не смотря на их правдивость и строгий тон, с которым доктор Сандовал их произносила, слова были сказаны с иронией, над которой следовало лишь посмеяться. Но Лида не смогла. Её губы предательски задрожали, а глаза затянуло пеленой горьких слёз. Затихшая обида вновь всколыхнулась в груди, и разум предательски подкидывал одну и ту же мысль о том,

что если бы Лида получила назначение на должность капитана корабля, то ничего этого не было.

Лида отвернулась, чтобы не показать своих слёз.

– Я знаю, – неторопливо начала доктор Сандовал, – что наш капитан узколобый и при этом высоко мнения о себе. Связано ли твое отстранение с его неспособностью принять слова специалиста?

– Как точно ты всё поняла, – удивленно воскликнула Лида, утирая влагу с глаз. – Но преимущественно наш конфликт зиждиться на том факте, что я подавала заявку на должность капитана в этой миссии. И меня почти утвердили. Но в нашем мире высокую должность получает тот, у кого есть связи, а не тот, кто этого достоин.

Доктор Сандовал поглядела на Лиду долгим и пронизательным взглядом, словно проникая под кожу, за радужную оболочку глаз, в глубины сознания.

– Не все мужчины могут терпеть рядом умных женщин, – заключила Асмия. – Как и в тёмное средневековье они по-прежнему боятся нас, отказываясь видеть в нас равного себе человека. Ты была бы лучшим капитаном для всех нас.

Доктор Сандовал, поддавшись внезапному импульсу, обхватила Лиду руками за плечи и притянула к себе. Испытывая необъяснимую нежность в отношении своей подопечной, Асмия хотела выразить своё восхищение перед Лидой и оказать поддержку, которая временами нужна каждому человеку.

Лида поглядела в добрые карие глаза и, более не в силах сдерживать себя, поцеловала возлюбленную в губы.

Глава тринадцатая, возвращение

– Сегодня ты возвращаешься к своей работе, – заметила доктор Сандовал за завтраком.

Она широко улыбнулась, но глаза излучали тоску. Лида перегнулась через стол и накрыла своей ладонью нервные руки подруги.

– Смена закончится следующим утром, – улыбнулась Лида. – Я вернусь к тебе, пока ты ещё будешь спать.

– Ничего не предпринимай, – торопливо выпалила доктор Сандовал.

Она изогнула строгие брови и кинула на Лиду многозначительный взгляд.

Прошлым вечером Лида рассказала подруге истинную причину своего отстранения и свои опасения.

– Смена маршрута, – прошептала доктор Сандовал, – это серьёзное нарушение. Но это вовсе не значит, что всё закончится плохо. Вероятно, ты не знаешь всей картины.

Лида поморщилась.

– Я не хочу и тебе доказывать, как это опасность. Я сказала тебе, потому что просто хотела поделиться этим.

– Я знаю, милая, просто я хочу сказать, – доктор Сандовал разволновалась, потому что она не хотела задеть Лидины чувства и обмануть её доверие.

Она помолчала несколько долгих секунд, после чего про-

должила:

– Не спеши с выводами и попробуй довериться капитану. Это нормально, если ты чего-то не знаешь. Но это не означает, что всем наступит конец, если ты не вмешаешься.

– Наверно ты права, – согласилась Лида. – Но так или иначе, всякая жизнь оканчивается смертью.

Доктор Сандовал поморщилась.

– Космос прекрасен! – воскликнула она. – Он таит в себе столько всего неизведанного! Красивого!

– Это так, – согласилась Лида с подругой.

– Тогда зачем думать о гибели раньше, чем она настигнет тебя?

– Может, как раз потому, что Вселенная – красивая и неизведанная, – безжалостна к своим хрупким созданиям из плоти и крови?!

Пока доктор Сандовал не нашлась, что ответить, Лида перегнулась через стол, поцеловала подругу и отправилась на капитанский мостик.

Сорок пять суток отстранения закончились, и Лида с волнением приближалась к двери, которая должна вернуть её в прежнюю жизнь. Сорок пять суток, проведенные в райском уголке, затерянном в недрах корабля «Циолковский-3», будто перечеркнули прошлые амбиции, устремления и взгляды.

Лида остановилась у кодового замка, занесла руку, чтобы набрать пароль, и замерла. Так ли ей нужно возвращаться туда? Лида снова окажется один на один с капитаном Смир-

новым, будет работать в команде тех, кого считала своими друзьями, но которые даже не поддержали её, когда Лида в этом нуждалась. И вновь она будет стоять перед выбором, подчиняться или сопротивляться?!

Вся наша жизнь – это борьба. Мы боремся за лучшее место под солнцем, за плодородные земли, за полезные ископаемые, за любимых, которым угрожает опасность, за лучшее место в престижной компании, за своё будущее, за правду. И каждый человек борется с самими собой. Ежедневно и ежедневно мы заставляем себя преодолевать то, чего нам не хочется, то, чего мы боимся, то, что, как мы убеждаем себя, должно принести нам пользу. Мы так увлекаемся этой борьбой, что порой теряем себя.

Лида стояла в тишине коридора. Мягкий гул механизмов создающих притяжение едва доносился сквозь материалы обшивки. В минуту своей слабости, – а это была именно она, – Лида стала всерьёз рассматривать вариант бегства. Получить отставку, пройти переквалификацию и работать на кислородной ферме вместе с возлюбленной.

Лида покидала Землю в своём стремлении исследовать миры и открывать тайны мироздания. Корабль ещё не успел покинуть Солнечную систему, но Лида уже нашла безграничный мир внутри всего лишь одного человека, мир, в котором хотелось утонуть. Проведя всю жизнь в поисках и борьбе, теперь Лиде казалось будто она отыскала то, к чему стремилась.

Она уже была готова отступить, как вдруг поняла, что теперь, ей надо бороться за свою возлюбленную. Лида ясно осознала, что должна оберегать ценный дар, который преподнесла ей судьба, оберегать свою подругу, а для этого Лида просто обязана вернуться к своей прежней работе и направлять корабль, и всю миссию, по безопасному пути. Если только ещё не поздно.

Лида ввела пароль, двери с мягким шорохом раздвинулись и впустили её на мостик. Обстановка здесь царила нервная и раздраженная. Программист Шамиль с раскрасневшимся лицом и растрепавшейся шевелюрой пытался донести свою мысль младшему лейтенанту Белоокову. Тот отказывался слушать и пытался вопреки советам ввести какие-то команды компьютеру. Сержант Курник громким голосом декламировал какие-то цифры, значение которых отказывались принимать его оппоненты. Лица у всех троих были перепуганные.

– Что здесь происходит? – требовательным тоном спросила Лида, обратив на себя всеобщее внимание.

Мужчины затихли и в растерянности обернулись на неё. На лице программиста читалось облегчение.

– Докладывайте, – приказала Лида, ощутив власть над встревоженными подчиненными.

– Сегодня утром у нас пропала связь с Землёй, – отрапортовал сержант Курник.

– Сержант, – обратилась к нему Лида, – сообщите коор-

динаты нашего местоположения.

Она подошла к главному навигационному экрану, куда сержант вывел изображение.

– Данные не точные, – ответил юноша. – Шестнадцать суток назад мы погрузились в облако пыли. Спустя пять дней мы перестали получать сведения с эхолокаторов. Что-то глушит их сигналы. Нас вели из ЦУПа, их система слежения улавливала нашу сигнатуру. И хотя данные были не точны, и нужно было производить расчет с учётом замедленной скорости передачи данных, всё же это помогало. Но сегодня утром пропал и этот сигнал. Мы не знаем, что делать.

– Доложили капитану? – спросила Лида.

– Никак нет, – сержант Курник перешел на шепот. – В последнее время капитан редко выходит к нам. Когда накрылась навигационная система, он провозгласил нас идиотами, которые ни с чем не могут справиться, и велел связаться с Землей для получения указаний. С тех пор он больше не выходил.

– Значит, ЦУП знает, что капитан решил отклониться от маршрута? – уточнила Лида.

– Смирнов доложил о своём решении в ЦУП сразу же, как тебя отстранил, – заметил Шамиль. – Земля несколько дней молчала, после чего пришла к решению наградить капитана орденом второй степени за службу отечеству. После этого, по всей видимости, капитан решил, что на этом его работа окончена, и почти перестал подниматься на мостик.

Лида так сильно удивилась, что застыла, раскрыв рот. Не то чтобы говорить, она не могла даже думать, так сильно поразило её это известие.

– Ладно, – выдохнула она, наконец, вернув себе самообладание. – Вероятно, убедившись в своём превосходстве, капитан здесь больше не появится, а значит, мы сможем спокойно поработать, – заключила Лида.

Она оглянулась на своих подчиненных, с терпеливой преданностью ожидавших от неё указаний.

– А что ответил ЦУП на то, что капитан избегает ответственности и скрывается у себя в каюте? – спросила Лида. – Вы доложили об этом?

– Ничего, – ответил младший лейтенант Белооков. – Они ничего не ответили.

Лида обернулась на Кирилла. Человек, который был для неё другом много лет, человек, которого теперь Лида считала предателем, глядел на неё открытым взором голубых глаз с тонкой поволокой вины и сожаления.

Всё время своего отстранения Лида прятала от себя свои истинные чувства в отношении Кирилла Белоокова. Она старалась не винить его, силилась не обижаться. За время своей ссылки Лида почти забыла о существовании человека, предавшего её доверие. Но вот он, стоит перед ней воплоти и со взглядом набедокурившего пса просит прощения.

Тут к Белоокову подошел Шамиль и с укоризной в голосе произнёс:

– А ты совсем заврался, – программист продолжал смотреть Кириллу в глаза, и продолжил, обращаясь к Лиде. – Как раз после того, как навигация накрылась, этот зайчик доложил в ЦУП, что капитан слетел с катушек. И тогда ЦУП сказали, что для таких случаев уставом предусмотрен заместитель. Наш зайчик, в порыве чувств, доложил о том, что капитан отстранил своего заместителя, но отчего-то умолчал о причине. Я вот лично думаю, что на Земле задались справедливым вопросом и стали выяснять подробности отстранения единственного здравомыслящего в нашей команде человека. Но мы не знаем, успел ли ЦУП задать свой вопрос. А может, как раз их этот бесцеремонный вопрос так не понравился нашему зайчику, что он вырубил нам связь с Землей. Скажи-ка, приятель, тебя не мучает совесть, а?

Белооков молчал и стоически выносил нападки программиста.

– Давайте обойдёмся без обвинений, – попросила Лида. – Это нам не поможет сейчас.

– Напротив, – возразил Шамиль, указывая пальцем на младшего лейтенанта, – если этот сознается нам, что он наворочил, то уже будет легче.

– Я ничего не делал, – пробурчал Белооков.

– А знаешь, – усмехнулся Шамиль, – Я почему-то тебе верю. Просто ты человек такой. Ты ничего не делаешь. Не сделал, когда нужно было добиться правды и разбудить Лиду от той комы, в которую её отправил капитан. И ты ничего

не сделал, когда она пыталась убедить Смирнова не менять курса. Ты ничего не делал! И именно благодаря твоему бездействию мы оказались в неразрешимой ситуации.

Белооков молча сел за свой компьютер и погрузился в тщетные попытки наладить связь с Землёй.

– Хотя я несколько не справедлив, – не унимался Шамиль. – Всё же наш зайчик кое-что да сделал. В своём порыве выслужиться перед капитаном, именно он произвёл перерасчет маршрута и привёл нас сюда. Где бы это «сюда» не находилось.

– Хватит, – выдохнула Лида. – Ты не помогаешь. И твои снисходительные и псевдо ласковые прозвища тоже.

Шамиль рассмеялся:

– Я ввожу тебя в курс дела, кто-то же должен представить факты, а не враньё.

– Да, но знаешь, – Лида усмехнулась и обвела взглядом команду, – с того дня, как у вас начались проблемы, ни один из вас не подумал вызвать меня.

Обескураженный прямолинейностью подруги, Шамиль замолчал и отошел вглубь комнаты.

Повисло тяжелая тишина. Лида закрыла глаза и на секунду погрузилась в свои размышления. Из всех возможных вариантов развития событий, произошёл именно тот, который она предсказывала. Но ей не было радостно от сознания своей правоты. Ей лишь хотелось посмотреть в глаза капитана, когда тот признает свою ошибку. Если, конечно, такое про-

изойдёт.

Лида посмотрела на навигационный экран и постаралась собраться с мыслями. Она спиной ощущала страх своих подчиненных и тяжесть повисшей на их плечи вины. Однако, это не сделает их работу лучше.

– Хорошо, – вздохнула Лида, обернувшись на мужчин. – Будем работать с тем, что имеем. Младший лейтенант Белоков, отдайте приказ в машинный зал сбросить обороты двигателей. Будем снижать скорость до крейсерской. Мы движемся в слепую и нам не нужны неожиданности.

– Есть лейтенант, – Кирилл отсалютовал и с готовностью принялся исполнять приказ.

– Сержант Курник, подготовьте к сбросу навигационные ракеты. Будем запускать их группами по три штуки, по прямой траектории и с отклонением в сорок пять градусов в обе стороны. Мы попробуем пойти по их следу. Хоть одна из них выведет нас живыми из этого облака.

Сержант, приободрившись духом, сел за пульт и принялся программировать запуск.

– Друг мой Шамиль, – улыбнулась Лида. – Произведите расчеты на основе самых последних данных, которые были получены из ЦУП, учтите нашу скорость и попытайтесь смоделировать наше приблизительное местоположение.

– Я всего лишь программист, – удивился Шамиль полученному заданию. – Я никогда не занимался вычислениями в космических масштабах.

– Тогда напиши программу, которая сможет выполнить моё поручение вместо тебя, – улыбнулась ему Лида.

– Ну ладно, – небрежно кинул Шамиль и с головой погрузился в работу.

Убедившись, что каждый выполняет вверенное ему задание, Лида тяжело вздохнула и направилась к каюте Капитана.

Глава четырнадцатая, исполняющий обязанности

– Лейтенант Хорошева! – заулыбался капитан, увидев Лиду.

Он вышел из-за стола и подошёл к подчиненной, вглядываясь ей в лицо высокомерным взглядом.

– Рад видеть вас снова в нашем строю, – говорил капитан Смирнов, продолжая скалиться и смотреть на девушку с некоторым лукавством. – Вам понравилось в лабораториях?

– Славное местечко, – ответила Лида, сохраняя невозмутимость в лице.

– Ну не знаю, – капитан пожал плечами, – вся эта земля, грязь... – Смирнов поморщился и помотал головой. – Никогда не видел в этом ничего красивого. И, однако, вы, лейтенант, нашли для себя время в ссылке полезным, как я слышал.

Лида хотела уточнить, что же именно капитан мог слышать, и что именно он имеет в виду, выражаясь околичностями и намёками, но Лида вовремя остановила себя, решив, что ей вряд ли захочется услышать ответ.

– Я зашла доложить, капитан, – говорила Лида, – что я вернулась к службе. А так же, как мне доложил сержант Курник, что сегодня ранним утром была потеряна связь с центром

управления.

Смирнов нахмурился и вернулся в своё кресло. Он недовольно поглядел на Лиду.

– Этого не должно было случиться, – заключил Смирнов.

– И не случилось бы, капитан, не отдай вы распоряжения изменить курс, – заметила Лида, стараясь заставить голос звучать беспристрастно, и все же ей было приятно произносить эти слова обвинения.

– И моё решение по-прежнему остается верным! – повысив голос, парировал капитан. – Временные сбои в связи возможны. Всё же мы значительно удалились от дома.

Лида усмехнулась:

– Разумеется, вам, как капитану, виднее. Мое мнение вы знаете. Причина наших текущих проблем происходит исключительно вследствие вашего приказа.

– Если вы, лейтенант, намерены и впредь пытаться меня укорить, то вы должны знать, что ЦУП поддержал моё решение и даже выписал мне награду. По возвращении на Землю ожидается торжественное вручение. А вам, дорогуша, стоит поработать над тем, чтобы научиться признавать собственное поражение. И помните, лейтенант, не меняют своего мнения лишь самоуверенные глупцы!

Лида насмешливо прыснула. Она с жалостью поглядела на капитана. Смирнов не понимал иронии собственных слов!

– Я закрою глаза, лейтенант, – продолжал тем временем капитан Смирнов, – на ваш излишне вспыльчивый характер

и несоблюдение субординации. Сделаю скидку на то, что вы долгое время находились в среде, являющейся недопустимой для человека военного, человека строгих правил. Вероятно, доктор Сандовал не требовала от вас полного и безоговорочного подчинения, – говорил капитан.

При упоминании о докторе Сандовал, рот капитана расплылся в вульгарной улыбке, а сощуренные глаза заблестели дурным блеском.

– В её лаборатории полностью отсутствует понятие уважение к вышестоящему по должности человеку, отсутствует рабочая этика и элементарная мораль, – продолжал капитан, перейдя на высокомерный и снисходительный тон. – Вероятно, всё дело в широте её взглядов. Все эти цветочки и росточки внушают тамошним людям разнузданность и чувство вседозволенности.

Лида озадаченно глядела на Смирнова несколько секунд. Весь этот поток высокопарной речи скрывал за собой попытку оскорбить взаимоотношения Лиды с доктором Сандовал и их нежные чувства друг к другу. И как бы Лида не старалась пересилить себя, ей всё же пришлось признать, что Смирнов добился своей цели. Сердце Лиды вспыхнуло мятежным огнём ярости так, что даже щёки её покрылись ярким румянцем.

Она открыла было рот, чтоб наброситься на Смирнова с пылкой речью о правах каждого человека на личную жизнь и о недопустимых выражениях, которые капитан себе поз-

воляет. И всё же она сумела вовремя остановить себя. Лида осознала, что любая попытка объяснить этому мужлану неправомерность его слов окажется тщетной. Смирнов был из той многочисленной категории людей, которые слышат только то, что хотят слышать, и говорят людям всё то, что им вздумается, путая прямолинейность с невоспитанностью.

Лида твёрдо решила, что слова, прямые или косвенные, и уж тем более грязные намёки капитана не возымеют над ней власти. Она глубоко вдохнула, ощутив свою силу и прежнюю уверенность, и обратила на Смирнова спокойный взгляд с достаточной степенью субординации.

Вся это гамма эмоций, все эти мысли пронеслись в голове Лиды в одно короткое мгновение. Уголки рта капитана Смирнова, проронившего непотребный намёк, ещё не вернулись в обычное положение, губы ещё не перестали дрожать, а в глазах ещё стоял самодовольный блеск, когда Лида, пережив приступ чистого гнева, сумела перебороть свои эмоции и не потерять самообладания.

– Что вы намерены предпринять, капитан? – спросила Лида.

– О, если бы я мог, – с готовностью отвечал Смирнов, – то запретил бы всякие отношения на корабле, кроме рабочих. И особенно такие отношения, что объединяют вас, лейтенант, с доктором Сандовал.

Смирнов поморщился и поглядел на Лиду свысока и с некоторым отвращением и пренебрежением в глазах.

– Но это противоречит, – продолжал капитан, – пресловутому постулату о правах, принятому Содружеством более ста лет назад. Так что тут я бессилён.

– Нет же, – усмехнулась Лида, успешно проигнорировав замечание гомофобного характера. – Я спрашиваю о ситуации с потерей связи. Что вы намерены предпринять?

Смирнов опешил, пытаясь скрыть своё смущение, что у него совершенно не получилось. Он словно скукожился в своём кресле, сложил руки на груди и ответил с натянутой улыбкой:

– Я был бы плохим руководителем, если бы не доверял своим подчиненным. Поэтому я выслушаю вас, лейтенант, если у вас будет решение.

Лида не стала признаваться капитану в том, что уже отдала некоторые распоряжения команде пилотирования.

– Мне нужно посоветоваться с экипажем. Я доложу вам о нашем решении, капитан.

– Не стоит утруждать себя, лейтенант. В конце концов, я работал один много месяцев, пока вы отсыпались в капсуле торпора, а потом ещё развлекались в этом вашем саду. Я имею право на отдых. Так что, лейтенант Хорошева, теперь вы официально исполняете обязанности капитана корабля. Разберитесь там со всем, а я сменю вас через пару-тройку суток.

Лида не ожидала подобного поворота в разговоре с капитаном. Однако она поблагодарила Смирнова за оказанное ей

доверие и пожелала хорошего отдыха.

Возвращаясь на мостик, Лида осознала, что причиной внезапной необходимости Смирнова в отдыхе заключалось исключительно в его нежелании разбираться с последствиями, на которые он обрёл миссию.

На мостике сержант Курник сообщил, что навигационные ракеты готовы к сбросу. Лида отдала приказ, и сержант нажал команду запуска.

На экране, в поле «виденья» эхолокаторов возникли три точки. Они стремительно уносились в глубину пылевого облака.

– Что сказал капитан? – спросил младший лейтенант Белококов, подойдя к Лиде.

Она ничего не ответила ему.

– Что-нибудь уже получается? – нетерпеливо спросила Лида у сержанта Курника. – Есть данные?

– Так точно, лейтенант, связь настроена. Идёт считывание. Пока удалось определить, что в состав облака в основном входит вещество, которое удалось идентифицировать как кремний. Уровень радиации низкий, как в пределах Солнечной системы.

– Значит ли это, что мы не покинули гелиосферы?

Сержант пожал плечами.

Лида понимающе кивнула. Они могут быть где угодно. Это гигантское, не поддающееся изучению пятно на карте Солнечной системы рождало множество гипотез у учёных

астрофизиков и страхов у сотрудников космической структуры. На Земле строили маршрут в обход этого пятна, по безопасному пути, потому что за столетие изучения спонтанно возникшего скопления пыли не удалось собрать ровным счетом никаких данных. Плотное облако было абсолютно не проницаемо, отражало все сигналы и с прожорливостью монстра поглощало исследовательские беспилотные зонды.

Лида едва понимала мотив капитана, решившего, что «срезать» путь через неизученный объект неплохая идея. Но всё же Смирнов уже не молодой человек, по ошибке подрывшийся в сложную многолетнюю миссию. Не стоит сомневаться в том, что он уж очень сильно хотел вернуться домой к благам цивилизации, и как можно скорее.

Но вот что Лида никак не могла для себя понять, это каким образом ЦУП одобрил сомнительное решение капитана? Невозможно, твердила себе Лида, что правительство и центр управления что-то знают об этом облаке. И уж точно было бы неразумным предполагать, что «Циолковский-3» был намеренно отправлен в облако.

Лида улыбнулась своим мыслям. Она стала рассуждать совсем как Шамиль – маньяк, убежденный в правительственных заговорах. Впрочем, есть высокая вероятность, что именно его стремление уличить правительство во лжи и фальсификации истины является самым трезвым мышлением.

– Лейтенант, – позвал Лиду знакомый голос. – Двигатели

готовы к сбросу скорости.

Лида оглянулась на голос и встретила взглядом с человеком, которого считала своим другом. Предательство Белоокова болезненно пульсировало в груди, и Лиде не хотелось никоим образом взаимодействовать с ним.

Она села в своё кресло, пристегнулась, объявила пассажирам по центральному коммутатору о плановом снижении скорости корабля и попросила всех занять безопасное положение.

– Приступайте, младший лейтенант, к снижению скорости, – отдала распоряжение Лида.

Глава пятнадцатая, пыль в окне

Корабль «Циолковский-3» медленно полз во мраке космоса. Один, в пустоте и безмолвии. Безразличная и жестокая Вселенная окружала его, готовая в любое мгновение нанести смертельный удар.

Глубоко задумавшись, Лида стояла за спиной спавшего сержанта Курника. На экране эхолокатора пульсировали точки. Это навигационные ракеты, которые уже прошли путь в сто тысяч миль. На экране другого компьютера отображались данные, переданные с датчиков ракет, требовавшие расшифровки. В коде множества цифр и символов скрывалась правда о веществах, составляющих пылевое облако. Сержант Курник успел определить некоторые из них, прежде чем его разумом завладел сладостный ночной сон.

Вдруг что-то изменилось. Сигнал одной из ракет пропал, о чём сообщила система оповещения. Громкий голос компьютерной женщины огласил о потере ракеты из поля радаров.

Сержант Курник встрепенулся и стал испугано оглядываться. Увидев своего лейтенанта, он подскочил и приложил руку к голове, повинувшись вымуштрованной привычке.

– Вольно, сержант, – улыбнулась Лида. – Лучше расскажите мне, что успела зафиксировать ракета, перед тем, как она исчезла?

Сержант Курник снова отсалютовал лейтенанту и погру-

зился в работу.

Тем временем с экрана навигации пропали оставшиеся две ракеты. Лида озвучила предположение, что вероятно, они пересекли границу пылевого облака, а значит, и они скоро достигнут её. Сержант снова пожал плечами.

– Мне нужна помощь в расшифровке и минимум час времени, – сообщил он.

Лида вызвала всю команду на мостик. Заспанные и недосильно бурчащие мужчины принялись производить расшифровку и анализ данных.

Время тянулось медленно. Лида пыталась предположить, что может поджидать «Циолковского-3» в той точке, где ракеты поглотила неизвестность? А главное, что следует предпринимать? Как приготовится? Положительные сценарии развития Лида даже не принимала в расчёт.

«Не обязательно всё должно кончиться плохо» вспомнились Лиде слова подруги. Может и так... Надежда это, конечно же, хорошо. В ней нуждаются, когда больше не остается средств и сил для борьбы. Надежда даёт мнимую уверенность в успехе. Но «Циолковский-3» преодолевает свой путь в агрессивной среде, где шансы на выживание меньше одного процента. И каждый час, что прожил корабль со всеми пассажирами внутри, можно приравнять к примитивной удаче.

Воспоминание о подруге отозвалось у Лиды в груди колким чувством тоски. Она только сейчас осознала, что они

расстались с Асмией прошлым утром и не виделись уже почти сутки. Лида включила личный чат и написала любимой короткое сообщение о несении службы и том, что они увидятся, как только ей удастся разрешить сложившийся кризис. Она перечитала сообщение, после чего удалила текст. Поразмыслив ещё немного, Лида написала о том, что скучает и чего бы хотела съесть на завтрак.

– Лейтенант, – не смелым голосом позвал сержант Курник. – Есть новости.

Лида подошла к ребятам, закончившим вычисления.

– Состав облака не изменен, – начал сержант Курник, очень сосредоточенно глядя на экран компьютера. – Одна из ракет зафиксировала какой-то объект. Инфракрасная камера зафиксировала его, и теперь, после длительной обработки изображения, мы можем точно сказать, что это один из тех беспилотников, что отправлялись Североамериканским Альянсом ещё десятилетия назад.

Сержант вывел изображение на экран, и Лида согласилась с тем, что объект на фото очень напоминает исследовательский зонд тех лет.

– Данные о том, что ракеты были уничтожены или же о том, что они могли во что-то врезаться, отсутствуют. До самого момента исчезновения они продолжали отсылать отчеты. Следует отметить, что несмотря на то, что расстояния между ракетами были достаточно велики, полученные от них данные практически не различимы.

Лида кивнула. Она не нашла в рапорте сержанта ничего удовлетворительного. Количество вопросов не убавилось.

Лида прохаживалась взад-вперёд, измеряя комнату шагами. Теперь мостик казался ей невероятно тесным. Как и весь остальной корабль. Хотелось вырваться наружу, глотнуть чистого свежего воздуха, оглянуться по сторонам бескрайних полей далёкой родины.

– Поднять щиты, – скомандовала Лида. – Мы летим на низкой скорости. Думаю, закалённое стекло нашего смотрового окна выдержит давление и столкновение с мелкими объектами.

Сержант выполнил распоряжение и задал команду компьютеру.

Щиты медленно поползли вверх. Привычное дневное освещение рубки сменилось мягким полумраком красных ламп. Лида подошла ближе к окну и стала вглядываться в ползучий мрак за окном. Абсолютный мрак.

Лида начала испытывать приступ паники. Холодная бесконечная ночь безжалостного космоса будто проникала в её сознание. Лиде стало казаться, что она одна в этой пустоте и никогда, никогда не вернется домой.

– Включите прожекторы, – скомандовала Лида.

Сержант Курник нажал кнопку на приборной панели, и зажглись сигнальные прожекторы на корпусе корабля.

Зрелище, которое предстало перед взором Лиды и трёх её помощников, не поддавалось осмыслению. Облако пыли, в

котором парил грозный и массивный корабль, подмигивало и переливалось радужными оттенками. Оно дышало, пульсировало, разливалось в стороны от корабля и высокими волнами набрасывалось на него.

Лида стояла у окна и, затаив дыхание, вглядывалась в невиданную красоту.

Миллиарды миллиардов крошечных песчинок, плавающих в пустоте космоса, закручивались вихрями, притягиваясь к чему-то невидимому и неизвестному.

– Это песок, – заметил сержант Курник и принялся пояснять, когда Лида и его коллеги вопросительно уставились на него. – Мелкодисперсная взвесь диоксида кремния. У меня была в детстве игрушка. Это была труба с линзами на обоих концах, а внутри, в специальной колбе, плавали мелкие песчинки в особом растворе. Одной стороной трубу прикладываешь к глазу, а другой её конец направляешь на свет. Песчинки плавали и переливались подобным образом. Мне дедушка привёз эту игрушку из поездки в Североамериканский Альянс.

– Очевидно, – заключила Лида, – есть два вывода. Либо это совпадение. Либо в Альянс уже тогда знал о составе пылевого облака, но информацию держал в секрете.

– Какой же это секрет, если этот принцип применили в детской игрушке? – удивился сержант Курник.

– Если хочешь, чтобы никто никогда не нашёл твой секрет, – ответила Лида, – спрячь его у всех на виду. К примеру,

в детской игрушке, к которой никто не отнесется серьёзно. Особенно наша политическая номенклатура.

Озадаченная и задумчивая, Лида всё ещё стояла у окна, когда за её спиной послышалось движение.

– Может, капитан и допустил ошибку, – раздалось над ухом голосом младшего лейтенанта Белоокова, – однако она стоила того.

– Возможно, – пожав плечами, отвечала Лида. – Но мы по-прежнему не знаем, что таит в себе это облако.

– Я не говорю, что это неправильно, Лида, но может не стоит пессимистично смотреть на происходящие события.

– С каких это пор прагматичность стала считаться пессимизмом?

Лида оглянулась на Кирилла, который виноватыми глазами смотрел на неё в ответ. Ей стало жалко Белоокова. И себя. Много лет они дружили, поддерживали друг друга. Но в один момент Лида отреклась от их дружбы, расценив действия, а точнее бездействие Кирилла, как предательство. И всё это время Лида считала, что наказывает друга, за его взгляды и убеждения. Но это была ошибка! Нельзя обижаться на людей, тем более на друзей, если ваши мнения разнятся. Это вопрос взаимного уважения. Если Лида хочет, чтобы Кирилл уважал её и поддерживал её выбор, то она тоже должна.

– Но ты прав, – улыбнулась Лида. – Я всегда готовлюсь к худшему.

Этой кроткой улыбке оказалось достаточно, чтобы растопить лёд и возродить прежнюю дружбу. Белооков крепко обнял Лиду, прошептал в ухо слова извинения и вернулся к своему компьютеру.

Шамиль подошёл к Лиде и долгое время молча вглядывался в танец мерцающих песчинок.

– Это будто живой организм, – принялся он рассуждать. – Ещё это напоминает многочисленный косяк рыб. Они все движутся, подчиняясь определенному импульсу.

– Скорее всего, – говорит Лида, – всё это облако вращается вокруг определенного центра.

– Планета? – спросил Шамиль.

– Не думаю, – задумчиво протянула Лида. – Нечто, обладающее мощной гравитацией, создаёт вокруг себя поле, притягивая мелкий космический мусор. То есть, в данной ситуации, пыль. Облако настолько плотное, что не пропускает свет и радиосигнал, значит, гравитация у этого «нечто» очень мощная. И мы несемся напрямиком в него.

– Это не радует, – заметил Шамиль. – Но я надеюсь, что ты найдешь решение.

– Спокойно, – улыбнулась Лида. – Наши навигационные ракеты ни с чем не столкнулись. Значит и мы не должны.

– А это уже что-то! – обрадовался Шамиль и похлопал Лиду по плечу. – Кстати, моя программа закончила расчет. Мы не прошли и середины облака. Так что, может зря мы сбросили скорость.

Лида пожала плечами.

– Да, но если в центре окажется планета с аномально большой гравитацией, ты будешь рад, что я сбросила скорость двигателей до их минимума.

– Но возможна и другая причина, – робким голосом произнёс сержант Курник, обращая на себя внимание. – Возникновение облака может быть не случайным.

– Что вы имеете в виду, сержант? – спросила Лида, нахмутив брови.

Сержант Курник поднялся из-за своего компьютера и пошёл к смотровому окну.

– Что если, это технология чужой цивилизации? – продолжал сержант. – Столетие назад они прилетели в нашу солнечную систему. Их понимание законов Вселенной позволяет управлять ими в зависимости от своих нужд. И вот представьте, что они оказались здесь, увидели развитую цивилизацию и стали изучать. Но чтобы никак не проявить себя, они создали вокруг своего корабля облако, полностью блокирующее наши радиосигналы. Вероятно, именно они выводили беспилотники из строя, превращая их в мусор.

Повисла тишина. Лида оценивающим взглядом вглядывалась в восторженные глаза сержанта.

– Скажи, пожалуйста, – обратился к сержанту Кирилл, – эти же существа помогали Египтянам строить их пирамиды?

Команда пилотирования дружно рассмеялась над удачной шуткой. Сержант Курник обиженно поджал губы и сложил

руки на груди.

– Это ведь нелепо, сержант, – выдавил из себя Кирилл сквозь смех. – Если бы здесь кто-то был, нас бы уничтожили, в случае если чужеродные исследователи настроены агрессивно, или же вышли бы на связь, если их задачей стоит знакомство с новыми цивилизациями. Ни того, ни другого не случилось. Значит, здесь никого кроме нас нет.

– Или же они увидели наше приближение, – вступился сержант на защиту своей теории, – и приняли тактику абсолютного невмешательства. Вероятно, они обладают технологией, которая походит на нашу бесшумную систему «Стелс».

– Тактика абсолютного невмешательства? – переспросил Белооков и громко рассмеялся.

– Отставить разговоры, – приказала Лида строгим голосом. – Всем весельчакам надлежит замолчать и вернуться к делам!

Повисла звенящая тишина. Мужчины, подавляя смех, вернулись к работе.

– Тебя ничто не переубедит, верно? – полушепотом спросила Лида сержанта.

– У всех свои слабости, лейтенант, – улыбнулся сержант Курник. – Мне нравится думать, что где-то в космосе есть другие разумные существа.

Лида пожала плечами и села за свой стол писать отчёт в капитанском журнале.

А что же она сама думает о «других»? Существуют ли где-

то иные цивилизации? Лида никогда не задавалась этими вопросами. Она считала подобные рассуждения бессмысленной тратой времени. За тридцать лет её жизни ни одно исследование космоса не подтвердило наличие других форм жизни. Но в то же время, нет доказательств опровергающих возможность существования разумной жизни в окрестностях других звёзд.

Лида закончила описание напряженных суток и, оставив Кирилла дежурить, отправилась спать.

Глава шестнадцатая, переполох

Тревожный сон выкинул Лиду на побережье реальности. Более двух сотен суток она живёт в условиях, где понятие день и ночь не имеют никакого значения. Искусственное освещение и вечный мрак за бортом могут лишить рассудка, если не спать по восемь часов крепким сном. Лида пережила бессонницу десять дней к ряду и лишь изредка могла впасть в забытье на час или два.

Страхнув с себя остатки тревожных сновидений, Лида приняла душ и, после короткого и неаппетитного завтрака, поспешила подняться на мостик. Её встретил недовольный капитан Смирнов, лицо которого перекосилось в приступе отвращения.

– Лейтенант Хорошева! – воскликнул он. – Ну как? Вы довольны? – сыпал капитан вопросами. – Покувыркались вдоволь? Утолили жажду своих примитивных желаний с этой вашей легкомысленной подружкой? Где вас вообще носит, когда тут такое?

Лида ощутила раздражение, и ей стоило огромного усилия сдержаться и не повестись на провокации капитана. Она терпеливо выжидала, когда претензии капитана приобретут конструктивную форму.

– Это вы, лейтенант, отдали приказ снизить скорость? – спросил Смирнов, запыхавшимся голосом.

Он сложил руки на груди и шумно втягивал воздух дрожащими ноздрями.

– Так точно, капитан. Это был тактический маневр, – ответила Лида.

Смирнов негодуя фыркнул.

– Тактический маневр, – передразнил он слова Лиды. – Вы в своём уме? Кто, скажите мне, лейтенант, кто надоумил вас, что вы можете принимать подобные решения?

– Вы, капитан, – спокойно отвечала Лида.

Смирнов на секунду замер, припоминая беседу с Лидой.

– Я поручил вам, лейтенант, – произнёс Смирнов натянутым тоном, – разобраться с отсутствием связи. А вы замедлили ход корабля! – Смирнов постепенно перешел на крик. – Это просто уму непостижимо!!! Это какое-то безумие! – кричал Смирнов, раздражаясь всё больше и больше.

– Позвольте мне объяснить, – тихо произнесла Лида и вежливо улыбнулась.

Смирнов утвердительно кивнул и принялся расхаживать взад-вперёд, выслушивая логичные обоснования своего заместителя.

– Это просто какой-то вздор! – заключил капитан, когда Лида закончила свои объяснения.

Он подошел к коммутатору, включил микрофон и вызвал механиков машинного отделения.

– Столько усилий и все впустую! – сетовал капитан. – Мы опережали установленные сроки. Мы шли к успеху!... Ал-

ло! – крикнул капитан в микрофон, когда на том конце ответили. – Запускайте двигатели на максимум!

– Кто это говорит? – спросили на том конце.

– Я говорю! – рассвирепел капитан и заорал в микрофон, что было мочи. – Капитан Смирнов! Запускайте эти треклятые двигатели! Немедленно!

– Да, капитан, – отвечали на том конце ралиосвязи. – Но нам нужно получить одобрение лейтенанта Хорошевой.

Смирнов бросил на Лиду недовольный взгляд.

– Нет, вам не нужно разрешение лейтенанта, чтобы выполнять мой приказ!

Радио долгое время молчало, после чего согласилось с приказом капитана.

Смирнов стукнул кулаком по кнопке, микрофон выключился.

– Приготовьтесь к ускорению, – чуть успокоившись, произнёс он, поправляя ворот униформы.

– Нельзя ускоряться, капитан, – сказала Лида. – Я требую, чтобы вы немедленно отменили свой приказ!

Смирнов подошёл к Лиде, поглядел на неё сверху вниз и протянул, крепко сжимая челюсти:

– А я требую, что здесь все подчинялись мне.

– Мы находимся в опасной среде и летим наощупь, – парировала Лида. – Дело сейчас не в подчинении и субординации. Самое главное для нас это выжить и вытянуть миссию.

Смирнов прикрыл ладонью глаза, а другой рукой опёрся

на стол.

– Лейтенант Хорошева, я уже больше не в силах выслушивать ваши мольбы и предостережения. Вот объясните мне нормальным языком, почему вы то и дело перечите мне? Потому что у вас такое предчувствие?

Капитан развернулся к Лиде и, расплывшись в улыбке, продолжил:

– Или, быть может, вам так нравится этот перелёт, в объятиях вашей подружки, что вам хочется продлить эти ваши сердечные переживания?

Лида набрала воздуха в лёгкие, натянула неестественную улыбку и отвечала:

– Согласитесь, капитан, это лучше, чем ваше непреодолимое желание вернуться домой как можно скорее, невзирая на то, что ваши действия подвергают всю команду исследователей огромному риску.

Капитан поджал губы, сложил руки за спиной, и некоторое время задумчиво расхаживал по мостику.

– Это было ошибкой, – наконец выдохнул Смирнов, – это было ошибкой, позволять женщинам пытаться быть с нами наравне. Куда смотрели наши предки? Женщины трусливы и каждую минуту чего-то опасаются. Именно поэтому мореплавателями и первооткрывателями в эпоху покорения океанов Земли были только мужчины. Колумб. Баренц. Веспуччи. Васко да Гама. Магелан, в конце концов! Лучшие из лучших! Смельчаки, открытые всему новому. В мужчинах

больше толку!

– Да, и руки, испачканные по локоть в крови, – парировала Лида.

– Эти руки двигали процесс эволюции, совершали технологические прорывы. Гениальные, смелые умы и уверенные руки мужчин построили корабли, которые теперь осваивают космос. И лучше бы так и оставалось! Но нет, видишь ли, женщины захотели поиграть в равноправие. И теперь мы должны тратить время, чтобы убажить ваши ни чем не обоснованные страхи. А как же дух авантюризма? Вы должны смело идти вперёд, бросать вызов судьбе и с готовностью встречать всё неизведанное, что попадётся на пути.

Лида сложила руки на груди. Никчемный, ничего не смыслящий в своей работе человек, когда понимает, что у него нет здравых аргументов, начинает унижать оппонента, цепляясь либо за его внешность, либо за гендерную принадлежность, либо за сексуальную ориентацию, в своих тщетных попытках высмеять соперника и возвысить себя в своих глазах.

– Хорошо, – ответила Лида, – вы смельчак и отважный космоплаватель, капитан. Раз вы считаете, что правы, поступайте, как должны. Я вас предупредила обо всех последствиях, которые могут вас поджидать на пути к славе и очередному ордену.

Лида села в своё кресло, пристегнулась и сложила руки на груди.

Абсолютная тишина заставила её обернуться на своих

недоумевающих коллег, которые, по-видимому, ожидали указаний с её стороны.

– Вы же слышали его, – произнесла Лида, кивнув головой на капитана. Приготовьтесь к ускорению. И сообщите пассажирам, что им следует принять безопасное положение, во избежание травматизма.

Экипаж безоговорочно занял свои кресла. Младший лейтенант Белооков включил микрофон и оповестил пассажиров, после чего связался с машинным отделением и уточнил, сколько времени им потребуется на подготовку двигателей.

– Мостик, всё готово, – ответили из машинного отделения. – Разгон первой пары двигателей через сто двадцать секунд, отсчет начали.

Белооков запустил таймер на экране и предложил всем приготовиться.

– Ты что, так это оставишь, – спросил Шамиль у Лиды, не стесняясь того, что капитан его услышит.

– Что я могу знать о полётах в космосе? – усмехнулась Лида. – Я всего лишь женщина. Высшее образование и докторскую степень я получила по доброте душевной своих преподавателей.

Экипаж сдержанно посмеялся над саркастическим выражением своего лейтенанта.

– Отставить разговоры! – скомандовал уязвлённый капитан, пристёгиваясь к своему креслу. – Займитесь работой.

Отсчет на экране приближался к нулю. Белооков огла-

сил цифры и скомандовал всем приготовиться. Повисла тишина. Некоторые члены экипажа закрыли глаза, готовясь к неприятным ощущениям, являющимся следствием воздействия факторов давления и перегрузки на мозжечок головного мозга.

И, однако, ничего не происходило. Лида озадаченно вглядывалась в показатели работы двигателей на своём экране.

– Уже всё? – спросил Смирнов у экипажа.

– Вам, как отважному космонавту, – отвечала Лида, – должно быть это известно, как никому другому.

Зашуршало радио. Сквозь помехи послышался голос машиниста:

– Мостик... мостик... как слышно? Приём!... у нас вырубилась вся аппаратура! Приём!

Глава семнадцатая, абсолютный мрак

Корабль затрясло, словно бы он двигался не в безвоздушном пространстве, а по ухабам сельской дороги. Вибрации, порождённые внезапно остановившимися двигателями, прорезали собой металлические конструкции, поднимаясь в жилые отделения, пробираясь на мостик, проникая сквозь тканевую обшивку кресел в тела пассажиров и каждого члена экипажа.

Внезапно всё стихло, ровно так же неожиданно, как и началось. Лида попыталась связаться с машинным отделением, но радиостанция не работала. Навигационные экраны и мониторы компьютеров покрылись помехами, словно где-то рядом то включали, то выключали электромагнитный излучатель. Вслед за мониторами замигал свет. Члены экипажа обеспокоенно переглядывались между собой. Однако спустя всего минуту дрожание электроприборов исправилось, но когда Лида и её команда были готовы вздохнуть с облегчением, всё разом погасло.

Абсолютная, непроглядная тьма, сквозь которую смелым пионером нёсся корабль «Циолковский-3», проникла в его недра и царственно разместилась, заняв все уголки. Группы людей, изолированные друг от друга в различных ча-

стях корабля и лишённые зрения, обеспокоенно прислушивались к темноте. Работники кухни и аграрной лаборатории, собравшиеся в зале с креслами безопасности, взявшись за руки, принялись громко распевать бравурные гимны, дабы не поддаться страху и панике. Сотрудники химической и биологической лабораторий попытались наощупь изготавливать люминесцентные растворы. И у них это почти получилось, когда один из лаборантов, особенно боявшийся темноты, опрокинул дрожащей рукой пробирку, в которой происходила экзотермическая реакция, на ёмкость с горючим порошком. Образовавшаяся смесь мгновенно вспыхнула ярким зеленым огнем. Лаборанты, прозрев от удушающей темноты и увидев лица друг друга, обрадовались и принялись обниматься. Но, как и певцы, химики с биологами не учли того, что при отсутствии электроэнергии насосы в кислородных фермах перестают нагнетать воздух, а пение, как и реакция горения, затрачивают весь свободный кислород, и что оба этих процесса выделяют огромное количество углекислого газа. Спустя уже пять минут задорных распевов и объятий у лабораторного костра, участники этих двух групп стали обнаруживать у себя первые признаки асфиксии.

– Без паники, – прошептала Лида в темноте. – Под вашими креслами должны быть маски с кислородными болонами.

Члены экипажа оперативно натянули маски и вздохнули с облегчением. Лида скомандовала всем сидеть на месте, а сама, включив магнитные ботинки, отправилась нао-

щупь к ящику для экстренных ситуаций. Она вынула оттуда несколько трубок с люминофором и, активировав их, разда-
ла экипажу.

– Лейтенант, – обратился сержант Курник к Лиде, –
несмотря на полное отключение приборов, у нас всё еще есть
искусственная гравитация.

Лида удивленно оглянулась на сержанта, после чего вы-
ключила магнитные ботинки. В самом деле, гравитация, ка-
залось, была в норме.

– Значит, – заключил капитан, – отключилось не всё. Пой-
дите и проверьте. Может, нужно какой рубильник включить.

Лида усмехнулась, но не стала настаивать вывод Смир-
нова ответом.

– Мы там, где не должны были быть, – размышлял Ша-
миль. – Назовите меня идиотом, но что если Курник был
прав, и его «друзья» вырубили наш корабль импульсной
пушкой?

Экипаж на несколько секунд погрузился в размышления.

– Ещё варианты, – сказала Лида. – Надо больше.

– О, отлично, – поддержал подругу Белооков, – будем пе-
ребирать все возможные и не возможные варианты, отмечая
их по принципу «бритвы Оккама».

– Мы летели сквозь неизученное пылевое облако, – кон-
статировал сержант Курник. – Возможно, что мы достигли
его центра.

– Похоже на то, – согласилась Лида. – И что здесь может

быть?

– Источник высокого электромагнитного излучения, который выводит из строя всю электронную аппаратуру, – ответил Шамиль.

– При этом, источник обладает гравитационным полем, которое притягивает мелкую пыль, – продолжала рассуждения Лида. – Его гравитация настолько велика, что передалась кораблю. Вот почему нет невесомости.

– Хорошо, это объяснить удалось, – согласно закивал Белооков.

Лида потёрла шею, поправила маску на лице и вернулась в кресло.

– Не смотря на то, что теории о темной материи более ста лет, человечеству не удалось построить прибор для её обнаружения и измерения, – рассуждала Лида. – Что если, аномальная гравитация, образовавшая плотное пылевое облако, это средоточие темной материи?

Члены экипажа некоторое время обдумывали предположение Лиды.

– Существование темной материи было замечено на окраинах галактик, но не в солнечной системе, – заметил сержант Курник скептическим тоном.

– И то правда, – согласился Белооков. – К тому же, нет исследований, говорящих о том, что темная материя вырубит электронику.

– Потому что провести такие исследования не представ-

лялось возможным, – парировала Лида. – Тёмную материю до сих пор удавалось вычислить математически. Её никак не увидеть и не измерить. Мы знаем о ней лишь благодаря влиянию, которое она оказывает на спиральные галактики.

– И это правда, – закивал Белооков.

– Прекрасно! – Шамиль поднялся и интенсивно захлопал в ладоши, – Десять минут рассуждений, которые ни к чему не привели. А делать то что? Ждать, что всё починится само собой?

Никто не знал ответа. Время тянулось, приближая корабль к гибели. Звонящая тишина на мостике прерывалась время от времени недовольными высказываниями капитана, который обиженно укорял своих подчиненных за то, что они ничего не предпринимают.

Спустя полчаса мрачного парения в пустоте космоса, на корабле пропало притяжение. Проигнорировав меры предосторожности, Шамиль расслабленно сидел в кресле, растегнув ремни безопасности, как вдруг воспарил к потолку. Младший лейтенант Белооков, давась от смеха, включил магнитные ботинки и поспешил на выручку. Он вытянул руку вверх, ухватил программиста за штанину униформы и рывком потянул вниз. Шамиль включил магнитные ботинки, его притянуло к полу, и он навалился на Кирилла благодарственным объятием.

– Поздравляю с успешно выполненной задачей, – рассмеялся Шамиль.

Мужчины расселись по местам. На мостике снова повисло угнетённое молчание. Даже капитан больше не возмущался и не пытался раздавать бессмысленные советы.

Прошло ещё какое-то время. Бесконечный мрак провёл за собой на корабль холод. Металлические конструкции, остывая, принялись зловеще перестукиваться.

– Мы ничего не можем, – прошептал сержант Курник. – Это конец.

Экипаж оглянулся и посмотрел на сержанта с искренним страхом в глазах. Он один осмелился озвучить то, о чём думал каждый.

Вдруг зажегся ослепительный свет. Компьютеры принялись загружать операционные системы. Вернулось притяжение, отопление и мягкий гул, издаваемый четырьмя плазменными двигателями.

Лида приказала Кириллу и сержанту проверять работоспособность всех систем жизнеобеспечения, а сама стала по очереди связываться с отделами корабля.

Машинное отделение рапортовало, что работают в прежнем режиме, и что спустя полчаса работы будет восстановлена тяга.

– Всё работает исправно, – говорил главный инженер перепуганным голосом, – как будто ничего не происходило.

– Рада слышать, – отвечала Лида. – Но во избежание непредвиденных обстоятельств, сохраняйте крейсерскую скорость.

Машинист подтвердил исполнение команды, как вдруг капитан Смирнов подбежал к микрофону, оттолкнул Лиду и, что было сил, закричал:

– Говорит капитан Смирнов! Отменить указание лейтенанта! Приказываю набрать максимальную скорость! Немедленно!

Радио какое-то время молчало, видимо потому, что инженер сокрушался, выражая своё неудовольствие, что капитан сумел пережить нестандартное происшествие на корабле.

– Принято, капитан, – тихо ответил инженер и отключился.

– Не нужно самодеятельности, лейтенант, – произнёс капитан, дрожащими от гнева губами. – Делайте то, в чём разбираетесь.

Лида выдохнула и ничего не отвечала. Как было просто, когда, будучи напуганным, Смирнов сидел в своём кресле окутанный мраком и полагался на других людей. Лида вздохнула ещё раз и продолжила связываться с каждым отделом на корабле.

Кухня и аграрии рапортовали о тяжелом состоянии нескольких сотрудников. Их госпитализировали с легким отравлением углекислотой. Лаборатории химии и биологии сообщили о небольшом возгорании и паре незначительных ожогов.

– В остальном всё в порядке, – огласил начальник научных лабораторий.

Лида поразмыслила и, включив коммутатор, сделала объявление на весь корабль.

– Уважаемые члены миссии «Циолковский-3»! Говорит лейтенант Хорошева, заместитель капитана корабля. Мы преодолели зону электромагнитных возмущений, вследствие чего был утрачен контроль над кораблём. К сожалению, предвидеть подобное было невозможно, поэтому всё случилось так внезапно. На следующие двадцать четыре часа всем участникам миссии надлежит отменить все плановые работы, исследования и мероприятия. Держитесь поблизости своих кают либо в залах, оборудованных креслами и наборами первой необходимости, чтобы в случае повторения подобной ситуации быть наготове. За ранеными установите постоянное наблюдение. Необходимо, чтобы в медотсеке дежурили волонтёры. Прошу вас отнестись с пониманием и ответственно исполнять поручения. Благодарю за внимание!

Глава восемнадцатая, голубая звезда

Долгим, сосредоточенным взглядом Лида глядела в экран навигационной системы. После перезапуска всех систем телескоп начал присылать данные, которые космонавты не могли расшифровать. Все звезды на снимках были будто перепутаны местами, или вовсе хаотично разбросаны по ткани пространства Вселенной.

Лида шумно вздохнула.

– Возможно, что мелкодисперсная пыль повредила телескоп. Потому что это не звездное небо, это какой-то мусор на черном фоне!

Разозлившись, Лида ударила кулаком о стол.

– Я бы предложил опустить щиты, – заметил Шамиль. – Ответов это не даст, зато отвлечет на пару минут.

Лида согласилась, и сержант Курник дал команду компьютеру. Металлические створки плавно отъехали в сторону, открыв космический пейзаж. Вместо ожидаемой пустоты на расстоянии всего в двести тысяч километров перед кораблём пролегало обширное поле астероидов, вращавшихся по своей орбите вокруг огромной планеты, отражавшей рассеянный свет зеленоватого оттенка. Над поверхностью планеты бушевали ураганы и тайфуны, и сине-зелёные облака

закручивались в изящные спиральные узоры. Вдали, за краем планеты виднелись несколько её лун. Дальше, в глубине мрака виднелись ещё несколько схожих планет. Они были рассыпаны хороводом вокруг яркого голубого сверхгиганта.

Члены экипажа собрались у смотрового окна в молчаливом недоумении.

– Это ещё что такое? – спросил Шамиль, первым вернув себе дар речи. – Я далёк от астрономии, но кажется, за пределами Солнечной системы не может начинаться другая звёздная система!

– Этому должно быть какое-то простое и разумное объяснение, – произнёс младший лейтенант Белооков, нахмутив брови.

Экипаж терпеливо ожидал продолжения, поглядывая на Белоокова. Кирилл, шумно дыша и раздувая ноздри, перебирал в голове ответы, которые могли хоть немного объяснить то, что видели его глаза.

– Нет, – выдохнул Белооков, – объяснения нет.

– А что, если войдя в облако, мы сбились с курса и просто развернулись, а теперь движемся обратно к нашему Солнцу? – спросил Смирнов. – Такое же возможно?

– Серьезно? – Лида оглянулась на капитана. – Как много, вы думаете, в нашей Солнечной системе планет, похожих на это?

Смирнов фыркнул и рассмеялся.

– Не смешите меня, лейтенант! Ну, конечно же, я знаю, –

занервничав, он стал поправлять воротник капитанской униформы.

Лида сложила руки на груди и с нетерпением ждала ответа Смирнова.

– Их девять, – ответил тот, но услышав смешок в ряду своих подчиненных, поторопился исправиться. – Восемь, восемь планет. В нашей звёздной системе восемь планет.

Лида шумно вздохнула и закатила глаза. Она подошла к пульту управления телескопом и в течении нескольких минут сделал снимки планет, расположенных на ближних к звезде орбитах.

– Это не наши планеты, – огласила Лида.

На главном экране высветились фотографии причудливых синеватых планет, совсем крошечных и невероятно огромных, собравших в своём окружении множество спутников.

– А это, – Лида вывела на экран изображение голубой звезды. – Это не наше Солнце.

Экипаж замер, переводя вопросительные и удивленные взгляды с экрана на смотровое окно.

– Где, чёрт возьми, мы оказались? – в сердцах воскликнул Шамиль.

Сработал сигнал обнаружения и на эхолокаторе появилась слабо пульсирующая точка. Лида поспешила к компьютеру. На экране отображался объект, удалявшийся от корабля. Сержант Курник, подошедший к компьютеру следом, заме-

тил, что это сигнатура навигационной ракеты.

– Одна из трёх! И всё ещё в строю. Я удивлена, – нахмурилась Лида.

– Но это она, – уверял её сержант. – У этих ракет специфический номенклатурный код. Чтобы ни с чем их нельзя было спутать.

– Хорошо то, что теперь у нас есть маяк, и мы можем смело двигаться по её следу. Нужно только снизить скорость, чтобы дать ей фору, иначе мы скоро её догоним и, в случае малейшей опасности, у нас не будет возможности для маневра.

– Я отдам приказ в машинное отделение, – с готовностью отозвался Белооков.

– Что за глупости! – выпалил капитан. – Не вздумайте, младший лейтенант, даже пытаться.

– Капитан, – сдерживая смех, Лида обратилась к Смирнову. – Давайте признаем, что сейчас ваше командование не поможет миссии. Вы, как человек военный, хорошо разбираетесь только в оружии и способах пуска пыли в глаза противнику. Но сейчас совершенно иная ситуация. Позвольте мне сейчас вести корабль.

Смирнов усмехнулся и подошёл к Лиде, уперев руки в бока. Он глядел на неё пристальным взглядом сверху вниз, излучая ненависть каждой клеточкой своего тела.

– Как смеешь ты, – прошипел он сквозь зубы, – невоспитанная девчонка, дерзить мне?

– Прошу извинить меня, капитан, – отвечала Лида ледяным голосом, сжимая со всей силы кулаки, чтобы сдержать своё возмущение, – возможно, я задела ваши чувства. Но позвольте вам напомнить, что именно из-за вашей инициативы свернуть с маршрута, мы оказались... Да мы даже не знаем, где находимся!?! У нас нет связи с ЦУПом и вероятно, они уже считают нас очередной партией мертвецов, болтающихся в открытом космосе. Вы хотите поскорее вернуться домой, капитан? Так, может, вы выйдете в открытый космос и спросите дорогу у первого попавшегося незнакомца?

Смирнов молча глядел на Лиду. По его лицу пробежала судорога, а щёки покрылись огненным румянцем. Он в очередной раз поправил ворот униформы и, почти не шевеля губами, произнёс

– Вы закончили своё стендап-выступление, лейтенант?

– А вам хватит мужества признать свою ошибку? – парировала Лида.

Повисло напряженное молчание, перебиваемое пульсирующим сигналом, приходящим от навигационной ракеты.

– Капитан, – раздалось в тишине дрожащим голосом сержанта Курника. – Лейтенант, – позвал юноша. – Это Денеб.

– Это ещё что значит? – возмутился капитан, полагая, что его подчиненный пытается его унижить, используя всякие иностранные словечки. – Объяснитесь, сержант, немедленно!

Лида шикнула на Смирнова и подошла к навигационному

экрану.

– Мы находимся на окраине его системы, – продолжал сержант Курник.

Все члены экипажа, столпившись за спиной юноши, внимательно вглядывались в карты звездного неба на экране компьютера.

– Сейчас на Земле август, так что мы точно знаем расположение звёзд, справедливое для северного полушария в это время года, – говорил сержант Курник, показывая на карту звёзд, расположенную в левом углу экрана. – В это время происходит сближение трёх звезд, Альтаир, Денеб и Вега. Они пересекают рукав Млечного пути.

– О, а эту легенду я знаю! – воскликнул Шамиль. – В ночном небе есть две ярчайших звезды – Альтаир и Вега. Говорят, когда-то они были вместе, но теперь навсегда разделены рекой Млечного Пути. Но раз в году Денеб выстраивает между ними мост, чтобы звезды могли провести одну ночь вместе.

Лида похлопала друга по плечу.

– Молодец, но мы тут делом заняты, – усмехнулась она. – Сержант, – обратилась она к юноше, – покажите ваши расчеты.

Сержант Курник загрузил программу.

– Я воспользовался программой, написанной Шамилем.

– Не стоит благодарностей, – хихикнул программист. – Мне только в радость.

– Я загрузил в неё снимки нашего телескопа и сопоставил их с августовской звёздной картой северного полушария. Программа произвела расчёт и выдала результат. Затем я поискал информацию в каталоге звёзд и сравнил её с теми данными, что фиксируют наши приборы. Объём, масса, яркость – всё говорит о том, что звезда, свет которой мы наблюдаем в окне, это Денеб.

– Этого просто не может быть, – прошептала Лида и отошла в сторону.

Миссия «Циолковского-3» заключалась в том, чтобы провести исследования за пределами Солнечной системы, сделать снимки глубокого космоса, собрать данные о межзвёздном пространстве, изучить планеты-сироты, странствующие без звёзд, после чего вернуться обратно на Землю.

– Этого просто не может быть, – повторила Лида, обращая свой взор на холодное сияние яркой голубой точки. – Денеб находится в трёх тысячах световых лет от Земли. Это не мыслимое расстояние.

Лида закрыла глаза, представляя себе тот путь, который им надо будет пройти, чтобы вернуться домой. Путь, на который им не хватит жизни.

Мрак космоса, излучение холодной звезды, нависавшие своей массой гигантской планеты, всё это будто в один миг легло на её плечи. А где-то там, далеко-далеко во Вселенной, крутится вокруг горячего Солнца маленькая планета, населённая любопытными людьми.

Зачем? Зачем только Лида покинула этот островок безопасности? Эти вековые леса, журчащие ручьи, ласковые рассветы и багряные закаты?

Как холодно, страшно и одиноко в этом чужом и враждебном мире.

– Что же нам теперь делать? – спросил Шамиль замогильным голосом.

Лида взглянула другу в глаза и поняла, что мужчина думает ровно о том же самом.

– Да, что нам теперь делать? – спросил младший лейтенант Белооков.

Его голос дрогнул, и он отвернулся к стене, закрыв голову руками. На чудной, голубой Земле его ждали жена и дети, которых он оставил на долгих четыре года, а выходит, что теперь не увидит никогда.

– Что же делать? – поддавшись общей панике, спросил сержант Курник.

Лида взглянула на капитана. Смирнов вернулся в своё кресло и, не произнося ни слова, устался в свой личный компьютер. Лида усмехнулась, заметив про себя, что теперь капитан не рвётся командовать.

– Друзья, – вздохнула Лида, понимая, что ей нужно вытягивать мужчин из болота отчаянья. – Прежде всего, мы с вами учёные люди. Так давайте применим все наши знания и возможности, чтобы разрешить эту ситуацию. На борту «Циолковского-3» ещё около сотни пассажиров. И мы несём

за них ответственность. Ради них, и ради тех, кого мы оставили на Земле, мы просто обязаны сейчас собраться.

Шамиль и Кирилл подошли к Лиде и крепко обняли её. Лида взглянула поверх плеча Белоокова на сержанта, утиравшего слёзы. Она махнула ему рукой, и юноша так же подбежав к ней, кинулся в объятия.

Это было странно. Взрослые мужчины были перепуганы настолько, что прижимались к хрупкой женщине, пряча влажные глаза на её груди, шее, плечах. Лида поглаживала их головы, слушала тяжелое дыхание и удивлялась важности своего присутствия. В эту минуту она не была лейтенантом или другом. Лида была олицетворением Матери-Земли, которую эти испуганные мужчины потеряли. Вероятно, они стремились прижаться к Лиде, воображая себя в объятиях родной матери.

А Лиде нужны были эти объятия, чтобы почувствовать силу и продолжить борьбу.

– Я знаю, – прошептал Шамиль, – что я не в твоём вкусе, но пахнешь ты просто замечательно.

– Так, это всё, – Лида выкрутилась из крепких объятий мужчин. – Садитесь по местам и начинайте работать. Запустите на телескопе программу полного сканирования. Произведите все расчеты заново. И что там с навигационной ракетой? Скачайте с её приборов данные. Может, среди них мы найдём что-нибудь полезное. И дайте, наконец, команду в машинный отдел снизить скорость! Нужно рассчитать без-

опасную орбиту этой планеты и двигаться по ней.

Экипаж салютовал Лиде и послушно принялся исполнять поручения.

– Лейтенант Хорошева, – вдруг ожил Смирнов. – Каким бы ни был исход моего решения изменить курс, это не даёт вам права командовать.

Лида удивлённо оглянулась на капитана. В её голове роилась масса вопросов к капитану и его квалификации, множество упрёков и едких замечаний. Однако она сдержала себя от их высказывания, а лишь вопросительным взглядом поглядела завистливому начальнику в глаза.

Возможно, где-то в глубине души капитан был согласен с тем, чтобы позволить Лиде управлять миссией. Особенно теперь. Возможно, если бы Смирнову не мешала гордыня и страх признать своё поражение, если бы ему хватило мужества и интеллекта сознаться в том, что он ничего не смыслит в своей работе, то скорее всего он позволил бы Лиде решать.

Но Смирнов был гордецом с уязвленным самомнением и низкой самооценкой, а потому он сделал то, что делают в таких ситуациях мужчины с властью в руках.

– Лейтенант, ваши гнусные попытки перехватить власть вынуждают меня отстранить вас от работы. Я позже решу, что с вами делать. А теперь оставьте мостик. Я отстраняю вас до конца смены.

Лида рассмеялась Смирнову в лицо.

– Капитан, вы серьёзно? – спросил со своего места млад-

ший лейтенант Белооков.

– Как и всегда, – твердо отвечал Смирнов.

– Но, капитан, – не сдавался Кирилл, – в условиях чрезвычайного положения, не лучше ли всё оставить как есть, и вернуться к конфликту позже, когда никому из нас не будет угрожать смерть от старости на этом проклятом судне?

Лида с трепетным восхищением поглядела на друга, который, будучи в отчаянье, осмелел настолько, что посмел перечь капитану.

– Младший лейтенант Белооков, – обратился капитан к Кириллу. – Вы знаете, что надо делать?

Кирилл растерял свой боевой настрой под напористым взглядом негодующего взгляда начальника. Он весь будто съёжился и, заикаясь ответил:

– Т-так т-точно, капитан.

– Вот и занимайтесь. А вам, лейтенант, я уже всё сказал.

– В общем, я не ожидала ничего другого, – рассмеялась Лида и как бы ни было ей тяжело, она покинула мостик.

Глава девятнадцатая, три-два-один

Посреди ночи в каюте доктора Сандовал раздался стук в дверь. Это не был обычный кроткий стук, которым незваный гость пытается ненавязчиво сообщить о своём прибытии. Это был стук человека, охваченного паникой. Кто-то истошно колотил в дверь, силясь разбудить хозяев каюты.

Доктор Сандовал, не открывая глаз, потрепала Лиду по плечу.

– Скорее всего, это к тебе, – прошептала Асмия. – В моей лаборатории ничего внезапного произойти не может.

– А как же ваши исследования по ускоренному росту у корнеплодов? – заметила Лида, лениво потягиваясь в постели. – Может, это твой лаборант прибежал сообщить, что вчерашний росток уже дал плоды?!

Асмия рассмеялась.

– Издеваешься? Такому я была бы рада, но это из области фантастики.

Она поцеловала подругу в плечо и вытолкнула из постели.

Лида накинула рубашку и открыла дверь настойчивому человеку за ней. Первое, на что Лида обратила своё внимание, были огромные стеклянные глаза переполненные ужасом. За ними вниманию Лиды предстало бледное и объётое паникой лицо Кирилла Белоокова. Несколько секунд он не мог отдышаться и просто показывал куда-то рукой. Кирилл

никак не мог подобрать слов, он мычал и заикался, сиюсь что-то объяснить.

– Пожалуйста, – взмолился Белооков. – Скорее!

Лида нахмурившись, пару секунд глядела на друга, после чего захлопнула дверь перед его носом.

– Что это было? – спросила доктор Сандовал.

Лида махнула рукой в ответ и принялась одеваться.

– Пойду, погляжу, что так напугало его, – сказала она сонной подруге, стараясь скрыть волнение. – Может, Смирнов окончательно слетел с катушек?!

– Это было бы здорово, – улыбнулась Асмия. – Тогда бы ты взяла управление кораблём в свои руки, и у нас у всех появился бы шанс не умереть.

Лида поцеловала подругу в губы и вышла.

Не разговаривая, они с младшим лейтенантом быстро дошли до мостика. Готовясь к самому худшему, Лида набрала побольше воздуха в легкие, будто перед прыжком в бассейн, ввела код идентификатора на панели, и двери на мостик раздвинулись перед ней.

Лиду встретила оглушительная тишина, сильно удивившая её. Отчего-то она ожидала увидеть на мостике хаос и разруху, крики напуганных членов экипажа и возгласы капитана, упрекающего подчиненных в их несостоятельности.

Сержант сидел за компьютером, закрыв лицо руками. Рядом с ним, удрученно склонив голову на грудь, стоял программист Шамиль. В дальнем углу на полу сидел инженер

Карл Сомович, чьё присутствие вовсе удивило Лиду. Его глаза были закрыты, он медитировал. И, наконец, с лицом Победоносца и самоуверенного дурака, в своём кресле восседал капитан Смирнов. Он в нетерпении постукивал пальцами по подлокотнику. На большом экране шёл обратный отсчет. Это, довершавшее общую картину обстоятельство, окончательно повергло Лиду в ужас.

Она поёжилась, перевела дыхание, оправила форменную рубашку и громко спросила:

– Что произошло?

Капитан Смирнов оглянулся на лейтенанта с удивлением и отвращением. Он искренне надеялся, что, наконец, избавился от назойливой девчонки раз и навсегда.

Смерив Лиду строгим презирающим взглядом, Смирнов решил не удостаивать её ответом. Однако, когда он заметил младшего лейтенанта Белоокова за спиной Лиды, то бросился к нему.

– Я посчитал вас трусом, младший лейтенант, – говорил Смирнов, глядя на подчиненного с презрением, – раз вы бросили свой пост без разрешения. Но вы ещё и глупец, как я погляжу, раз отважились привести сюда лейтенанта Хорошеву. Для чего она вам нужна?

– Вы можете поступать, как вам вздумается, капитан, – ответил Кирилл пересохшим горлом. – Но лейтенант Хорошева единственный человек, который знает, что нам делать. С вашего позволения, сэр, я замечу, что она неоднократно пре-

дупреждала об ошибочности ваших распоряжений и предсказывала последствия, с которыми мы можем столкнуться, и которые не сумеем преодолеть. Что, собственно, и произошло.

Лида одарила своего друга взглядом, исполненным чистой любви. Ей захотелось узнать связана ли перемена всегда правильного и послушного Белоокова с его осознанием высокой вероятности гибели, или здесь главная заслуга скорее относится к самой Лиде, ставшей ярким примером отважного и уверенного в себе человека?

Она встала между капитаном и Кириллом, защищая таким образом друга, подняла глаза на Смирнова и громким, но спокойным голосом спросила:

– Так что же произошло?

– Ничего такого, с чем мы не могли бы справиться, – ответил капитан и, отвернувшись от Лиды, направился к своему креслу.

– Я всё расскажу, лейтенант, – воскликнул сержант и выпрыгнул из-за стола, словно пружина.

Капитана всего перекосило. Он не ожидал, что ещё один его подчиненный осмелится пойти против его приказа и воли. Смирнов обернулся к Лиде и яростно прошипел:

– Вот! Посмотри, что ты натворила! Теперь каждый на мостике думает, что может отказаться от исполнения своих обязанностей! Но приказы здесь не обсуждаются! – Смирнов оглянулся на всех присутствующих и громко закричал. – На

этом корабле я капитан, и вы все должны меня слушаться! Сержант, – обратился он к застывшему в нерешительности юноше, – немедленно вернитесь на своё место, или я вас отстраню от управления кораблём!

Сержант Курник колебался секунду, после чего всё же осмелился закончить свой путь. Он подошёл к Лиде и взволнованным и дрожащим голосом принялся перебирать произошедшие события.

– Мы движемся навстречу крупному объекту. Поле астероидов на экваторе той неизвестной планеты оказалось полным сюрпризов. Большая часть из них это обычные булыжники. Но один из них размером, пожалуй, с Плутон. Мы бы легко разошлись с ним, не будь одного очень важного обстоятельства, которое мы обнаружили после вашего, лейтенант, отстранения.

Сержант замолчал, переживая обиду, ужас и гнев в одно короткое мгновение. Лида внимательно слушала юношу, сощуривав пристальный взгляд. Она уже догадывалась, в чём дело.

– Гигантская планета имеет не шуточную гравитацию, – продолжал сержант Курник. – Мы теряем управление. У корабля появился крен по правому борту, и с каждым часом наклон увеличивается. Мы падаем.

Юноша перевёл дыхание, будто готовясь к самому тяжёлому. Он шумно выдохнул и продолжил:

– Капитан не позволил нам снизить скорость. Мы мчимся

на полной мощности двигателей, и через несколько часов, с учётом угла падения, врежемся в астероид.

Сержант Курник замолчал, хватая ртом воздух. Смирнов больше не пытался его прервать, так что сержант продолжил.

– Но даже не это самое страшное, – говорил юноша дрожащим голосом. – Капитан отдал приказ запустить ядерные ракеты, которые, по его мнению, должны расколоть объект или хотя бы сместить его в сторону.

– Ядерные ракеты? – переспросила Лида, решив, что она просто ослышалась.

Она оглянулась на Шамиля, Карла Сомовича и Кирилла. Мужчины обреченно закивали головами, подтверждая слова сержанта.

– Да, и нам с младшим лейтенантом не удалось объяснить капитану Смирнову, что взрыв на таком малом расстоянии будет иметь последствия и для нас самих.

– Уже идёт обратный отсчет, – Шамиль указал на экран с бегущими цифрами.

– Тебе это нравится, да? – спросил Смирнов, подойдя к Лиде. – Твоя трусость передалась этим бравым мужчинам и сделала их слабыми. Ты дестабилизируешь личный состав. Теперь они ни на что не годные трусы. Именно поэтому женщинам не место на военной службе и в военно-исследовательской экспедиции! И уж тем более таким женщинам, как ты!

Смирнов, довольный собой и брошенными Лиде в лицо

словами, усмехнулся и сложил руки на груди.

– А какая я? – спросила Лида и тоже улыбнулась, стараясь продемонстрировать обидчику, что его слова её не задевают. – Упрямая? Смелая? Не желаю бездумно подчиняться вашим своевольным приказам?

Лида подошла к капитану ближе и заглянула ему в глаза.

– Капитан, вам следует прислушаться к мнению вашей команды и отменить запуск, – тихо сказала Лида. – Отложите вашу личную неприязнь ко мне, как женщине на другое время, когда все мы будем в безопасности.

– Осталось около минуты, – заметил Шамиль.

Смирнов оглянулся на своих подчиненных. Ему было смешно видеть их растерянные лица. Он считал, что ему не повезло возглавить команду пилотов и навигаторов, лишённых внутреннего стержня, и что лишь обладающие определённой степенью закалки смельчаки, стоя плечом к плечу, должны были отправиться в рискованное путешествие за край Солнечной системы.

– Вы все трусы, – с усмешкой произнёс капитан. – Когда мы преодолеем наш путь, вы ещё благодарить меня будете.

Вскочив на ноги, из угла комнаты показался молчаливый инженер-механик Карл Сомович. Он подбежал к Лиде и заговорил негромко, шумно дыша и не почти моргая.

– Это была гонка вооружений, а не попытка совершить научный прорыв. Нас жестоко обманули, и вот этот человек, – Карл кивнул в сторону капитана, – тому яркое дока-

зательство. Наш корабль стал результатом упорных трудов номенклатурного аппарата по урезанию бюджета и сокращению сроков. Лучше всего им это удалось при наружной обшивке. Пластины из каллестиния едва покрывают мостик и несколько спасательных шаттлов. А это значит, что когда ракеты взорвутся, и если им удастся отклонить астероид, мы войдём прямиков в облако тяжелой радиации, которая паразит всех нас, – Карл Сомович глубоко вдохнул и продолжил. – Притяжение гигантской планеты сбивает нашу навигационную систему, и мы теряем маневренность по мере приближения. Мы падаем на поверхность этого гиганта. Так что, если мы ничего не придумаем, какая-то часть пассажиров погибнет от облучения радиацией, а те кто выживет, будут раздавлены мощной гравитацией неизвестного гиганта.

Лида рассмеялась и обернулась на Шамиля:

– Ты был прав! Они запустили людей в космос, сдали отчет, а всё остальное их совершенно не беспокоит. Капитан, – обратилась Лида к Смирнову. – Я прошу вас – отмените запуск!

– Я должен быть честен, – Смирнов поглядел на Лиду и членов экипажа. – Вы все умные люди и говорите разумные вещи. Возможно, в ваших словах даже есть смысл. Не думаю, что вы пытаетесь просто запугать меня. Так что, я скажу вам правду. Я бы ввёл код отмены, если бы он существовал.

Над мостиком разнеслось гулкое грудное «ах», после чего повисла тяжелая тишина. Лида посмотрела на экран, на ко-

тором неумолимо таяли секунды. Три, две, одна... Корабль пронзила едва ощутимая вибрация. Десятки ядерных зарядов вырвались из бойниц и устремились к цели.

Глава двадцатая, манёвр

Лида бросилась к своему компьютеру, задала параметры скорости и скомандовала компьютеру рассчитать время, за которое корабль совершит полную остановку. Программа произвела расчет и через несколько секунд выдала результат, что корабль сумеет остановиться через час с несколькими минутами.

В это же время Шамиль занял место сержанта Курника, задал параметры для вычисления и, когда компьютер справился с поставленной задачей, вывел на экран два таймера. Первый отсчитывал время до момента, когда ракеты достигнут астероида, а второй – мгновение, когда «Циолковско-го-3» окажется в точке координат взорванного астероида.

Лида взглянула на результаты.

– Инерция слишком велика, – вздохнула она. – Мы остановимся прямо в эпицентре взрыва.

Она закрыла глаза и постаралась выровнять взволнованное дыхание. Гудящая тишина давила на уши, мужчины тихо о чём-то перешептывались.

– Полная остановка невозможна, – говорил низким грудным голосом Карл Сомович. – Скажи ей, – настаивал он, обращаясь к Шамилю. – Нас всё равно будет притягивать. Мы уже во власти гравитационного поля планеты-гиганта.

Лида ухватилась за эту мысль и попыталась найти реше-

ние, опираясь на новую информацию. Откуда-то издалека до её слуха донесся голос капитана, надменно насмехающегося над Лидой.

– Вы снова сеете панику, дорогуша, – с усмешкой в голосе произнес Смирнов. – Ваша женская натура склонна всё драматизировать. А между тем, я знаю, что нужно делать. Кто-нибудь, – обратился он к подчиненным. – Отдайте приказ замедлить ход двигателей. Так мы подлетим к зоне поражения, когда всё уже развеется.

Лида вздрогнула. Голос Смирнова вызвал у неё вспышку обжигающей ярости. Адреналин растекался по её телу, приводя нервные клетки в возбуждение. Лида тяжело задышала, стараясь справиться с желанием наброситься на глупого человека, весь путь подталкивающего экспедицию к неминуемой гибели.

– Я работала с вами много лет, капитан, и многому у вас научилась, – произнесла Лида взволнованным голосом. – Например, упрямству и отстаиванию своей точки зрения до конца. Правда, между нами есть некоторая разница. Вы упрямо совершаете одну ошибку за другой, стремясь нас убить. А я стараюсь всё исправить и дать нам шанс хотя бы выжить. О возвращении домой, на которое вы так рассчитывали, капитан, я даже не говорю, поскольку вашими стараниями мы оказались в чужой и неизученной звёздной системе. И я вам не дорогуша. Своего звания лейтенанта военно-космических сил и пилота межгалактического корабля я доби-

лась сама долгим и упорным трудом. Мне не понадобились связи, чтобы мою кандидатуру утвердили в эту миссию, которую вы так усердно заваливаете. Поэтому я требую от вас уважительного отношения ко мне, прошу вас сложить полномочия и дать нам всем возможность спасти корабль и всех пассажиров на его борту.

Лида замолчала, почти не слыша ничего вокруг, из-за грохота собственного сердца, пульсировавшего в артериях за ушами. Она огляделась по сторонам, озарённая внезапной идеей. Адреналин, подстегнувший Лиду осмелиться и высказать капитану в лицо всё то, что она о нём думала, оказал благотворное влияние на её мозговую деятельность, и решение задачи не из лёгких вдруг оказалось невероятно изящным и простым.

– Наивные глупцы! – рассмеялась Лида, оглядываясь на своих коллег. – Мы полагали, что всё знаем о космосе и смело бросились покорять его просторы. А меж тем, Вселенная подкинула нам невероятный сюрприз! Это почти как получить долгожданный подарок на Новый год!

– Девчонка сошла с ума, – усмехнулся Смирнов. – Ничего удивительного.

Лида не обратила внимания на слова капитана. Она подошла к сержанту и, положив руку ему на плечо, продолжала.

– Представь, что ты идёшь по пустыне в жаркий день. Идти очень-очень далеко. Тебя мучает жажда. Ты находишь крохотное озеро, думая, что в нём таится живительная вла-

га. Обрадовавшись, ты прыгаешь в него с головой, а когда выныриваешь, то обнаруживаешь, что оказался на северном полюсе.

Сержант Курник несколько секунд хлопал глазами, обдумывая слова лейтенанта. Лида терпеливо ждала, когда пластичный ум самого молодого члена экипажа адаптирует метафору к действительности. Она знала, что именно сержант поймёт её, благодаря открытости своего мышления.

– Я могу предположить, что озеро таковым не являлось, – протянул сержант задумчиво, – это был своего рода вход в другое пространство-время. Скопления тёмной материи могут образовывать колодцы, или тоннели, соединяющие разные точки пространства во Вселенной. Это принцип моста Эйнштейна-Розена, – заключил юноша, удивлённо и восторженно глядя на Лиду.

– Но это лишь теория, не имеющая ни каких доказательств, – запротестовал младший лейтенант Белооков. – Ни один эксперимент по искривлению пространства не сумел подтвердить эту гипотезу.

Лида подошла к компьютеру и привела в действие механизм металлических ставень. В панорамном окне зажглась точка Денеба, освещавшая свои планеты-спутники.

– Повтори это теперь, – усмехнулась Лида.

Кирилл с отвращением поглядел на Вселенский пейзаж, после чего, разозлившись, отвернулся. Его пугал этот чужой вид и напоминал о том, о чём он боялся думать. Вероятно,

он никогда не вернётся домой.

Лида запросила у сержанта снимки с телескопа, сканировавшего пространство вокруг в инфракрасном и рентгеновском излучении. Она внимательно просмотрела снимки и обнаружила пятно, не излучавшее ни единого кванта.

– Где оно находится? – спросила Лида у сержанта.

Юноша некоторое время определял координаты, после чего удивлённо оглянулся на Лиду.

– Позади нас, – прошептал сержант и громко сглотнул. – Это те координаты, которые начала фиксировать навигационная система, когда, наконец, заработала.

– Значит, – подытожил Шамиль, – мы отдаляемся от предполагаемой точки выхода из гиперпространства.

Сержант закивал.

– Выходит, – несмело выдохнул Кирилл, – если мы развернёмся и направимся обратно, – тут он ткнул пальцем в черное пятно на снимке, – то сможем вернуться... сможем вернуться.. – голос Белоокова задрожал, он откашлялся и прохрипел, – мы вернёмся домой?!

Лида кивнула в ответ.

– Конечно, – сказал Шамиль, подшучивая над младшим лейтенантом. – Это всего лишь теория.

Кирилл ударил программиста по плечу и сел в своё кресло, чтобы прийти в себя. Он был крайне взволнован, напуган и рад.

– У нас много работы, – объявила Лида, усаживаясь в своё

кресло и пристёгивая ремни. – Начнём с подготовки двигателей, – продолжала она, оглядываясь на инженера Карла Сомовича. – Мы не станем снижать скорость, однако по моей команде необходимо активировать торможение по правому борту.

– Но нас перевернёт, – ответил худощавый инженер.

– Значит, надо пристегнуться, – ответила Лида, с холодной уверенностью глядя в глаза Карлу Сомовичу.

Инженер некоторое время молчал и глядел на лейтенанта с недоумением. В одно мгновение в его черных зрачках вдруг зажглась ясность, а черты лица смягчились и расплылись в едва заметной улыбке.

– Нужно не тормозить, а просто развернуть тягу двигателей по правому борту, – прозвучал задумчивый голос Карлсона. – Таким образом, мы сможем сменить курс.

Карл Сомович вдруг нахмурил брови и закусил нижнюю губу.

– Я ещё пока не знаю, – тихо протянул он, – как нам зафиксировать полученное положение корабля и не войти в неконтролируемое вращение. Но если всё получится, мы продолжим полёт, не совершая полной остановки, и будем двигаться вспять на средней скорости.

– Отлично, давайте приступать, – воодушевленно закивала Лида.

Шамиль восторженно хлопнул в ладоши и кинулся к своему компьютеру.

– Вот что бывает, когда умные люди берутся за дело, – говорил программист. – Все знают, что нужно делать. Я напишу для вас подпрограмму, которая рассчитает время и точный угол вращения для каждого двигателя. Думаю, компьютер поможет войти в разворот наиболее плавно и, затем, вовремя из него выйти. Так что, дорогие мои, – Шамиль хрустнул костяшками пальцев, – вам даже не нужно будет управлять разворотом вручную.

По истечении тридцати минут все вычисления были сделаны, данные собраны, обработаны и пущены в работу. Лида скомандовала приступить к маневру, младший лейтенант Белооков нажал на кнопку «старт», и компьютер, бесшумно обработав команду, приступил к её выполнению.

Грозная громадина стремглав неслась в безмолвии ледяного космоса. Корабль «Циолковский-3» продолжал своё движение, будто не замечая попыток экипажа что-либо изменить. Правые двигатели, задний и передний, были развернуты в положение реверса, создавая обратную тягу. Подача энергии в двигатели по левому борту была снижена, их скорость заметно сокращалась. И когда сила противодействия превысила инерцию, экипаж на мостике ощутил не большой толчок.

Лида наклонилась к микрофону и спокойным голосом призвала пассажиров корабля занять страховочные кресла и пристегнуться.

– Мы готовимся к совершению маневра, во время кото-

рого возможна потеря устойчивости корабля и могут наблюдаться сбои в работе гравитационной платформы.

Шамиль включил камеры наблюдения. Пассажиры «Циолковского-3» послушно исполнили поручение своего нового командира.

– Бьюсь об заклад, – засмеялся Шамиль, – если бы эти слова произнёс Смирнов, такой картины мы бы не увидели.

Прошло ещё нескольких минут и корабль начал медленно разворачиваться. Металлическая громадина делала это неохотно, неуклюже, со стоном и массой неприятных вибраций.

Капитан Смирнов, долгое время наблюдавший за слаженной работой своей команды, испытывал острый приступ зависти. Экипаж трудился с охотой и увлеченностью, разрешая сложные задачи, и безоговорочно принимал к исполнению приказы лейтенанта Хорошевой. Смирнов не мог вынести такого положения дел. Лётная комиссия наделила властью именно его, присвоила звание капитана корабля именно ему! Но вдруг на пути Смирнова возникла эта девчонка, которая то и дело компрометирует его, перечит, выпячивает свои знания, выставляя его дураком в глазах подчиненных, и тем самым ставит под сомнение его авторитет, как капитана корабля.

Смирнов решил не подчиняться своему заместителю и пропустил мимо ушей просьбу пристегнуть ремни. Он принялся прохаживаться на мостике взад-вперёд, бурча под нос

проклятия.

– Вас ждёт на Земле трибунал. Всех вас! Это не подчинение! Это захват власти! Как можно?! Вас всех слишком плохо воспитывали. Когда я учился в военной академии, за одно слово поперек воли старшего по званию нас пороли, нас наказывали так, что отпадало всякое желание противоречить.

Корабль тряхнуло, Смирнов с трудом удержал равновесие, уцепившись руками за кресло сержанта Курника. Он выпрямился, оправил китель и продолжал изливать желчь:

– Всеми виной реформа образования! И вот что мы имеем! Неуважение к старшему товарищу, никакого соблюдения субординации. Но впрочем, делайте ребятки, что вам вздумается! Я составлю протокол на каждого из вас, и вас будут судить.

В это время корабль достиг пиковой фазы разворота. Программа, прописанная Шамилем, дала команду отключения обратной тяги, и двигатели по правому борту развернулись, приняв обычное положение. Выравнивая ход, корабль задрожал и немного завалился на бок. Лида дала распоряжение отключить гравитационную платформу, чтобы не тратить энергию сгорающего топлива зря.

Услышав это, Смирнов поспешил добежать до своего кресла, впрыгнул в него и пристегнул ремни. Он ещё пробовал протестовать, но вскоре затих.

Спустя ещё полчаса «Циолковский-3» завершил разворот, и корабль неспешно поплыл вспять, возвращаясь к скоп-

лению вещества, полностью поглощавшего свет.

Лида вернула кораблю притяжение и разрешила пассажирам покинуть страховочные кресла. Экипаж мостика восторженно зааплодировал, поздравляя друг друга и своего лейтенанта с успешно выполненным манёвром. Но Лида быстро пресекла вольность команды. Её внимание привлекла красная точка, заморгавшая на большом экране. Она обернулась, затаив дыхание. Один из таймеров дошёл до нуля.

– Ракеты достигли астероида, – заключил сержант Курник.

Глава двадцать первая, Капитан Мертвец

«Не всё должно заканчиваться плохо» повторяла Лида слова своей подруги. И это верно. Жизнь Лиды, как и жизни сотни человек на борту «Циолковского-3» не могут в один миг прерваться. Это не честно! Все эти люди усердно трудились многие годы, чтобы вырваться в глубины враждебного, но такого магически притягательного космоса, что будет не честно и не справедливо, умереть в самом начале пути.

Молчание затягивалось. Будто все ждали, что как только этот таймер обнулится, начнёт происходить что-то ужасное. Но никаких изменений не наступало, и от волнующей неизвестности напряжение только усиливалось.

Раздался пульсирующий сигнал одного из датчиков. С замиранием в сердце Лида подняла глаза на экран, отражавший возникшее изменение.

– Это датчик радиации, – озвучил Кирилл удивлённо. – Почему сработал датчик радиации?

Сержант Курник вывел на экран изображение эхолокатора. Позади корабля разлетелся на осколки громоздкий астероид. Поддавшись импульсу взрыва, его брызги распределились неравномерным сферой. Рано или поздно всеобъемлющие волны гравитации медленно и неумолимо притянут ча-

стицы расколовшейся каменной глыбы, чтобы сине-зелёный прожорливый гигант рано или поздно поглотил их. Неукротимые волны радиации от залпа ядерных ракет, охватили собой в десятки раз большую территорию, и смогли дотянуться до кормы убегающего корабля.

– Взрывная волна, – процедил сквозь зажатые челюсти сержант. – Радиация уже здесь. А скоро до нас дойдет ударная волна.

Лида подумала о докторе Сандовал. Они простились, когда ещё была ночь. Сейчас Асмия уже в лаборатории, разговаривает с только что проросшими растениями, руководит новыми посадками, занимается сбором урожая. Почему они не встретились на Земле? Тогда бы перед ними предстала совершенно другая жизнь, полная радости от совместного проживания, преодоления бытовых трудностей, и огромный сад, залитый теплым солнечным светом, в котором Лида вместе с верной подругой коротали бы долгие летние дни. Почему они не встретились на Земле?

– Здесь мы в безопасности, – фыркнул капитан, как бы посмеиваясь над испуганными подчиненными.

– А что же с нашими пассажирами? – Лида поглядела на капитана в упор.

– Раз вы спрашиваете, – махнул рукой Смирнов, – вы и придумайте что-нибудь.

Лида удивлённо смотрела на начальника. Всякий раз ей кажется, что Смирнов уже больше ничем удивить её не смо-

жет. Но всякий раз, он пробивает очередное дно своего бесчеловечного и эгоцентричного поведения, чем неминуемо удивляет Лиду.

– Мы сделали не мало, – продолжал капитан. – Прошли сквозь неизученный объект, собрали очень важные данные. Ещё никто из Землян не достигал того, что удалось совершить нам! Мы выполнили нашу миссию и можем вернуться домой. Так что, лейтенант, потрудитесь над этим.

– Ну почему? Почему вы вообще отправились в экспедицию, если всё о чём вы можете думать, это поскорее вернуться домой? – изумилась Лида.

– Я думаю, – вмешался Шамиль, – ты спрашиваешь не о том.

Программист поднялся из-за стола и, сложив руки на груди, посмотрел на капитана с изумлением и призрением.

– Он знал, – выдавил из себя Шамиль. – Он с самого начала знал, что мы должны направить корабль в это пятно. Мерзавец! Они все мерзавцы! – Шамиль схватился за голову. – Как же я мог так наивно согласиться на эту работу? Я должен был догадаться! Должен был! Лейтенант! – обратился Шамиль к Лиде голосом, в котором ощущалось разочарование и обреченность. – Они готовы были рискнуть жизнями людей, чтобы узнать, что скрывает за собой пылевое облако! Они рискнули нашими жизнями!

Лида переводила взгляд с Шамиля, менявшегося в лице каждую секунду, на капитана, с наглой ухмылкой восседав-

шего в своём кресле.

– Это правда? – спросила Лида у Смирнова.

Капитан поднял глаза на своего заместителя. Это был взгляд самовлюбленного, отравленного властью человека. Он улыбался кривой усмешкой и в ответ на испуганный и недоумевающий взгляд Лиды смотрел с надменным восторгом победителя.

– Вы слишком наивны, – процедил сквозь зубы Смирнов. – Юны и наивны. Ваш эгоцентризм не поддается объяснению. Мните себя гениями и уникальными личностями. Но вы всего лишь орудие. Винтики в огромной машине. Как вы этого не поймёте? Партия возвращает вас, вкладывает в вас знания и задаёт направление для вашего роста. И вы обязаны отплатить ей. Скулите здесь, как щенки! Нас бросили! Нас обманом заставили рисковать своими жизнями! – передразнил Смирнов Шамиля и громко расхохотался. – Это ваш долг! Ваша прямая обязанность – вознести свою жизнь на алтарь науки и будущего! Только так наша держава может развиваться, расцветать и устремляться к будущему, к прогрессу!

– Бросьте эти пафосные речи, капитан, – прервала начальника Лида. – Мы не на политпросвещении. Просто объясните сейчас, когда уже ничего невозможно исправить, просто скажите, отчего нельзя было рассказать нам правду в начале пути?

Смирнов поглядел на Лиду, как взрослые смотрят на

несмышлёных детей.

– А вы бы согласились рискнуть? Хоть один из вас, умников?

Кирилл Белооков, обернувшись со своего места, глядел на капитана мутным взглядом. В одно мгновение он подскочил, преодолел пару метров одним прыжком, и набросился на капитана Смирнова, пытаясь придушить того.

– У меня маленькие дети на Земле! Подонок! – кричал младший лейтенант. – Маленькие дети! Маленькие дети!

Лида и Шамиль оттащили Белоокова от капитана.

Смирнов откашлялся, поправил ворот униформы и ответил, поджав губы:

– Не устраивайте истерик, юноша. О ваших детях позаботятся, если вы не вернётесь домой. Им расскажут о героизме отца, и возможно, они пойдут по вашим стопам.

Смирнов сложил руки на груди и поджал губы. Лида наблюдала за капитаном пару минут и заметила, что даже в порыве неожиданного откровения, лицо Смирнова подёрнуто тайной. Она не знала в чём дело, но ей показалось странным, что человек, жаждавший вернуться домой, решился на такую отчаянную авантюру. Спустя какую-то долю секунды разум Лиды просиял от пришедшей мысли.

– Вы тоже не знали, – произнесла она, поглядев в серые и напуганные глаза.

Смирнов попытался отвернуться и скрыться от пронзительного взгляда своего лейтенанта, но ему это не удалось.

– Вы были обмануты так же, как все мы. Командование прислало вам истинное задание после отправления. Верно?

Смирнов не отвечал, и Лида продолжала.

– Вы военный человек и не осмелились возражать, взамен вам наобещали орден, звание, солидную пенсию.

Капитан фыркнул и с ненавистью поглядел на Лиду.

– Приказы не обсуждаются, – бросил Смирнов в ответ и отвернулся, не желая более говорить.

Лида схватилась за голову руками и закрыла глаза. Всё о чём она могла думать, это была доктор Сандовал. Её чувственное женственное лицо стояло перед глазами. Лида должна защитить свою возлюбленную, вернуть её домой в безопасности. Но она ощущала себя обескураженной и раздавленной и не имела никакого понятия, как всё исправить?

– Если мы не вернёмся, – бормотал Шамиль, – они просто пошлют следующую группу. Им это легко, проклятые канцелярские крысы! Они играют жизнями людей, как бездушными фигурками в шахматной партии.

– Перестань, – выдавил из себя младший лейтенант Белооков. – Замолчи. Хватит нести чушь!

Шамиль подбежал к Кириллу и, наклонившись к его лицу, процедил сквозь зубы:

– Ты боишься, что нас услышат? Что нас накажут? Как бы не так! – программист рассмеялся в лицо Белоокова. – Нас уже наказали! Нас послали на смерть! Мы для них всего лишь подопытные мартышки!

Шамиль переменялся в лице, словно на него снизошло озарение. Он отпрянул от младшего лейтенанта и рывком направился к Смирнову.

– А ты глупец, капитан! – Шамиль расхохотался и схватил Смирнова за плечи. – Каков глупец!

– Вам стоит следить за своими словами, – небрежно кинул капитан, стараясь выглядеть непринужденно.

– Скажи-ка мне, приятель, – нервно хихикая, продолжал Шамиль. – Ты настолько туп, как я полагаю?

– Прекратите немедленно, юноша. Ведите себя достойно, – капитан попытался высвободиться из цепких рук разгневанного программиста.

– Глупый военный человек! Твой мозг способен воспринимать только приказы сверху и исполнять их. Твоё крошечное сознание не способно функционировать самостоятельно.

Шамиль отпустил капитана и повернулся к нему спиной.

– Но я не удивлён. Ведь именно такие люди как ты могут служить в угоду беспощадной машине власти, перемалывающей человеческие жизни в прах.

– Перестаньте молоть чушь, юноша, – капитан продолжал держаться с горделивой самоуверенностью.

– Как скажешь, капитан, – снова расхохотался Шамиль. – Капитан мертвец!

Он обернулся на Смирнова, лицо которого онемело и побледнело.

– О! Вы только поглядите на него! Кажется, наш высокопоставленный разумник понял, что я хочу ему сказать. Скажи мне, капитан, почему, когда ты получил приказ о смене маршрута, ты не посчитал нужным посоветоваться с нами? Рассказать всё, как есть? Почему?

Шамиль вышагивал взад-вперёд, заламывая себе руки, хватаясь за голову, срываясь на крик и заливаясь истерическим смехом.

– Почему? Почему? Ну почему ты продолжал раз за разом отстранять единственного человека, который пытался сохранить наши жизни? Почему ты продолжал спорить, если не понимал сути дела? Почему ты запустил эти чёртовы ракеты? Почему?

– Прекратите истерику сейчас же! – взвизгнул Смирнов, потеря власть над ситуацией и самим собой.

Шамиль подбежал к нему, замахнувшись кулаком, но остановил себя и продолжил измерять помещение широкими шагами.

– Могу поспорить, – усмехался он, – что ты до последнего считал себя важной шишкой! О да! Поглядите на него! Настоящий капитан экспедиции! Ты так был занят самолюбованием, упивался своей властью, что твой крошечный мозг не заметил, что ты часть команды этого корабля, набитого смертниками. Мы все мертвецы здесь! Это лишь вопрос времени. И я полагаю, ждать осталось недолго.

Шамиль замолчал, тяжело отдуваясь. Адреналин в крови

иссяк, и он обессиленно повалился в ближайшее свободное кресло.

Смирнов казался растерянным и напуганным. Не пытаясь оправдаться или возразить, он рассеянным взглядом уставился в пол и надолго замолчал.

– Спасательные шаттлы, – прошептал Карл Сомович.

В грузной тишине его слова разнеслись над мостиком как раскаты грома.

Он подождал, пока на него обратят внимание.

Лида, стоявшая всё это время с плотно сжатыми глазами, погрузилась в своё отчаянье и тонула в нём, захлебываясь паникой и страхом. Она уже была готова сдаться, опустить руки, но голос инженера, как спасательный канат, вытянул её на поверхность. Сбросив оцепенение, Лида обернулась и вопросительно посмотрела на инженера.

– Спасательные шаттлы, – повторил мужчина и едва заметно улыбнулся уголками губ. – Они произведены на немецкой судостроительной верфи на орбите Марса и покрыты высокопрочным сплавом из титана и каллистиния. Это самая безопасная часть нашего корабля. Пассажиры могут укрыться там, пока мы не покинем область поражения.

Лида улыбнулась Карлу, глазами благодаря его за то, что в эту трудную минуту он один не потерял присутствие духа. Лида подошла к пульту управления, включила микрофон и сообщила пассажирам, что корабль входит в опасную зону, и для безопасности всем пассажирам следует проследовать

в спасательные шаттлы.

– Это не учения, – твердила Лида, прижавшись губами к микрофону. – Повторяю, это не учения. Возьмите с собой самое необходимое и проследуйте на спасательные шаттлы. Сохраняйте спокойствие и не поддавайтесь панике.

На мостике раздался громкий стук. Лида оглянулась по сторонам, ища, причину шума. Воцарившуюся тишину снова разорвал настойчивый стук. Грохот повторялся раз за разом, становясь настойчивее, и тогда стало понятно, что кто-то стучится в дверь.

Белооков, не вставая с места, открыл двери, и на мостик вбежала взволнованная доктор Сандовал. Она набросилась на Лиду, охватив крепкими объятиями, и принялась шептать слова, исполненные страхом и радостью. Спустя мгновение доктор Сандовал сделала шаг назад, поправила длинные волосы и строгим голосом спросила у Лиды:

– Что происходит?

– Конечно, только вас тут не хватало, – подал голос капитан Смирнов.

Он вылез из своего кресла и, вальяжно вышагивая, подошёл к доктору Сандовал.

– Идите, занимайтесь своими цветочками, не мешайте работать! Капитанский мостик не просто так называется капитанским.

Лида засмеялась и отмахнулась от назойливого капитана. Она вытолкала Шамиля со своего кресла и усадила в него

подругу.

– Здесь самое безопасное место, – пояснила она. – Но мне нужно работать, чтобы весь корабль снова был безопасным для каждого пассажира.

Асмия понятливо кивнула.

– Я рада, что ты пришла, – шепнула Лида и, не сдерживая себя, поцеловала подругу в губы.

Глава двадцать вторая, эвакуация

На «Циолковском-3» среди пассажиров царил некоторая суматоха. Люди принялись исполнять поручение лейтенанта, но делали это лениво и не торопясь, совершенно не воспринимая внезапные сборы, как экстренную эвакуацию. Пассажиры не знали, что нужно брать с собой, и из-за этого ходили друг за другом, обсуждая абсурдность ситуации. В какой-то момент, собралась группа единомышленников, решивших, что это что-то не серьёзное, а потому можно и во все проигнорировать приказ. Другие же решили потратить время в изоляции с пользой, и начали массово сносить в шаттлы запасы алкоголя и закуски, которые только смогли достать в кухне, оставленной поварами без присмотра.

Были те, что отнеслись к эвакуации с должной степенью серьёзности. Они оперативно собрали необходимые личные вещи, организованно проследовали на один из шаттлов и заперлись там, в ожидании конца. Или отмены эвакуации.

Но всех этих людей объединяла одна мысль, один вопрос. Что такое может произойти, – или уже произошло, – что впервые за девять месяцев полёта потребовалось проводить учения и эвакуацию?

Ответ не заставил долго себя ждать.

Гигантская глыба, вероятно миллионы лет водившая хоровод вокруг своей планеты, внезапно оказалась на пути ка-

питана Смирнова, и тот решил её взорвать, ни на секунду не задумавшись о последствиях. Примитивный каменный спутник неизвестной планеты разлетелся на множество частей, самые крохотные из которых были наделены высокой инерционной скоростью и сумели догнать корабль, ворвавшийся в мирное существование астероидного кольца. Разогретые и оплавленные жаром ядерного взрыва, они неслись на огромной скорости сквозь ледяное пространство, и прорезали металлические конструкции межзвёздного корабля, словно нож, нарезающий масло.

Один из осколков прорезал обшивку и стальную стену корабля, задел электропроводку, разнёс купол химической лаборатории и прорезал хрупкую шею лаборанта, оставленного следить за поставленными опытами. Лаборант был чрезвычайно увлечен протекавшей реакцией в колбе, что поначалу не сообразил, что произошло. Он ощутил боль, когда заметил, что его алая кровь заливает рабочий стол и все реактивы, расставленные на нём. Лаборант коротко ахнул и упал замертво. Неконтролируемая химическая реакция покинула купол лаборатории и стала набирать масштабы. Едкий газ, который выделялся в ходе смешивания редких веществ, вызывал острый приступ кашля и мучительную смерть у тех несчастных, которые оказались в зоне поражения. Но эта трагедия была почти не видна на фоне той, что разворачивалась в другой части «Циолковского-3».

Ещё один осколок прорезал обшивку в корме «Циолков-

ского-3» и угадил напрямиком в бак с топливной плазмой. Высвобождаясь из-под давления, плазма преобразовывалась в газ, который быстро заполнил собой всё пространство вокруг. Молекулам газа становилось тесно, от постоянного трения друг о друга они начинали вибрировать и раздражаться. Так что, когда хвост «Циолковского-3» поразил ещё один, совершенно крошечный осколок совершенно не мстительной каменной глыбы, и возникла абсолютно незначительная искра, этого оказалось достаточно, чтобы газ молниеносно вспыхнул, и прогремел оглушительный взрыв.

Волна от взрыва прокатилась по всему кораблю. На мостике Лида потеряла равновесие и упала, ударившись головой. В ушах гулко зазвенело, а перед глазами будто кто-то развесил чёрную вуаль.

Лида пришла в себя, когда доктор Сандовал хлёстко шлёпнула её по щеке.

– Вот что бывает, если игнорировать технику безопасности! – улыбаясь, сказала Асмия и помогла подруге подняться.

– Что произошло? – спросила Лида.

Экипаж озабоченно молчал, и она повторила свой вопрос.

Сержант Курник подошёл к ней на ватных ногах и со слезами на глазах коротко рассказал о повреждениях корабля.

Лида замерла, обдумывая вероятность, при которой с одной немногочисленной группой людей может произойти столько не тривиальных событий. Мир в очередной раз пе-

ревернул с ног на голову. Может, правы были те люди, которые предрекали миссии неблагоприятный исход, если корабль назовут «Циолковский-3»?

Лида не заметила, как Асмия отвела и усадила её в кресло. Она не замечала, как младший лейтенант Белооков пытался напоить её водой, а Шамиль, вскрыв тубик с нашатырём и залив едкой жидкостью рукава форменной рубашки, размазывал руками перед её лицом.

«Бак с топливной плазмой разнесло в клочья. Топлива почти не осталось. Корабль вошёл в неконтролируемое вращение. Связи с пассажирами нет».

«Бак с топливной плазмой разнесло в клочья. Топлива почти не осталось. Корабль вошёл в неконтролируемое вращение. Связи с пассажирами нет».

«Бак с топливной плазмой разнесло в клочья. Топлива почти не осталось. Корабль вошёл в неконтролируемое вращение. Связи с пассажирами нет».

«Бак с топливной плазмой...»

Лида повторяла в голове слова сержанта, будто пытаясь переварить их и осознать. После десяти повторений Лиде стало казаться, что этого просто не может быть. Ну как же они полетят без топлива? Как они вернуться домой без топлива? Как вообще что-либо можно делать без топлива?

На мгновение Лида посмотрела на всё происходящее со стороны и ужаснулась тому, что увидела и поняла. Они были погребены заживо. Около сотни людей запечатаны в огром-

ной консервной банке, в глубине безжалостного, не прощающего ошибок космоса. Они все живы и мертвы одновременно.

Лида пришла в себя и попросила включить внутренние камеры наблюдения. Сержант Курник дрожащими руками стал переключать изображения. На черном экране светилась табличка с номером видеокамеры и горели безразличные буквы: «Нет сигнала». Юноша нажимал кнопку на клавиатуре раз за разом, экран моргал, на табличке переключался порядковый номер, но не происходило никаких изменений.

Гнетущая тишина нависла над мостиком. Экипаж столпился за спиной Лиды и сержанта. Внезапно экран загорелся черно-белой картинкой. Камера из коридора в хвостовой части демонстрировала как множество кусков корабля, парят в невесомости, проплывая мимо объектива.

– Отсек полностью разгерметизирован, – заметил сержант.

Он шмыгнул носом, протёр глаза, смахивая скопившиеся слёзы, и продолжил переключать камеры. Сигнал с несколькими последующими камерами был утерян. Сержант нажал в очередной раз на клавишу переключения, и вдруг вспыхнула долгожданная картинка. Поначалу никто не понял, что они видят. Видео казалось застывшим стоп-кадром. Но когда зрители на мостике поняли, что на что смотрят их глаза, их пробило холодным потом.

Мертвые тела пассажиров были разложены на полу и

накрыты окровавленными халатами, простынями и просто одеждой.

– Это люфт между кормой и посадочной платформой на третий спасательный шаттл, – сказала Лида. – Там должно быть ещё три или четыре точки наблюдения. Переключи на них.

Сержант, продолжая хлюпать носом, выбрал в главном меню программы нужные видеокамеры и включил запись.

Корпус третьего шаттла, самого переполненного, поскольку именно здесь собрался широкий круг любителей вечеринок, прошило осколками после взрыва топливного отсека. Разгоряченные и опьяненные весельем пассажиры метались взад-вперёд по шаттлу, силясь увернуться от осколков. Многолюдной толпой они скопились в дверях, пытаясь вернуться на посадочную платформу корабля. Охваченные паникой, пассажиры расталкивали друг друга и прикрывались друг другом, как щитами, защищаясь от осколков.

Когда арт-обстрел фрагментами кормовой части корабля прекратился, а панику удалось подавить, бригада активистов, впрыгнув в скафандры, выдвинулась искать выживших и оказывать помощь раненым. Они разложили на платформе десятка два тел, окровавленных и окоченевших с застывшим ужасом на лицах, чтобы пересчитать потери и идентифицировать погибших.

Мужчины на мостике отвернулись от экрана. Их лица сковало ужасом, а сами они не имели ни малейшего понятия,

что делать дальше. Лида поглядела на Смирнова, который словно даже не замечал того ужаса, что творился на записи с камер видеонаблюдения. Лида попросила сержанта включить звук. Изображение катастрофы, дополненное криками ужасов, привлекло внимание капитана.

– Что скажете теперь? – спросила Лида, подойдя к Смирнову.

Она возвышалась над ним, уперев руки в бока и глядя сверху вниз. Маленький и ничтожный человек усмехнулся и, сложив руки на груди, спросил:

– Лейтенант, я знаю, что между нами в своё время возникла конфронтация, потому что вы претендовали на место капитана, но вам выделили роль моего помощника. Вам стоило бы с большим достоинством отнестись к сложившейся ситуации.

Лида замерла в недоумении, пытаясь понять, а каком достоинстве говорит ей капитан. Она подумала, что, вероятно, Смирнов тронулся умом и совершенно не понимает, что произошло.

– Смирнов, – вкрадчивым тоном произнесла Лида, наклонившись к нему, – вы хоть отдаёте себе отчёт в том, что ваши упрямство, глупость и безграмотное руководство уничтожили корабль и всех людей, находящихся на нём? Вы понимаете, что всего этого можно было избежать, если б вы хоть иногда прислушивались к тому, что вам говорят?

Смирнов помолчал какое-то время. Затем его глаза

вспыхнули надменной усмешкой.

– Вот женщины! – воскликнул он и рассмеялся. – Любите вы причитать! Вместо того, чтобы решать проблему, вам просто необходимо судачить о том, что нужно было сделать, чтобы её предотвратить. Задним умом, как говорится, все крепки.

Смирнов оглянулся на мужчин, надеясь отыскать поддержку в их глазах, но его встретили холодные презирующие взгляды. Он замялся и бросил на Лиду сконфуженный взгляд.

– Значит, – выдохнула Лида, раздумывая над словами начальника. – Значит, я начну решать первую из текущих проблем. Смирнов! – Лида отчеканила фамилию начальника громким холодным голосом. – Я отстраняю вас и принимаю дальнейшее командование миссией на себя. Я обвиняю вас в причинении умышленного вреда кораблю, миссии и экипажу. Я обвиняю вас в гибели всех этих невинных людей. Я помещаю вас под стражу. Если мы каким-то чудом доберёмся до Земли, суд решит, что с вами делать дальше. Надейтесь, что нам удастся вернуться. Была б моя воля, я бы выкинула вас, Смирнов, в открытый космос.

Лида сделала Кириллу знак рукой и, младший лейтенант Белооков, вынув из сейфа наручники, надел их Смирнову на запястья.

Глава двадцать третья, «не обязательно всё должно заканчиваться плохо»

Разбитый звездолёт медленно раскручивался. Он накренился на правый бок, но все же продолжал свой путь по заданной траектории.

Осколки взорванного астероида продолжали наступать на корабль. Они уже повредили один из двигателей и пробили обшивку центрального корпуса корабля. Сработала сирена, и громкий металлический голос компьютера оповестил о разгерметизации.

– Это конец! – воскликнул сержант Курник. – Мы полностью утратили контроль над кораблём.

Лида стояла перед панелью управления, замерев в нерешительности. Её сковывал ужас и одолевало нестерпимое желание повернуть время вспять, чтобы предотвратить катастрофу. «В конечном итоге, всё всегда заканчивается трагически» обреченно подумала она.

Лида оглянулась на капитана Смирнова. Этот человек, бездарный руководитель, сексист и гомофоб, отдавший самые бездарные приказы, сидел теперь в своем кресле, притаившись, и опустив глаза. Может, он сожалеет о своих действиях, а может, сокрушается о том, что утратил власть над

своими подчиненными. Но скорее всего Смирнов страшится мысли, что никогда не вернётся домой.

Лида взглянула на эхолокатор. Расстояние до пересечения границы темного пятна сокращалось, но корабль не выдержит пересечения электромагнитного поля. И тогда идея возникла сама собой. Она просияла, как дрожащий первый луч Солнца на рассвете. Лида успокоилась, включила микрофон и приказала всем, кто ещё оставался в живых и может перемещаться самостоятельно, направиться к сохранившимся после взрыва спасательным шаттлам.

– Младший лейтенант Белооков и сержант Курник, – обратилась Лида к своим подчиненным. – Отправляйтесь в первый и второй шаттлы соответственно и примите на себя командование. Вам хватит резервного питания и топлива, чтобы пересечь пятно. Когда вы окажетесь на той стороне, вам понадобится около двадцати суток, чтобы пройти пылевое облако. Подавайте сигналы бедствия. Ближе всего к вам будет техническая станция Королевства Британии и Ирландии на орбите Урана. Они вас спасут.

Услышав приказ, мужчины замерли, нерешительно переглядываясь.

– Немедленно! – подтолкнула их Лида. – С каждой минутой промедления увеличивается скорость вращения и будет нелегко совершить отстыковку.

Сержант и младший лейтенант согласились с Лидой и заторопились к выходу, на дрожащих от волнения ногах. У са-

мой двери Белооков замер, подбежал к Лиде и крепко обнял её.

– Извини, что не поддержал тебя, когда это было нужно и правильно. Мне очень стыдно теперь.

Лида улыбнулась уголками губ, потрепала друга по волосам и попросила его торопиться. Она оглянулась на программиста и инженера, застывших у пульта управления.

– Вы тоже, – кивнула она в сторону двери. – Уходите.

Шамиль подошёл к Лиде и пристально посмотрел в глаза.

– Ты остаёшься? – спросил он.

– Я приду позже, – Лида старалась выглядеть естественно. Она склонилась над компьютером, чтобы не смотреть на друга. – Я запущу программу резервного копирования данных. Белооков их получит, как только запустит двигатели на ведущем шаттле. Нужно сохранить всё то, что нам удалось открыть.

– Ты думаешь, что мы сможем вернуться обратно? Через это пятно? – Шамиль не оставлял подругу в покое.

– Мы должны, – коротко ответила Лида.

Мужчины надели защитные скафандры и скрылись за дверью

Асмия, уже одетая в скафандр, подошла к Лиде.

– Что мы сможем на этих шаттлах? Дрейфовать пока, за нами не придёт помощь? – спросила она, наклонившись к уху подруги.

Лида едва заметно кивнула головой.

– Они автономны, но, сколько мы протянем? Хватит ли нам еды и воды? – продолжала спрашивать Асмия.

– А что я ещё могу сделать? – растерянно оглянулась Лида. – Корабль мертв. Остаться здесь – это самоубийство.

Асмия закусила губу, силясь остановить нескончаемый поток вопросов. Она поняла, что Лиде так же страшно, как и ей, а может и вдвое больше, потому что именно ей нужно быть сильной и нести ответственность за жизни всех, кто ещё жив. Асмия обняла подругу и, несмотря на дискомфорт от скафандра, дотянулась и поцеловала Лиду.

– Ты всё равно молодец, – прошептала девушка.

Она помогла Лиде надеть её старый и потрёпанный скафандр. Сжатый кислород заполнил пространство внутри и немного опьянил сознание. Лида расслабилась, отбросив бессмысленные переживания и страхи, и ощутила прилив сил и уверенности.

– Ждём только вас, лейтенант Хорошева! – сообщил сержант Курник.

Лида тяжело вздохнула. Вылет шаттлов невозможен, пока массивный звездолёт не снизит обороты инерционного вращения. Ни тормозная система, ни двигатели не работают, потому что всё топливо, что у них было, взорвалось. Лида попыталась создать силу противодействия вращению, выпустив струю воздуха. Для этого ей пришлось израсходовать почти все запасы кислорода. Однако эта мера едва замедлила движение корабля.

Время утекало, словно вода сквозь пальцы. Лида ощущала удушающую тяжесть, нависшую на её плечах. Она должна их спасти!

Лида разглядывала панель управления, ища подсказку. Кое-где мерцали красные и желтые огоньки, так компьютер отображал низкий уровень кислорода. Неустойчивое изображение эхолокатора изменяло цвет и направленность вспышек. Всеми виной вращение, которое только усиливалось, и справиться с которым было невозможно.

– Используй ракеты! – включилось вдруг радио. – лейтенант, – продолжало радио голосом младшего лейтенанта. – Воспользуйся ракетами.

– Какая ирония! – усмехнулась Лида.

Она села за пульт. Навигация у подбитого корабля работала неточно. Лида как смогла, нацелила остававшиеся заряды ядерных ракет вглубь космоса и произвела залп. Две ракеты, нагнетая давление, покинули оружейный модуль с левого борта. Этой мощи хватило, чтобы создать противодействие неуправляемому вращению и снизить обороты.

Лида запустила ещё одну пару ракет, чтобы добиться максимального замедления. Всё шло хорошо, как вдруг сработала сирена, а на экране пульта управления принялась пульсировать красная табличка. Лида коснулась её, и компьютер, включив свой металлический голос, сообщил о неисправности снаряда.

– Что это значит? – затаив дыхание, спросила Асмия.

На экране появился обратный отсчет.

– Это значит, что ракета застряла в пусковой шахте и скоро взорвётся, – прошептала Лида.

Она в ужасе глядела на быстро утекающие секунды, отсчитывавшие приближение конца. Асмия сжала в своей ладони руку Лиды. Сквозь толстые перчатки костюма нельзя ощутить тепла прикосновения. Плотная материя защитного костюма полностью изолирует человека от вакуума, холода и человеческого тепла. Сердце Лиды больно сжалось в груди. Она тяжело вздохнула и обернулась к Асмие, заглянув в её красивые карие глаза.

– Беги ко второму выходу. Немедленно! – скомандовала Лида.

По радиосвязи Лида дала команду пилотам шаттлов улетать.

– Беги, – вновь повторила Лида, стараясь, чтобы голос её не дрожал. – Они дождутся тебя, и вы спасетесь! Беги!

– Нет! – Асмия старалась сдерживать слезы и быть убедительной. – Мы пойдем вместе или я останусь здесь, с тобой.

Девушка казалась непреклонной, но её голос все же дрогнул, когда она говорила эти слова.

Лида смотрела в любимые глаза подруги и ощущала обжигающую боль в сердце. Это была тоска от осознания, что это их последние минуты, секунды.

– Возьми с собой капитана, – сказала Лида. – Этот человек должен понести наказание за то, что сделал.

– Нет, – всё ещё пыталась сопротивляться Асмия. – Нет, – повторила она.

Слёзы текли по её щекам.

– Не обязательно всё должно закончиться так, – протянула Асмия, но она уже понимала, что это конец, они расстаются и иначе быть не может.

Лида подбежала к Смирнову и потянула за цепь наручников.

– Держи, – скомандовала она подруге.

Доктор Сандовал безвольно поддалась поручению Лиды, обмотала ремень вокруг своего запястья и потащила за собой капитана Смирнова, который всё ещё не отошел от шока.

Лида убедилась, что Асмия и капитан добрались до шаттла. Она рассчитала момент, когда крутящий момент корабля придаст шаттлам дополнительную инерцию и инициировала программу запуска.

Только Белооков понял Лиду, когда она приказала всем отправиться в спасательные шаттлы. Только он знал, что отстыковака возможно с пульта управления на мостике. Причудливое решение конструкторов, никогда не бывавших в космосе.

Маленькими точками на экране навигации шаттлы направились к тёмному пятну, которое должно вернуть всех домой. А на опустевшем, разгромленном корабле металлический голос закончил обратный отсчет и в следующую секунду, мощный взрыв разнес звездолёт вдребезги.

Лида ухватилась за что-то увесистое и держалась всеми силами. Чем-то увесистым оказалось капитанское кресло. Какая ирония! Лида хотела стать капитаном корабля, а ей досталось лишь кресло, которое уносило её с собой во мрак и вращалось, вращалось, вращалось...

Стая миллионов осколков звездолёта «Циолковский-3» вращалась вокруг неё и неслась в неизвестном направлении. «Всё же, надо было давать кораблю другое название» усмехнулась Лида. «Если первые две попытки оказались неудачными, почему с третьей всё должно было сложиться наилучшим образом?»

Кислород беззвучно вытекал из поврежденного скафандра. Где-то на плече был крохотный порез, пропускавший драгоценный воздух. Но так ли он важен сейчас?

Лида удивленно вглядывалась в своё окружение, прислушивалась к своим эмоциям. Ей не было страшно. Она не испытывала тоску, и сожаления не снедали её. Ей было... скучно.

Как странно!

Вот она – одна, беспомощная, в пустоте безжалостного космоса... И ей скучно. Кислорода хватит ещё на четверть часа. И все эти пятнадцать минут она будет испытывать не радость, огорчение, гнев или любовь... Нет, она будет испытывать гнетущее чувство скуки.

Вселенная жестока. Вселенная безжалостна. Этот суровый мир совершенно не предназначен для жизни в нём. Че-

ловечество чудным образом зародилось в своей крохотной колыбели, за пределами которой его поджидает смерть. И, казалось бы, человек не должен желать выпасть за пределы своей родной планеты. Но он тянется, страхась и преодолевая леденящий ужас, устремляется к бескрайней пропасти, таящей в себе ничего кроме гибели, чтобы попытаться разгадать тайны мироздания.

Лида попыталась себя развлечь мыслями о том, что её возлюбленная спаслась. Мыслями о том, как глупого капитана Смирнова будут судить. Но эти мысли не нашли никакого отклика в душе.

Затем Лида стала думать, как она вообще здесь оказалась, здесь – в открытом космосе, один на один с бесконечной пропастью?

Это очень занятная история! Это целый ряд причин, приведший Лиду в эту неизвестную точку координат. В числе первых не прекращавшаяся столетиями холодная война с западными государствами и гонка вооружений, на которые правительство Содружества тратит огромные суммы. Здесь также приняло участие такое явление как социальный лифт, благодаря которому серьёзную должность капитана экспедицией доверили не слишком умному Смирнову, родственнику члена ближайшего окружения президента. Свой вклад внесла небрежность номенклатурного аппарата, который со свойственной ему вольностью распределял бюджет и сроки на строительство звездолёта, который должен был около че-

тырех лет служить домом для членов экспедиции. Одной из немало важных причин является абсолютно безграмотное руководство капитана Смирнова. И, конечно же, вишенкой на этом слоёном пироге является ложь – обязательная и неотъемлемая часть системы. Ложь, как инструмент управления, как способ достижения корыстных целей.

Возможно, что даже ни все участники организации экспедиции знали об истинной причине. Скорее всего, это был тесный круг заговорщиков, решивших направить экспедицию в центр пылевого облака. Возможно, что этот же круг людей с самого начала знал, с чем столкнётся экипаж «Циолковского-3». Но программист Шамиль был прав. Содружеству не важны человеческие жизни. На первом месте у представителей власти всегда стоит секретность. Это их способ повысить свой авторитет и ощутить собственную важность.

А что же сама Лида? Всё ли правильно сделала она сама? Что ж, вероятно, нет, раз именно она теперь бороздит просторы Вселенной в дырявом скафандре и с глупым капитанским креслом в охапку.

Лида отпустила кресло и продолжила свой полёт теперь уже совсем в одиночку.

Уровень кислорода достиг критического. Таймер на экране планшета, вшитого в левый рукав скафандра, настойчиво отсчитывал оставшиеся две минуты.

Стать космонавтом. Это была её конечная цель. И в этом оказался её просчет. Видимо, формулировать свои желания

и устремления нужно более точно, максимально подробно расписывая детали.

Лиде следовало думать так «Стать космонавтом и открыть новую обитаемую планету» или «Стать космонавтом и изучать новые миры, чтобы по возвращении написать научный труд». Может, спрашивала себя теперь Лида, тогда бы она не оказалась в этой нелепой и скучной ситуации?!

Но это всё враньё! Враньё, что Вселенная пытается убить всякого, кто окажется в её глубинах без защиты. Человек – это ошибка, случайность, временное явление. Это хрупкое создание, сформировавшееся спустя миллионы лет эволюции и превращений. Но весь этот путь лишь капля в море, песчинка на фоне необъятной и всё время расширяющейся Вселенной. Рано или поздно любознательность человека, с коей он так высокомерно шагает по планетам, приведёт его к смерти, человечество исчезнет, история о нём прервётся, а планеты и звёзды будут продолжать свой неспешный путь, безразличные к ничтожным и тщетным попыткам человека понять Вселенную.

Таймер истошно завопил, сигнализируя о том, что запасы кислорода иссякли. Лида выключила надоедливый звук и продолжила наслаждаться тишиной бессмертного космоса.

Совсем скоро жизнь покинет её. Тело окоченеет, и будет плыть до тех пор, пока гравитация планеты-гиганта не притянет Лиду к себе. И тогда она станет частью многовекового кольца из астероидов.

Лида ещё пыталась рассуждать о своей жизни, но её сознание постепенно затухало, погружаясь с бесконечный сон бесславной смерти.

Из тягучего оцепенения её вывело покалывание в руках и ногах. Она ощущала, как тепло медленно проникает в её тело. Голова очень болела, и всё время подташнивало, как после похмельной ночи. Лида приоткрыла глаза. Яркий зеленоватый свет ударил в глаза, и она зажмурилась. Постепенно она привыкла к свечению и сумела разглядеть человека, глядящего на неё.

Нет! Погодите, что?

Незнакомое, невиданное никогда ранее существо таранило на Лиду большие жёлтые глаза. Вытянутое лицо темно-коричневого цвета прикрывала хирургическая маска. Существо взяло в руки какой-то инструмент и потянулось к Лидиной голове...

....Продолжение следует. Приглашаю к обсуждению, мой аккаунт в инстаграм @adelia_blum

В создании иллюстрации для обложки было использовано изображение, размещенное в свободном доступе в сети Интернет.